

ВРЕМЯ ИСКАТЬ

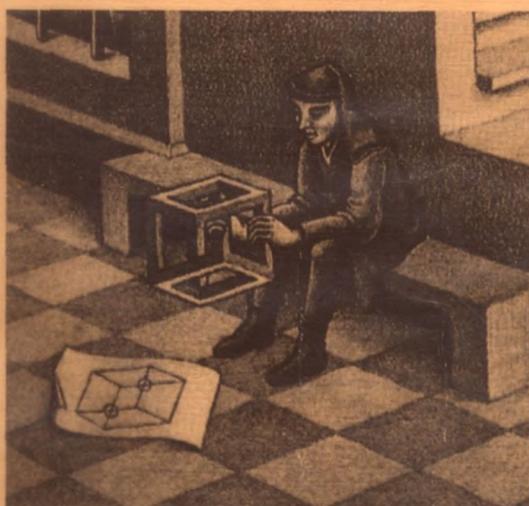
9

עת לבקש

2003

ВРЕМЯ ИСКАТЬ

עת לְבַקֵּשׁ

№9
2003

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д-р Марк Амузин

РЕДАКТОР

Абрам Торпусман

РЕДКОЛЛЕГИЯ

д-р Наталья Дараган

проф. Шмуэль Зильберг

д-р Нафтали Прат

д-р Андрей Сигалов

проф. Йонатан Френкель

Дан Харув

СОВЕТ ДРУЗЕЙ ЖУРНАЛА

Александр Мелихов,
писатель (Россия)

Амос Оз,
писатель (Израиль)

д-р Леонид Стонов,
социолог (США)

проф. Михаил Членов,
этнолог, президент
российского ВААДа
(Россия)

EDITOR-IN-CHIEF

Dr. Marc Amusin

EDITOR

Abraham Torpusman

EDITORIAL BOARD

Dr. Natalya Daragan

Prof. Jonatan Frenkel

Dan Kharuv

Dr. Naftali Prat

Dr. Andrey Sigalov

Prof. Shmuel Zilberg

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗРАИЛЬ И ЕВРОПА

Гасан Гусейнов. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС
ГЕРМАНИИ И ПОЛОЖЕНИЕ ИЗРАИЛЯ 5

ЯРМАРКА ИДЕЙ

Ирина Качур. МЕЖДУ ДВУХ МИРОВ 12
Наталья Дараган. ФУНКЦИЯ И ЕЕ ПРЕДЕЛ 23

АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ

Евгений Мовшович. СТАЛИН И ЕВРЕИ: КУРС
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ 30

ГАЛАКТИКИ И ГИТИКИ НАУКИ

Арон Долгопольский, Исраэль Луговской. РОДСТВО
ЯЗЫКОВ И ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ 42

ПОЛИТИКА / ПОЛЕМИКА

Интервью с Ами Аялоном: "НАЧИНАТЬ НУЖНО
С БУДУЩЕГО" 58
О СИОНИЗМЕ И ИЗРАИЛЕ СЕГОДНЯ

Яков Хисдай. НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЭРЫ 69
Михаил Пробатов. ОБ ИЗРАИЛЕ, РОССИИ И ДЕМОКРАТИИ 73
Леонид Наткович. СИОНИЗМ И ИЗРАИЛЬ 82

В ФОКУСЕ

Назир Маджли. НЕ ТОЛЬКО ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ 89

FRIENDS OF THE JOURNAL

Alexander Melikhov,

writer (Russia)

Amos Oz,

writer (Israel)

Dr. Leonid Stonov,

sociologist (USA)

Prof. Michael Chlenov

Social antropologist,
President of VAAD (Russia)

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИЗАЙН

Андрей Резницкий

ИЗРАИЛЬСКАЯ ПАНОРАМА

Дани Гутвайн. УЧЕТНЫЙ ВЕКСЕЛЬ НЕВИДИМОЙ	
РЕВОЛЮЦИИ	104
Дан Бен-Давид. О ТУМАНЕ И ПОЛИТИКЕ	113
ИСТОРИЯ О ДВУХ СТРАНАХ	118

HUMANITARIA

Юрий Лотман. О ЩЕДРОМ ХУДОЖНИКЕ	123
Юрий Гусев. ЗНАК ОСВЕНЦИМА	133
Михаил Юдсон. ЗООЛУШКА, ИЛИ ПИСЬМА НЕОЛЮБВИ	152

ВСЕ ПРОЧЕЕ — ЛИТЕРАТУРА

Валерий Попов. МУТНАЯ ПОЛЯНА	155
Лариса Рудштейн. РАССКАЗЫ	168

ИЗОБРАЖЕНИЯ

Александр Адонин. МОТИВ И ОБРАЗ	181
--	-----

Издание осуществляется при поддержке израильского
Министерства культуры, науки и спорта,
а также Совета по культуре "Мифаль а-Паис"

На первой странице обложки: фрагмент литографии М. Эшера "Бельведер".

На последней странице обложки: Якопо делла Кверча. Грехопадение. (Рельеф. Болонья, XV в.)

Издание культурно-просветительного общества "Теэна"
ул. Кинг Джордж, 6. Иерусалим 94229. Тел.: 02-6249658; факс: 02-6244667
E-mail: club_teena@hotmail.com

Moadon Teena. 6, King George Str. Jerusalem 94229.
Tel.: 02-6249658; fax: 02-6244667

При содействии ассоциации "Мосты Культуры" (Москва, тел. 284-37-51)

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

© 2003 Moadon Teena

ISSN 1565-0081

OCR Давид Титневский, май 2019 г., Хайфа

Computer design and composing by "Alphabet" Publishers
Einayim la Mishpat str., 28. Jerusalem 94313.
Tel./Fax 972-2-6242949. E-mail: andrezn@netvision.net.il

Гасан Гусейнов (1953) — литературовед, политолог. В СССР занимался в основном классической филологией — автор книг и статей об Эсхиле, Аристофане, Платоне и греческой мифологии, переводчик с древних и новых языков. С 1990 г. живет в Германии. Публикует книги и статьи о русской политической риторике XX века, современной политической мысли в Европе. Преподает в Боннском университете и сотрудничает в интернет-редакции "Немецкой волны".

Гасан Гусейнов

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ГЕРМАНИИ И ПОЛОЖЕНИЕ ИЗРАИЛЯ

Для того, чтобы представить себе перспективы евреев в Европе и, в частности, в Германии, необходимо помнить два обстоятельства первостепенной важности. Первое касается истории вопроса. Еще живы и палачи времен Холокоста, и его оправдатели, и те, кто не успел стать жертвами. То обстоятельство, что нападения на евреев в мире не вызывают массовых протестов, сравнимых с протестами против реформы налоговой или пенсионной системы, свидетельствует о постоянстве сейсмической опасности. Приходят новые поколения, для которых история Катастрофы — не более, чем текст. Политическая сейсмография, сколь бы слабым ни было эхо регистрируемых ею толчков, должна охватывать и те плоскости политического ландшафта, что на первый взгляд довольно далеко отстоят от нашего предмета. Что касается Германии, то такой плоскостью является внешняя политика этой крупнейшей страны современной Европы. Рассмотрев в предыдущей статье внутривнутриполитические факторы, имеющие первостепенное значение для судьбы евреев в Германии, перейдем к анализу внешнеполитического фактора, который в 2003 году обсуждается в мировой печати под довольно расплывчатой рубрикой "антиамериканизма".

После прихода к власти красно-зеленой коалиции в 1998 году внешнеполитическое положение Германии значительно изменилось. Отчасти это связано с обстоятельствами чисто субъективного порядка, такими, например, как личные отношения между государственными деятелями. Имеются, однако, по меньшей мере две тенденции, которые, возможно, никак не связаны с субъективными приоритетами тех или иных конкретных политиков. Первая тенденция касается

меняющегося места Германии на оси Вашингтон-Москва, вторая — меняющейся роли Германии в общеевропейской политической архитектуре после расширения Евросоюза на восток.

Существуют опасения, что за последние пять лет (с ускорением после 11 сентября 2001 года и особенно быстро в ходе подготовки к войне в Ираке) Германия подвергла пересмотру свое место в трансатлантической системе партнерства и безопасности. Эмансипация от США, находящая себе психологическое оправдание в политике Джорджа Буша-младшего, зашла несколько дальше, чем мог себе представить политический класс обеих стран накануне и сразу после объединения двух германских государств. Усилиями федерального канцлера Герхарда Шредера политический диалог с Вашингтоном свелся к чисто формальному поддержанию партнерских отношений в рамках действующих договоров и обязательств. В ходе и особенно после дебатов об иракской войне США стали главным объектом критики со стороны СМИ и политиков ФРГ.

Одновременно происходило расширение партнерских отношений с Москвой, выражавшееся, прежде всего, в постепенном исчезновении из официальной берлинской повестки дня проблемы грубейших нарушений прав человека в России. Ни ликвидация независимого российского телевидения, ни грубые нарушения собственного законодательства, ни информационная блокада Чечни не поколебали строго пророссийской позиции Германии. Бросается в глаза, что российское направление внешней политики ФРГ полностью перешло в ведомство федерального канцлера, тогда как министерство иностранных дел во главе с Йошкой Фишером занимается находящимся в явно аварийном состоянии американским направлением.

Ведя не зависящую от Америки российскую политику, дипломатический Берлин выступает в лучшем случае в роли второстепенного экономического брокера на остальном постсоветском пространстве. Особенно это бросается в глаза в связи с событиями в Грузии, в ходе которых ушел в отставку друг Германии Эдуард Шеварднадзе. Германия оказалась не готовой к происшедшей смене власти, полностью уступив Грузию более активным глобальным игрокам — США и России. При этом не очевидна равноудаленность ФРГ в данном противостоянии. В отличие от США, Германия, по-видимому, признает особые права России по отношению к бывшим республикам СССР.

Параллельно с российским развивается китайское направление внешней политики Берлина. Заметно, что и в данном случае в глубокую тень ушли бывшие ранее более актуальными для ФРГ вопросы прав человека. Попытка любой ценой добиться экспортных успехов на китайском рынке выдается за экономический прагматизм и заставляет федеральное правительство забыть даже о собственном решении выйти из ядерной энергетики. От политики в отношении двух важных евразийских партнеров Германии обратимся к Европейскому континенту.

Вторая тенденция внешней политики ФРГ — попытка нового позиционирования крупных стран Европы как региональных сверхдержав Евросоюза. В споре, идущем вокруг конституции, Германия противостоит двум тенденциям,

выразителями которых оказались средние и малые страны ЕС, даже еще и не ставшие формально членами этой континентальной организации. Польша (как и примкнувшие к ней Испания и ряд других государств) не готова согласиться с неодинаковым статусом стран-членов ЕС в зависимости от численности их населения. Венгрия требует зафиксировать в конституции новой Европы положение об охране прав меньшинств. Это требование восходит к далекому прошлому, а именно — к Версальскому договору 1918 года, по которому Венгрия была урезана в границах больше, чем какая бы то ни было другая страна-наследница распавшейся Австро-Венгерской империи. Не выдвигая территориальных претензий к соседям, Венгрия хотела бы правовой защиты для одного из самых многочисленных меньшинств Восточной и Юго-восточной Европы — венгров.

Центральный мотив обоих на первый взгляд второстепенных противостояний — попытка позиционирования Евросоюза как нового сильного континентального образования, структурируемого вокруг крупных национальных государств, прежде всего — Франции и Германии.

Реализация лозунга "Европа регионов" или превращение европейского правительства (Еврокомиссии) всего лишь в малый парламент, не способный прийти к действенному согласию, противоречили бы интересам Германии, как их понимает нынешнее правительство во главе с Герхардом Шредером и его важнейший европейский партнер — президент Франции Жак Ширак. Стоит заметить, что на этой общей платформе оба государственных деятеля сумели преодолеть личную неприязнь, которой были отмечены первые месяцы пребывания Шредера на посту канцлера.

Сильной Европы очень не хватало Соединенным Штатам Америки в период гражданской войны в бывшей Югославии, а также первой войны в Персидском заливе 1991 года. Однако после ожесточенных споров вокруг иракской политики международного сообщества и особенно после того, как фронт в войне против международного терроризма мало-помалу слился с фронтом антииракской кампании, концепция сильной Европы приобрела самостоятельную динамику. Американская администрация не очень доверяет направлению, которое принял процесс, ранее инициированный самими Соединенными Штатами. При всех заверениях министра иностранных дел Йошки Фишера, что Америке-де никогда не будет грозить конфронтация с сильной Европой, имеются достаточные основания для того, чтобы сомневаться в обоснованности заявления германского министра.

Сколь бы маловероятна ни была угроза непосредственного военного противостояния Европы и Америки, от новой холодной войны Америка (ослабляемая напряжением глобальной миссии) и Европа (прибавляющая в весе за счет расширения на восток) все же не застрахованы.

Несколько месяцев назад канцлер Шредер высказался в том смысле, что у Германии есть свой путь в мировой политике. Анализ внешнеполитического вектора, избранного красно-зеленым правительством, показывает, что это высказывание ни в коем случае не является случайной проговоркой. Какая новая

стратегическая ориентация правительства за ним скрывается? Федеральный канцлер, несмотря на сопротивление значительной части бундестага, навязывает Германии дружбу с авторитарным режимом Владимира Путина и пытается даже обойти собственных партнеров по коалиции в сделке с Китаем. Расширенный Евросоюз он понимает иначе, чем его предшественники на этом посту. Расширенная Европа должна превратиться из союза полностью равноправных государств в некое подобие федерации, в рамках которой крупные государства должны играть и более значительную роль при принятии и реализации принятых решений. Вопрос один: не оформляется ли под влиянием президента России Владимира Путина и его окружения новая, "евразийская" стратегия в Берлине?

Ответ на этот вопрос можно найти в многочисленных публикациях советника канцлера Шредера по России политолога Александра Рапа (Alexander Rahr), возглавляющего отдел СНГ и России в Германском совете по внешней политике. Как автор весьма сочувственно написанной книги о Владимире Путине "Немец в Кремле" Рар в гораздо большей степени, чем кто бы то ни было из его немецких коллег, приближен к президенту России. Как глава одного из ключевых берлинских аналитических центров Рар лучше большинства немецких коллег-политологов осведомлен о прагматике внешнеполитических решений "красно-зеленого" кабинета. Его взгляд поэтому представляется сугубо важным для понимания если и не практических тенденций в двусторонних отношениях, то, во всяком случае, очертаний и направления экспертного воздействия, или, если воспользоваться современным русским термином, приемов политической технологии.

Основная задача, формулируемая Рапом в ряде интервью и меморандумов, опубликованных за последний год в интернете, проста: руководства России и Германии должны во что бы то ни стало провести максимальное сближение двух стран с тем, чтобы со временем "была достигнута цель создания единого евроазиатского союза на территории Евразии". "Чтобы действительно этого добиться, Европе необходимы отсутствующие сейчас ключевые стратегии, а также политики, которые обладали бы достаточным пониманием мира, чтобы спроектировать великую Европу. Сегодня же нами правят юристы"¹.

На сайте под говорящим названием "Париж-Берлин-Москва" Рар пишет в январе 2003 года о том, что до 11 сентября 2001 года "в России были слышны голоса, которые предсказывали слияние ЕС с Россией, после чего история смогла бы вылепить новую евразийскую супердержаву"². "Но у старой Европы, — продолжает он, — не хватило политической воли, стратегии и желания идти на риск, чтобы стать на вышеописанный путь. Эмансипация от США рассматривалась в Европе как самоубийственное преступление. Да и сейчас многие европейские политики впадают в состояние шока от одной мысли, что сама Америка может "эмансипироваться" от своих европейских союзников"³.

В этом пассаже точно названы реальные психологические мотивы европейских и особенно германских политиков, не желающих охлаждения отношений с США: после Второй мировой войны США нанесли урон многим странам и ча-

стям света, но только не Европе. И в качестве потенциального театра военных действий в борьбе с СССР, и в качестве разделяющей общей ценности союзницы Европа, освобожденная от национал-социалистической диктатуры, получила от Америки такое ощущение безопасности, что смело могла себе позволить демонстрировать против американцев, воюющих во Вьетнаме или размещающих на территории Германии или Англии "крылатые ракеты". Для того, чтобы эмансипироваться от такого союзника-соперника, одного "желания идти на риск", как выразился Рар, явно недостаточно: тут требуются идеология и стратегия.

На такую стратегию, однако, ни Европа в целом, ни Германия в особенности до начала войны в Ираке способны не были. Война в Ираке вызвала кристаллизацию смутных эмоций. В первых рядах противников войны оказались Франция Жака Ширака, Германия Герхарда Шредера и Россия Владимира Путина. Призрак "антиамериканизма" показался силой, способной создать ту самую политическую континентальную ось, о которой грезил геополитики-евразийцы двадцатых годов, мечтавшие о союзе "тевтонского леса и славянской степи".

Понимая, что, "когда закончится война в Ираке, немцы вновь встанут на сторону США", Рар глубоко сожалеет, что Москва не воспользовалась возможностью сближения с Берлином в ущерб Америке. Евразийски настроенные русские, с точки зрения Рара, не протянули руку помощи Шредеру, оставшись в орбите США.

"Должен сознаться, — пишет Рар, — я считаю Шредера самым честным из всех трех упомянутых руководителей. Он протестует против войны, не преследуя при этом никаких целей, кроме попытки сдержать данное избирателям обещание. Его пацифизм порой просто-таки наивен. Ширак, как и Путин, оставили для себя кое-какие лазейки, позволяющие поторговаться со Штатами, а Шредер буквально изолировал сам себя — даже в пределах самой Германии. Тот же Йошка Фишер, говоря об иракском конфликте, постоянно смягчает тон, постоянно лавирует, старается оставить ФРГ простор для маневра, — а Шредер просто в ужасе от того, что делает Буш, и не скрывает этого. В его реакции нет никакой торговли, никакой геополитики"⁴.

Россия, однако, не поддавалась искушению воспользоваться простодушием федерального канцлера и также не стала рисковать подрывом связей с Америкой ради Европы, кстати, в гораздо большей степени зависимой от США, чем это ей самой хотелось бы.

Несмотря на то, что шансы федерального канцлера на приход к власти в 2006 году пока минимальны (сейчас, в декабре 2003 года социал-демократы почти вдвое отстают от ХДС/ХСС), заложенные им внешнеполитические ориентиры могут сохранить силу, прежде всего под воздействием капитанов германской промышленности. Для концернов новая политическая стратегия Германии была бы лишь дополнительным, хотя и конкурентным ресурсом в прочной трансатлантической сети. Самосознанию немцев и европейцев эмансипация от США — при всех неолиберально-великодержавных издержках политики нынешней администрации — уже нанесла значительный методологический ущерб.

Главная опасность состоит здесь в том, что германская политика на европейском направлении может определяться не прагматическими, а идеологическими соображениями, не интересами, а сверхценными идеями. "Германии и России повезло, что в начале 1990-х у руля немецкой и где-то даже европейской политики стоял Гельмут Коль — человек с историческим мировоззрением, а не с чисто прагматическим"⁵. Рар дает понять своим российским собеседникам, что для сближения России и Германии следует воспользоваться растерянностью германского руководства, чисто инстинктивно отреагировавшего на чересчур агрессивную политическую линию США в отношении Ирака. Он предупреждает и о том, что если на смену простодушному Шредеру придет Ангела Меркель — председательница Христианско-демократического союза, — то в Германии "будет явный крен в сторону Америки... И где-то она может повернуться спиной к России, потому что для нее Америка гораздо важнее, в 10 раз важнее, чем Россия"⁶.

На какой общности может строиться союз демократических стран Европы с автократическими странами Востока? Социально-политические ценности у них разные, единственное, что их могло бы объединить — чисто идеологическая цель "мягкого противостояния Америке". Если удастся хотя бы частично осуществить эту программу, то одним из первых испытательных полигонов "мягкого противостояния" станет регион Ближнего Востока, где кооперативно-конкурентные отношения Европы, США и России могут выйти из нынешнего равновесия.

О том, что главными очагами возможного противостояния станут Ближний Восток и бывший СССР, пишет и Александр Рар. Перечисляя проблемы европейского континента, над решением которых работают и американцы, и сами европейцы, политолог констатирует:

"Не европейцы, а американцы выстраивают на сегодняшний день будущую Европу и рассматривают ее как составную часть мощного трансатлантического союза. Не исключено, что в обозримом будущем США попросят европейцев включить в состав ЕС такое государство, как Израиль. В Америке есть определенное представление о том, что долгосрочная защищенность Израиля может быть обеспечена только в том случае, если Израиль подключится к западным оборонительным и экономическим структурам. После перемены режима в Ираке подобные планы будут постепенно реализовываться. Ближний Восток и Средняя Азия будут, находясь под строгим контролем Америки, двигаться в сторону Запада"⁷.

Итак, мы вернулись к той развилке, с которой начинались эти заметки. Имеются как персонально окрашенные, так и зависящие лишь от макросоциальной конфигурации обстоятельства, которые ставят под вопрос сохранение статус-кво. Применительно к Германии выясняется: пока что этой страной, да и большинством других стран Европы, "правят юристы", а не визионеры-евразийцы. Но такое положение может легко измениться в условиях кризиса.

Совпадение глобального кризиса, вызванного войной в Ираке, с пребыванием у власти в Германии "красно-зеленой" коалиции, опосредованно задевает и

Израиль. На высоком политическом уровне в Германии "евразийский проект" всерьез обсуждается как противовес "трансатлантическому", при этом областью соперничества между сверхдержавами близкого будущего объявляется Ближний Восток. Израиль в этом контексте должен быть заинтересован в самом пристальном мониторинге ситуации, как и в более дифференцированном подходе к политическим силам Старого Света.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Александр Рар. Ориентировка России на Европейский Союз не имеет альтернативы // Интервью "Евразийскому журналу". Опубликовано на сайте Сергея Глазьева: <http://www.glazev.ru/sight/501>
- ² Мир под гегемонией Америки (Die Welt in einer Pax Americana). Публикация на сайте: http://www.paris-berlin-moscou.org/die_welt_in_einer_pax_americana_a_rahr.htm
- ³ Там же.
- ⁴ Александр Рар: "Pax Americana" — живая реальность. Сайт информгентства Росбалт.RU: <http://www.rosbalt.ru/2003/03/21/90106.html>
- ⁵ Александр Рар: ЕС не хочет, чтобы Россия топталась в "европейском огороде" // Интервью информационному агентству Росбалт 20.06.2003; опубликовано на сайте: <http://www.rosbalt.ru/2003/06/20/104038.html>
- ⁶ Александр Рар: ЕС не хочет, чтобы Россия топталась в "европейском огороде"...
- ⁷ Мир под гегемонией Америки (Die Welt in einer Pax Americana). Публикация на сайте: http://www.paris-berlin-moscou.org/die_welt_in_einer_pax_americana_a_rahr.htm

Ирина Качур — философ, публицист. Печаталась в журналах "22", "Время искать". Живет в Иерусалиме.

Ирина Качур

МЕЖДУ ДВУХ МИРОВ

**Еврейские интеллектуалы начала двадцатого века:
философ Козн, теолог Розенцвейг, поэт Пастернак**

Короткий ренессанс немецкого еврейства, прерванный последовавшими в Германии трагическими событиями, дал плеяду мыслителей, европейских по образованию и складу ума, но остро переживавших свой внутренний духовный разрыв с еврейством. Еврейские интеллигенты шли в университеты, писали и преподавали, искренне восхищаясь немецкой культурой. Еврейство многими из них ценилось не больше вышедшего из моды семейного фолианта. Некоторых, однако, такое положение дел не удовлетворяло. Стремление найти себе место в немецкой культуре не означало для них — раствориться в ней полностью. Попытки возврата к корням, поиск самоопределения стимулировали потребность осмыслить древнее наследие еврейского народа с помощью близких западноевропейскому гуманисту понятий.

Развитие интеллектуальной еврейской мысли в Германии конца XIX — начала XX веков тесно связано с именем Германа Козна, одного из крупнейших философов того времени. Герман Козн, сын кантора, закончивший в молодости еврейскую теологическую семинарию, был главой Марбургской философской школы. Там он создал новое философское течение, известное как неокантианство. Будучи чисто европейским философом, продолжателем классической традиции Платона, Лейбница и Канта, он, кроме того, снискал себе репутацию оригинального еврейского мыслителя, синтезирующего немецкий идеализм с еврейской философией.

Корреляция между европейской философией и иудаизмом — идея не новая. Этим занимались многие еврейские теологи, самый известный из которых — Рамбам. Но Рамбам мыслил в рамках религиозного еврейства, основной целью его работ являлась апологетика иудаизма в глазах образованной молодежи, знакомой с греческой философией. Главная тема его теологии — доказательство,

что принципы иудаизма ни в коем случае не противоречат логике, идут в ногу с современным, на тот момент аристотелевским, мировоззрением.

В отличие от предшествующих еврейских философов у Коэна все было иначе: не иудаизм оправдывал он посредством философии, а, скорее, наоборот, принципы иудаизма использовались им для подтверждения идеалистической философской системы.

Немецкие идеалисты девятнадцатого века мечтали найти философию, определяющую мир как конструкцию мышления, но без кантовского разделения на явление, феномен, и на "вещь в себе", ноумен. В этом направлении двигался и Герман Коэн, вырабатывая собственную философию. Коэн различает три сферы человеческого бытия: логику, этику и эстетику. Каждая из этих сфер создается творческим процессом мышления. Для построения подобной системы Коэн выработал методологию, избавляющую три указанные сферы бытия от элемента, данного извне, чувственного материала. Согласно кантовской эпистемологии мир, постигаемый в опыте, — это синтез рассудка и данности чувств. Эта данность — слабая точка кантовской философии, она ставит человека в зависимость от природы или, что то же самое в этом контексте, от индивидуальных, сенсуальных склонностей и объясняется только с помощью ноумена¹. Для Коэна, так же как и для Канта, удовлетворение личных желаний человека есть выражение не свободы его, а рабской зависимости от чувственных желаний. Свобода человека — в автономии его воли. Освобождая сознание от данности чувств, Коэн, соответственно, менял представление о человеке, данное Кантом.

Человек в новой теории не был частью природы, определяющей его субъективные, личные качества, его чувства объективировались, они уже не принадлежали именно ему, только ему как отдельному существу. Источник чувств — не индивидуальные эмоции, а человеческая среда. Быть самим собой в полном смысле слова, выражать свои истинные чувства человек может, исходя из межличностных отношений. В человеческом обществе человек мог реализовать себя, ибо только в нем избавлялся от эгоизма, созданного иллюзией собственной отделенности от других. Религиозные и философские мировоззрения, рассматривающие человека как сумму природных склонностей, Коэн называл мифологией. Они не отражают истинную природу человека. Трагический герой Греции рожден в мифе, он игрушка в руках безжалостных Мойр, богинь судьбы. Он страдает от своей индивидуальности, излишней чувствительности — это жребий мифологического героя, живущего в мире природы. Мифоборчество является, по Коэну, величайшей заслугой иудаизма и одной из главных задач, решение которых предстоит будущему человечеству. Противоборство мифу представлено в лице иудейского Бога. Новизна идеи Бога перед язычеством не в том, что Бог — единственный, а не во множественном числе, но в том, что Бог исключителен, то есть трансцендентен, что между ним и миром природы лежит пропасть. Коэн различает понятия единого — "ахдут" и исключительного — "ихуд" — Бога. Главный атрибут иудейского Бога — это его "ихуд" — исключительность². Для греков Бог или Боги были либо частью природы, либо Бог отождествлялся с природой, как в учении греческого философа Ксенофонта. Ту же

ошибку допустил и Спиноза, являвшийся, по мнению Козна, самым большим фальсификатором иудаизма. Пантеизм — уравнивание Бога с природой — это антитеза иудаизма. Высочайшим достижением иудаизма является концепция одного Бога, полностью отделенного от всего существующего в мире. В этом Козн усматривает единственно возможное обоснование универсальной нравственности и общественного равноправия. Он крайне категоричен в своем суждении. Этика³, как таковая, могла произрасти только на почве иудаизма. В греческой философии, вышедшей из мифа, настоящей нравственности возникнуть не могло. Нам трудно судить царя Эдипа за то, что он убил родного отца. Он не мог убежать от своей судьбы. Но все-таки он виновен, такова его участь. Даже Ореста, сознательно пошедшего на матереубийство, судить бессмысленно. Ведь в нем текла наследственная кровь Атридов, отягощенная убиенными в этом роду младенцами. Эти люди рождены виновными.

То же самое происходит с первородным грехом в христианстве. Положительный аспект этой религии, по Козну, в том, что посредством христианства евреи распространили монотеизм среди языческих народов. Однако Козн критикует эту религию за то, что в ней еще остались элементы мифологии. Христос представлен в образе человека, как посредник между Богом и миром, что, конечно, для Козна означало отступление от монотеистического постулата исключительного Бога. Христос должен был пожертвовать собой, чтобы искупить вину индивида. В этом Козн видит мифологическую тенденцию греческого героя, страдающего от своей индивидуальности и живущего во власти рокового греха. Ему, чтобы преодолеть свою природу, нужно искупление Христа.

Подход иудаизма в корне отличается от греческого и христианского. Исключительность Бога освобождает человека от власти рока и природы и делает этику возможной. Не только потому, что Бог как принцип, поднявшийся над механизмом природы, может быть залогом автономной воли, без которой этика вообще не имеет смысла⁴, а потому еще, что в области отношений между Богом и человеком впервые заявлена этика.

Козн даже говорит о том, что главное содержание иудейского Бога раскрывается в этике.

Откровение Бога раскрывает такие отношения между Богом и индивидуумом, в которых человек познает на себе Божественную любовь и тем самым приобретает к этой любви. Уникальные отношения человека с непостижимым Богом есть любовь. Только любовь, как уникальная форма сознания, может соединить Бога и человека. Другими словами, постичь сущность любви индивидуум может исключительно через Бога. Бог учит человека любви и призывает его к этому. В этой заповеди любви к другому, полученной от Бога, человек постигает равноценность каждой человеческой личности. Из этого, считает Козн, логично вытекает требование к созданию общества, обеспечивающего равные права каждому гражданину.

Вся сфера отношений между Богом и индивидуумом — это сфера религии, и она подразумевает, что человек в сила выполнять возложенные на него нравственные обязательства, но подобных отношений человеку еще не достаточно

для того, чтобы осуществить свой этический потенциал. В отличие от Канта, вопрос о личном спасении у Козна не стоит. Личное спасение кроется в коллективном. Нравственный идеал осуществим в идеальном, универсальном государстве.

Этика есть прерогатива государства, хотя отношения между Богом и человеком составляют ее фундамент. Такое личностное отношение должно перейти к межличностному. Человек не может быть нравственным в одиночку, а только в государстве, построенном на принципе равенства и предоставляющем каждому гражданину равные права. Это государство должно дать избавление всему человечеству, и тогда призыв Бога к любви будет реализован до конца. Религиозность — сфера индивидуального отношения с Богом — должна перерасти в этику — сферу общественную. Этический человек — это человек права, а таковое возможно только в государстве. Таким образом, Козн выводит из идеи Бога идею правового, объединяющего все человечество государства. Без представления о подобном Боге нельзя понять ценность каждой отдельной личности, а без этого равноправие не имеет смысла⁵.

Идея равноценности человеческих личностей, по мнению Козна, наглядно продемонстрирована в законе Субботы. Козн обращает внимание на разницу между первой и второй формулировкой этого закона. В первый раз он сформулирован так: "А день седьмой — суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой... ни пришелец, который в жилищах твоих... Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю... а в день седьмой почил"⁶. Соблюдение субботы здесь мотивируется сотворением мира, то есть сугубо религиозной причиной. Подобная мотивировка, по словам Козна, еще не освобождена от элемента мифологии⁷. Но в дальнейшем, развиваясь, она звучит несколько иначе. "А день седьмой — суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, чтобы отдохнул раб твой и раба твоя, как и ты"⁸. Идея равноправия и равноценности дается в словах: "как и ты". В этом, считает Козн, заложен универсальный принцип, который в будущем объединит все человечество. Все равны перед лицом одного Бога. На идее этого равенства должно возникнуть универсальное государство, о котором мечтали пророки.

Тут может возникнуть сомнение: согласно Галахе соблюдение Субботы наложено только на евреев, неевреи могут работать в это время. Значит, равенство подразумевается только между евреями? Но Козн предполагает, что даже если бы это равенство и относилось только к евреям, все-таки оно уравнивает людей разных социальных сословий, бедных и богатых. Это главнейший принцип равенства, из которого произросла идея социальной справедливости. Кроме того, к вопросу о других народах, Козн говорит, что как в первой, так и во второй формулировке закона о Субботе упоминается пришелец, значит, равенство распространяется и на него. Он подкрепляет свою идею тем, что избавление, которое готовит мессия, должно быть универсальным, а не только еврейским. То есть принцип равенства относится ко всему человечеству, а не только к избранному народу. Откровение на Синайской горе гласит, что единый Бог требует единого

человечества. Но у евреев есть особая роль. Историческая миссия еврейства — это сохранение идеи Бога и выполнение всех вытекающих из этой идеи социально-этических задач. Сам Коэн очень воодушевляется этой идеей и слышится ему, вслед пророку Исайе: "Я сделаю тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов Земли".

Если мы обратимся к Торе, то увидим, что отношение к рабству там крайне негативное. Закон о правах рабов очень важен, именно с него начинается недельный отрывок Торы "Мишпатим" (Законы)⁹. Рабство всячески пытались ослабить, уменьшив количество рабов. Через шесть лет раба должны отпустить даром. По этому поводу говорится в комментариях¹⁰: нужно помнить, что были мы сами рабами в Египте, и Бог освободил нас. Раба нужно отпускать на седьмой год, подобно тому, как шесть дней человек работает, а на седьмой отдыхает. Только если раб сам отказывается выйти на свободу, ему прокалывают ухо и делают рабом навек.

Комментаторы задаются вопросом: почему прокалывать надо именно ухо, а не другую часть тела? Ответ таков: этим органом раб слышал, что было сказано на горе Синай — слушаться только Бога, и все-таки он предпочел служить человеку. Спрашивается также, почему у раба может появиться желание побрезговать свободой и остаться в рабстве? Комментаторы отвечают: занять еврейского раба — все равно, что купить себе господина. Хозяин обязан заботиться о рабе и его семье, женить его, в случае надобности давать легкую, не унижающую достоинство работу. Даже "будет служить навек" означает не до конца жизни раба, а до следующего пятидесятилетнего юбилея, отмечаемого в Израиле.

В Талмуде¹¹ при обсуждении правил написания гета (разводного письма) разбираются также документы, по которым можно освобождать рабов. Мудрецы всеми способами пытаются облегчить процедуру освобождения раба. Даже если не было достаточного количества свидетелей и не все подписи заверены, даже если фальсификацию документа доказали, но рабу уже объявили, что он свободный человек, — раба отпускали на свободу. Предполагалась, что человек должен быть рабом только Бога, а не другого человека, такого же грешника.

Исходя из козновских предположений, можно прийти к мысли, что приверженность многих еврейских интеллигентов начала века идеям коммунизма и социализма не случайна. Еврейская молодежь отходила от религии и пропагандировала светские идеалы, но, видимо, в душе лелеяла мессианский идеал равенства, который неосознанно впитала, только под этот идеал стала подводить материалистическое мировоззрение взамен религиозного. Активное участие евреев в революционных движениях, а также социалистические мечты сионистов как раз находятся в соответствии с грезами Коэна об исключительной миссии еврейского народа готовить народы мира к царству истины и справедливости.

Людям, привыкшим оборачиваться назад, к жестоким событиям русской истории, высказанные тут суждения могут показаться злой иронией. Получается, что евреи на самом деле мутят воду и сводят мир с ума, как многие их в том обвиняют! Тут недалеко и до Протоколов Сионских мудрецов. Однако на эту про-

блему можно посмотреть и с другой стороны: мы привыкли оценивать историю в ограниченном ракурсе. Мы не можем представить себе, например, что было бы, в каком положении человечество находилось бы, если бы идея равенства вообще не дошла до умов человеческих.

“Птенцы” гнезда Козна

Учением Козна увлекалась одаренная молодежь. Залы на его лекциях были полны, послушать его курсы съезжались со всей Европы. Он был известен в России, куда приезжал читать лекции в 1914 году. Из его учеников, приобретших впоследствии известность, Эрнст Кассирер, философ-семиотик, продолжал основанное Козном неокантианское течение. В числе других были Борис Пастернак и Франц Розенцвейг — оба экспрессивные личности, для которых философия послужила преддверием к иному виду творчества. Пастернак посвятил себя поэзии, Розенцвейг — религии.

В 1912 году Борис Пастернак, не подозревавший об уготованном ему поэтическом жребии, приехал в Марбург учиться у Козна. Этой поездке предшествовал двухгодичный сбор средств и большие надежды, связанные с предстоящим знакомством с великим современником. Будучи студентом философии, начитанным в Канте и Гегеле, Пастернак планировал делать докторат под руководством Козна. Приехав в Марбург, он усиленно занимался, готовился к докладам, которые собирался представить Козну, и всячески старался обратить на себя его внимание. Козн поразил его воображение. Пастернак писал о нем в письмах: “Коган — сверхъестественное что-то. В нем много драматического. Я не знаю ничего, что было бы дальше от позитивизма, уравновешенности и благополучия, чем его мысль и фигура”.

После докладов Пастернака Козн заметил его, пригласил на обед и советовал остаться в Германии для продолжения философской карьеры. Но у Пастернака тем временем изменились намерения. В Марбурге молодого студента навестили две давние знакомые, сестры Высоцкие, в одну из которых он был когда-то влюблен. Сделав предложение и получив отказ, Пастернак потерял голову. К этому добавилось то, что вскоре после отъезда девушек он встретился со своей двоюродной сестрой, Ольгой Фрейденберг, тоже глубоко им любимой. Не зная о душевном состоянии Пастернака, она часто подшучивала над ним, словно доказывая, что излишней ученостью он женских сердец не завоеует. Под наплывом эмоций Пастернак принялся сочинять стихи и решил полностью порвать с философией. Именно этот период жизни он символизировал, как “переход в новую веру”. Как объяснить Козну свое отступление, он не знал, и объясняться с ним боялся. Неожиданно он встретился с ним на улице: “Опираясь на палку, рядом с вами с частыми остановками подвигался реальный дух математической физики... Ну как подступишься к такому? Что я скажу ему? “Verse” — протянет он. “Verse!” Мало изучил он человеческую бездарность и ее уловки?” — так он описывал эту встречу много позже в своем биографическом очерке “Охранная грамота”.

Правда, из переписки Пастернака вырисовывается более сложная картина. Пастернак узнал, что Коэн уходит в отставку, и это известие очень его огорчило. Это означало, что он не сможет учиться у Коэна, а только его философия, точнее, его эстетика интересовала Пастернака. Кассирер, чьи взгляды произвели на Пастернака большое впечатление, тоже не смог получить ставку в Марбурге и переезжал в Берлин. Неокантианство выходило из моды. Несмотря на уговоры Коэна покинуть Россию, где еврею нелегко будет пробыть, и остаться в Германии, Пастернак понимал, что рекомендации выходящего на пенсию старика вряд ли обеспечат ему быструю карьеру, а жить на родительском обеспечении ему было в тягость. Кроме того, вдали от России, без близких ему людей, Пастернаку было одиноко. В связи со всеми этими обстоятельствами он решил вернуться все же в Россию.

Франц Розенцвейг, оригинальный еврейский мыслитель и теолог, родился в Касселе в 1886 году в интеллигентной, ассимилированной семье, далекой от еврейских традиций. Мальчик воспитывался в духовной среде западноевропейской культуры. Главные праздники и бар-мицва, по его словам, справлялись чисто формально, ограничиваясь ни к чему не обязывающим хождением в синагогу.

В 1905 году после долгих сомнений по поводу выбора профессии он выбирает медицину. Вскоре сменяет ее на историю, а потом на философию. Поиск соответствующей профессии сопровождался духовными исканиями молодого человека. Франц как еврей и немецкий интеллигент испытывал внутренний диссонанс. Он считал себя наследником христианства в большей мере, чем еврейства, чья история и традиции были ему не близки. По его мнению, в Германии еврейский народ находился в разладе с самим собой. Древние ритуалы не удовлетворяли духовные нужды современного человека. Принадлежность к еврейству была чисто внешней, а нутро — христианским. Это привело немецкое еврейство к состоянию опустошенности. Подобные размышления были близки и еврейской интеллигенции в России. Сходную позицию занимает Пастернак, вопрошая устами Миши Гордона: "Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя?"

В результате Франц чувствовал, что такая раздвоенность тормозит его духовное развитие. Он пришел к выводу, что единственно правильное решение — крещение. В 1912 году он защитил докторскую диссертацию по Гегелю и готовился к окончательному переходу в христианство. И тут произошло событие, изменившее внутренний мир Розенцвейга. Решив стать христианином, не отвергая при этом свое еврейство, в 1913 году он посещает синагогу на Йом Кипур. Испытанное им во время молитвы религиозное переживание потрясло его и бесповоротно вернуло в лоно еврейства. С тех пор он посвящает себя изучению иудаизма, становясь студентом Германа Коэна, который к тому времени оставил пост в Марбурге и переехал в Берлин, где преподавал еврейскую философию.

Розенцвейг становится преданным учеником и другом Коэна. Во время первой мировой войны он был призван в армию. Сидя в траншеях, в условиях, едва ли способствующих размышлениям, он продолжает писать. В 1917 году, нахо-

дьясь на македонском фронте, Розенцвейг посылает Козну статью, где разрабатывает план еврейского образования и основания Академии по изучению иудаизма. Он также успевает встретиться и обсудить с Козном свою программу. Но Козн не смог помочь ему — в 1918 году он скончался.

После войны Розенцвейгу удалось частично осуществить свои планы — во Франкфурте был организован центр по исследованию иудаизма. С 1920 года он преподает там философию, иврит и ивритскую литературу.

Вскоре болезнь приковывает молодого мыслителя к постели. Неожиданно для всех он был поражен параличом нервной системы. Лишенный возможности двигаться, борясь с прогрессирующим параличом, Розенцвейг продолжал работать еще многие годы, вплоть до своей смерти в 1929 году. С помощью жены, писавшей под его диктовку, он переводил ивритского поэта Йехуду а-Леви. Вместе с Мартином Бубером занимался переводом библейских текстов на немецкий язык.

Книга "Звезда избавления", начатая им еще в окопах на Балканах, — основной труд Розенцвейга. Это своеобразное переплетение немецкой и иудейской духовной культуры, отягощенное экспрессивным пафосом и цитатами из Гете, скорее напоминает выплеснутое на бумагу религиозно-поэтическое переживание, чем философское произведение.

Переход от христианства к иудаизму знаменовал для Розенцвейга переход от исторического понимания бытия к вневременному, от универсального подхода к конкретному. Оставив мысль о крещении, он, тем не менее, продолжает интересоваться христианством и очень позитивно о нем отзываться. В отличие от многих еврейских мыслителей, видящих в христианстве, в лучшем случае, приближение к иудаизму, он называет эту религию даже не приближением к истине иудаизма, а выражением той же самой истины, но в другом ее аспекте. По его мнению, любая правда имеет две стороны: неизменную, вечную — и динамичную, живущую в истории. Иудаизм пребывает в вечности, а христианство повернуто к миру и осуществляет себя в истории.

Пастернак, однозначно выбравший христианство, говорит об этом в романе "Доктор Живаго" так: "...можно не знать, есть ли Бог и для чего он, и в то же время знать, что человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом, что Евангелие есть ее обоснование. А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению. Для этого открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, для этого пишут симфонии".

Как Пастернак, так и Розенцвейг, отталкиваясь от философии Козна, задавались вопросом преодоления смерти как главнейшим вопросом человеческого существования.

Что ужасает в смерти? Нам кажется, что наши субъективные чувства, переживания, самое личное, что у нас есть, то, что нельзя понять другому человеку, — в этом все мы. Подобные мысли заставляют нас содрогнуться: ведь с прекращением личного существования короткая жизнь индивидуальности кончается. Наш богатый внутренний мир, не соприкасаясь с внешним, испаряется, будто никогда и не существовал. В этом проблема философов экзистенциалистского

направления: провозглашая аутентичность человека как героя, противопоставляющего себя миру, они рано или поздно сталкиваются с проблемой смерти. Если человек принадлежит сам себе, если он отделен от мира, то смерть означает для него тотальное прекращение существования.

Но философия Козна противостоит экзистенциализму. Для Козна, как было уже сказано, индивидуальность не отражает истинную природу человека. Человек живет в мире, проецированном общим человеческим мышлением, его чувства и поступки имеют смысл только в человеческом обществе, а не на необитаемом острове. В свете этого философия Козна дает более оптимистичный, в отличие от экзистенциализма, взгляд на проблематику смерти. Освобождение чувств от их индивидуальной составляющей, которое проповедовал Козн, делает их бессмертными, ведь они не привязаны к отдельному человеку, а значит, не умирают вместе с ним. Не ограничиваясь отдельной смертной личностью, выходя за пределы индивидуального существования, человеческие эмоции становятся как бы космическими. Именно такая философия влекла к себе темпераментного Пастернака. Он считал, что в каждом человеке есть неумирающая доля накопленных в истории переживаний и чувств¹². В дальнейшем поэзия являлась для него резервуаром межсубъективных чувств, где сугубо личное, человеческое и объективно-мировое переходят одно в другое. "Мирозданье — лишь страсти разряды, Человеческим сердцем накопленной". Являясь универсальными, переживаемые человеком любовь, гнев, трепет остаются в мире. Ощущения, испытанные одной личностью, через стихи, например, могут передаваться другому.

Для Розенцвейга проблема смерти — исходная точка его философствования. "Звезда избавления" открывается размышлениями о смерти, а заключение, к которому ведет данная книга, — это переоценка смерти при помощи божественного откровения. Розенцвейг говорит о том, что страх смерти — сильнейшее переживание человеческой личности. Источником этого страха является отделенность индивидуума от мира и Бога. С этого страха начинается философия, но она идет по неверному пути. Философия пытается преодолеть смерть путем самообмана. Она создает теорию универсального, вечного бытия, которое и является единственно существующим. В этой единой всеобщности индивидуальная душа составляет маленькую часть бессмертного целого и с прекращением своего существования не нарушает вечной гармонии бытия. Такие теории создаются, чтобы успокоить человека, дать ему убежище под навесом всеобщности. С их помощью стирается ценность индивидуальной жизни, и умирание личного. "Я" теряет свою роковую значимость. Таковой является философия, купол которой торжественно возвел Гегель. Но, пишет Розенцвейг, подобные заманчивые теории не могут заменить человеку ощущение его собственного "Я", стремящегося к вечному существованию, остро страдающего от одиночества в мире, где каждая вновь прожитая секунда напоминает о мимолетности существования. Философия не может спасти человека.

Вместо подобного философского миража Розенцвейг строит свое мировоззрение, тоже, впрочем, достаточно спекулятивное, во многом находящееся под влиянием диалектики Гегеля, но проникнутое живым осмыслением каждого но-

вого понятия. Мир, индивидуум и Бог — три отдельные субстанции, которыми символически обозначаются три вершины первого треугольника звезды избавления. Бог трансцендентен миру и человеку — в этом Розенцвейг продолжает линию своего учителя, Козна. Но именно трансцендентность, отдаленность Бога позволяет ему как отдельной субстанции войти в контакт с человеком и миром, то есть открыться человеку и сотворить мир. Человек приводит мир к избавлению. Таким образом, творение, откровение и избавление составляют вершины второго треугольника звезды.

Несмотря на то, что Розенцвейг перенял подход к иудаизму от Козна, его как философа можно поставить в один ряд с экзистенциалистами. Человек в мире всегда один. Только как индивидуум человек входит в отношения с Богом. В этом сосредоточении внимания на одном человеке, на его проблемах и переживаниях, а не на всеобщих теориях, Розенцвейг близок к таким философам, как Ницше и Кьеркегор. Переживание для Розенцвейга — это основной элемент, на котором зиждется религия. Понятие закона он просто подменяет этим переживанием. Бог может общаться только с индивидуумом. Отношения между Богом и человеком — главный фундамент иудаизма. Откровение Бога человеку есть любовь, которую человек ощущает в непосредственном переживании. Чувствуя на себе эту любовь, человек может превозмочь свое вечное одиночество, страх смерти. Любовь преодолевает закрытость, отделенность индивидуума. Будучи любимым, он поднимается из своего гордого одиночества и способен общаться с другим, вести диалог. Тут снова прослеживается идея, рассмотренная в эстетике Козна, — чувство, переживание размывает границы индивидуальности и спасает человека от его ограниченности, одиночества.

С этой точки зрения Розенцвейг рассматривает и соблюдение заповедей в иудаизме. Выполняя заповедь, данную Богом, человек чувствует живую связь с ним, его любовь, его заботу о нем. Требование соблюдения заповедей не должно быть законом. Смысл выполнения заповедей и молитв, по Розенцвейгу, заключается прежде всего в эксперименте, сопровождающем это выполнение. Розенцвейг считает, что если заповедь выполняется автоматически, она не имеет никакого смысла. Что не подкрепляется персональным переживанием, — не должно исполняться. Поэтому Розенцвейг не соглашается с ортодоксальными евреями, сводящими весь иудаизм к Галахе. В письме к родителям он замечает в связи с кошерной пищей, что дорога к сердцу ведет не через желудок, а через дух. В 1920 году он пишет своей невесте: "Только обрати внимание на эмоциональный склероз многих ортодоксальных евреев и особенно склероз по отношению к их еврейским чувствам! Как не готовы они принять любого еврея, если он не живет по "Шулхан Арух"! Нет, я не могу назвать важным это (кошерную пищу). То же в отношении Субботы и праздников. То что, произошло между нами, более значимо для нас, чем Суббота".

Замена сухого требования выполнения религиозных ритуалов переживанием этого выполнения — идея, часто возникавшая в иудаизме. Подобных взглядов придерживался любимый Розенцвейгом Иеуда а-Леви, оппонировавший в этом смысле рационалисту Рамбаму. Хасидское движение во многом возникло под

влиянием схожих настроений, выбирающих более эмоциональный подход к религии, чем это практиковалось подходом классического иудаизма, который в большей мере преваляровал в литовском ортодоксальном течении.

На первый взгляд, вряд ли можно найти много общего между двумя учениками Козна, один из которых стал русским поэтом, другой — еврейским теологом. В идейном смысле они разошлись. Каждый из них выбрал свой путь: Пастернак крестился, Розенцвейг, едва не крестившись, вернулся к еврейским традициям. Однако двух людей сближала эмоциональная родственность, порывистость, острая чувствительность к жизни, определившая их духовные поиски. Для обоих верно то, что Пастернак написал про себя: они переживали изучение науки сильнее, чем это требуется предметом, поэтому оба не остались в рамках академической философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. мою статью в 8-м номере журнала "Время искать" "Свобода и мораль в контекстах иудаизма и европейской философии". Козн пытается преодолеть дуализм Канта между производящим себя мышлением и чувственным опытом, данным извне. Поэтому он и науку выводит исключительно из разума, из самосозидательного процесса, наподобие того, как Кант выводит этику.

² German Cohen, "Essays on Judaism".

³ Имеется в виду универсальная этика, в существование которой Козн верил. Относительные, зависящие от культуры правила поведения у Козна не называются этикой.

⁴ См. подробнее объяснение этой идеи в статье "Свобода и мораль в контекстах иудаизма и европейской философии". Козн соглашается с Кантом, но расширяет этот подход, добавляя к нему идею откровения и мессианства, почерпнутую из иудаизма.

⁵ В грезах об идеальном государстве Козн сближается со своим далеким предшественником Платоном. Платон описывает правильно построенное государство, где у власти стоят философы, охраняют и соблюдают порядок войны, а все остальные — простой люд, подчиняющийся высшим сословиям. В государстве Платона частная собственность аннулировалась, дети должны быть общими, провозглашалось социальное равенство. Конечно, в свете событий 20 века такая утопия представляется тоталитарным ужасом, пародией на который может быть роман в духе "Мы" Замятина. Однако еще век назад эта идея не представлялась такой ужасной... Для философов, в отличие от политиков, идеальное государство было отражением внутренней гармонии, к которому должно прийти человечество. Козн считал, что без идеи Бога Платон не мог прийти до равенства, которое пропагандировали еврейские пророки. Как доказательство этому он указывал на то, что в Платоновой республике сословия людей определялись уровнем их интеллекта. Самые умные в сферах науки и логики, философы, будут стоять у власти, а все остальные, менее способные в этих областях, должны быть в подчинении. У Платона постулировалась изначальная иерархия людей, он не дошел до принципа безусловного равенства, о котором грезили еврейские пророки.

⁶ שמות כ', ט"ו.

⁷ Из лекции Г. Козна в Петербурге, пересказанной д-ром А. Гурляндом в книге: "Герман Коген — Его философское обоснование еврейства".

⁸ דברים ה', ט"ו.

⁹ שמות משפטים, כא.

¹⁰ Из "Хумаш тора шлема", Рав М. М. Кашера.

¹¹ מסכת גיטין, פ"ד, א.

¹² См. Люди и положения, Пастернак.

Наталья Дараган — этнолог. Научный редактор Краткой Еврейской Энциклопедии. В 1979 г. окончила филологический факультет МГУ. В 1984—1993 гг. работала в Институте этнографии АН СССР (после 1991 г. — ИЭА РАН). В Израиле с конца 1993 г. Живет в Маале-Адумим.

Наталья Дараган

ФУНКЦИЯ И ЕЕ ПРЕДЕЛ

(Размышления о статье Александра Этермана "Тезисы о природе человеческой морали", "Время искать" № 8)

Не всякий, наверное, прочтет аллюзию в заголовке этой статьи, хотя она ощутима и значима: одна из шести книг Клайва С. Льюиса, связанных единым сюжетом о Нарнии и являющихся, в сущности, изложением христианской этики для детей, называется "Конь и его всадник"; тем самым автор расставляет акценты и определяет ведущего и ведомого. Многоопытный конь знает лучше самого всадника, куда его доставить и как это сделать, но смысл действий обоих в героической миссии всадника. Побуждаемый всадником, конь участвует в битве, которую современный светский человек легко отождествит с войной тоталитарного мира против общества демократии и свободы, а более традиционный и религиозный — назовет Армагеддоном. В соответствии с еврейской традицией, конь и всадник совершают "тиккун олам", и в результате сами обретают в преобразенном мире новую сущность. Взаимоотношения коня и всадника аллегорически отображают связь общества и морали.

Не обладающее моралью общество, очевидно, может существовать и развиваться. Многочисленны исторические предания (относящиеся по большей части к мифологии) о том, как тот или иной народ жил до прихода своего культурного героя (Митры, Моисея, Кама и др.) в дикости и без закона. И лишь первоучредитель преобразовал эту первобытную толпу в социум, который оказался способен консолидироваться как народ, принять и сохранить религию и выработать традицию, которую впоследствии назовут национальной. Интересно, что в этом переходе от дикости и варварства к организованности и праведности мифы не выделяют утилитарную сторону. Народ не становится немедленно благополучней или богаче, но в его жизни появляется Закон и справедливость.

Представления о доморальном существовании весьма устойчивы. Например, Руссо, критикуя своих современников, "зарегулированных" необоснованными,

на его взгляд, нормами, законами и традициями, противопоставляет им "благородного" в своей естественности дикаря. К XX в. относится анекдот о христианском миссионере в Центральной Африке, упорно втолковывавшем нилотам разницу между добром и злом. Напоследок он попросил их привести пример того и другого. "Добро, — ответили ученики, — это если мы победим соседнее племя, захватим их женщин и уведем скот". — "Что же тогда зло? " — обескуражено спросил проповедник. — "Если они сделают то же самое нам".

Итак, общество без морали возможно, но мораль вне общества, очевидно, не существует. Действительно, человек без коня уже не всадник, а пешеход. Следует ли из этого все то, что с легкостью необыкновенной выводит в своей статье Александр Этерман? Например, следующее утверждение: "Не вызывает сомнений, что мораль — это одна из функциональных сфер нашего социума, имеющая яркий практический выход" (с. 32). Жаль, что автор в примечании 1 отказывается от анализа этики, признавая ее теорией морали, из тех соображений, что вначале нужно "выяснить, что такое мораль" (с. 43).

Анализ этики иудаизма, или христианской, или же аристотелевой этики существенно помог бы разобраться с определением морали. Или, хотя бы, расставить основные ориентиры: мораль и религия, мораль и законы, мораль и эволюция общества. Но А. Этерман заведомо отвергает все эти возможности ради того, чтобы дать собственное независимое определение морали, претендующее на универсальность, поскольку оно дается как бы вне религии, исторического момента и даже вне определенного социума. "Мораль — это социально-психологический механизм, побуждающий членов социума выполнять социальные нормы и правила, не регламентируемые законом или безотносительно к закону" (с. 37). Итак, мораль — "в сущности, весьма полезная вещь" (с. 32) — социальна, функциональна, исторична. Нам предлагают мыслить о ней предметно и конкретно с целью научиться объяснять и предсказывать (с. 33). Предсказывать что? Моральное поведение или изменения самой морали? К сему прилагаются несколько примеров, с них, пожалуй, и начнем.

Робинзон Крузо на необитаемом острове, по мнению А. Этермана, живет вне морали вплоть до появления рядом с ним Пятницы. В самом деле, "вообразим... моральную рубку деревьев, моральное строительство дома, моральное разведение коз... Налицо явная бессмыслица". Правда, в примечании автор оговаривается, что Робинзон на тропическом острове воспроизводит "нажитую ранее в британском человеческом обществе картину мира". Вот в этой картине мира и кроется ключ к разгадке. Робинзон действительно морально строит дом и морально разводит коз, отнюдь не рассчитывая на то, что британское общество во всей своей полноте с законами, обычаями и системой престижа вот-вот появится рядом. Дело в том, что верующий протестант за свое моральное поведение ответственен не перед обществом, а перед Всевышним, который не только наблюдает его в любом месте в любое время, но и властен над ним после его смерти. Движимый таким моральным сознанием Робинзон в тяжких испытаниях не богохульствует, не прокликает судьбу, не вынашивает планов мести тем, кто отправил его в это злосчастное путешествие с коммерческой целью, не предается рукоблудию, а ведет себя

как бесполое существо и занимается производительной деятельностью в согласии с природой. Последнее очень важно. Построив дом вблизи от берега так, чтобы из окон открывался широкий обзор моря, позволяющий скорее заметить корабль, Робинзон оказался в некотором отдалении от небольшой реки, протекавшей на острове, и вынужден был постоянно ходить за водой. При этом ему и в голову не приходило изменить русло небольшой реки так, чтобы она протекала возле дома. Хотя технически, имея лопату и патроны для взрыва, он, вероятно, мог бы это сделать. Но изменять русла рек могли только люди, считавшие природу "окружающей средой" (это выражение фигурирует в статье А. Э.), для верующего человека природа — творение Божие, а потому преобразовывать ее, т.е. набиваться к Нему в соавторы грешно и безумно. По той же причине, когда рядом с Робинзоном появился Пятница, первый не стал для второго Богом, хотя мог бы, а лишь другом и братом, причем обязательно "старшим".

Читатель, возможно, подумает: откуда такая нелепая идея, что Робинзон мог стать для Пятницы богом. Из жизни, конечно же, из истории. Добровольный Робинзон, русский исследователь М. М. Миклухо-Маклай (1846 — 1888) много лет провел на острове Новая Гвинея среди папуасов, которых он учил и лечил. Они его почитали, его именем назван берег в северо-восточной части острова. На родине тоже почитали выдающегося ученого и отважного путешественника и присвоили его имя институту этнографии Академии Наук СССР. Каковой институт вознамерился издать полное собрание сочинений Миклухо-Маклая в 1970 — 80 гг. При работе над рукописями ученого выяснилось, что не только аборигены считали Миклухо-Маклая богом, но и он сам хорошо вошел в эту роль. А папуасы-родители с готовностью приводили ему своих детей для удовлетворения его естественных (противоестественных?) потребностей, и, очевидно, считали их богоизбранными. Наш моральный кодекс, как бы либерален он ни стал в последние годы, не позволяет выстроить естественно, без внутреннего препятствия, такой ряд: педофил, возможно одержимый манией величия, преданный слуга царя и отечества, бесстрашный путешественник, талантливый ученый и просто добрый и честный человек (а иначе мы бы никогда не узнали о нем смущающие подробности). Поэтому институту пришлось ограничиться вторым (после издания 1950 — 54 гг.) изданием избранных трудов, а нам стоит посмотреть на поведение Робинзона более свободным от стереотипов взглядом. Кстати, если бы Робинзон не моделировал на необитаемом острове идеальное поведение человека своего общества, а выстраивал некую новую мораль, сообразную островной жизни наедине с Пятницей, то события их совместного существования были бы совсем иными.

Подобный случай также описан в английской литературе, в романе "Повелитель мух", принесшем известность своему автору Уильяму Голдингу. Группа британских подростков в результате кораблекрушения попадает на необитаемый остров и там за короткий период выстраивает в полном объеме социальные отношения первобытного общества с властью сильного над слабым, иерархией, престижем и войной. Пришедшие им на помощь моряки были изумлены тем, что британские дети так себя повели и даже убили нескольких своих товарищей.

Вообще рассуждения об ином способе социального бытия, будь то в первобытности или же у современных традиционных народов, чрезвычайно привлекательны для философов и историков общества. Чего только ни приписывали этим "древним" и "примитивным". А. Этерман, фантазирующий на эту тему, безусловно, оказывается в хорошей компании. Было время, когда вслед за Руссо дикарей считали поединно свободными, в отличие от зарегулированных законами, религией, традициями и даже модой людей Нового времени. Заодно приписывали им и их социуму справедливость, навеянную будто бы близостью к природе. Классики марксизма, добавив к этому отсутствие собственности, в которой видели основу неравенства, эксплуатации и угнетения, вывели некий "первобытный коммунизм". Культуролог XX в. Мирча Элиаде, сравнивая различные модели исторического развития, уверенно приравнял первобытный коммунизм к "золотому веку" как столь же умозрительное построение. Серьезные историки первобытности указывают на то, что отсутствие собственности отнюдь не препятствовало расщеплению общества, принуждению и угнетению. Просто неравенство базировалось на другой основе, например, на доступе к сакральному знанию или к наркотикам и галлюциногенам — важной составляющей многих первобытных культов. Свидетельства о том, что в первобытном обществе существовало социальное неравенство, действовала система престижа, можно найти в трудах А. Леруа-Гурана, А.Р. Радклиффа-Брауна, А.Л. Крёбера. Да и советские исследователи, например, А.И. Першиц и В.Р. Кабо писали, что первобытный коммунизм выглядел не так, как изображали его классики марксизма. Но бросаться в противоположную крайность и представлять себе древнего человека "зарегулированным" да еще "законом", как это делает А. Этерман, нет решительно никаких оснований. Культ предков предписывал вполне умеренный ритуал, доживший в реликтовой форме до наших дней, например, в виде запрета пожимать руки через порог; инициации тоже сохранились и поныне, очевидно, обществу они необходимы. Брачные классы оставляли свободу в выборе партнера не меньшей, чем современное свадебное бюро предлагает своим клиентам. А если уж мы обратимся к писаным законам, которые регулировали общества не первобытные, а в период становления и развития государственности, то едва ли найдется такое положение варварских прав, берегового права, права мертвой руки, статута острова Карчула (относительно цельных кодексов, сохранившихся и исследованных историками), которые в разработанном виде, со многими деталями и вариантами не присутствовало бы в современном законодательстве. Так что свободный человек либерального общества "зарегулирован" законом значительно больше, чем его племенные предки.

Более того, формализованное законодательство наступает и вторгается в те сферы, которые ранее регулировались обычаем, этикетом и даже моралью. Кого уважать, как выражать свое уважение, как мужчина должен вести себя с посторонней женщиной и как с женой, кого считать бедным и в каком размере ему оказывать помощь — все это предписывается законом. Практикующий адвокат и религиозный еврей Яков Хисдай в своей статье "Уважение", "справедливость" и "милость" в эпоху демократии" (Вести, 13.11.2003) указывает на серьезные издержки такой экспансии закона. Во всяком случае, в обществе идет про-

цесс противоположный тому, который А. Этерман описывает в своей статье, и не мораль начинает подменять и вытеснять закон, а как раз наоборот. Тогда как мораль должна не поддерживать, не подменять, а дополнять закон в тех сферах, которые закону писаному и человеческому не подлежат, а относятся к области сакрального или абсолютного. И это особенно явственно видно в ситуации, когда закон и мораль противоречат друг другу. Ситуация эта вполне классическая и архетипическая, она описана в трагедии Софокла "Антигона". Возможно, благодаря этой парадигматической ситуации трагедия была так популярна в разное время и породила новые версии, одна из которых — "Антигона" Жана Ануя. Сюжет трагедии прост: поход Семерых против Фив завершился разгромом нападавших, братья Этеокл и Полиник убили друг друга на поединке; Креонт, правитель Фив, издает закон (указ), запрещающий хоронить останки врага. Антигона, сестра Полиника и племянница Креонта, нарушает его и символически хоронит брата (посыпает останки песком). Ее заживо замуровывают в царскую гробницу, где она кончает с собой. Узнав о ее смерти, сын Креонта Гемон, жених Антигоны, также совершает самоубийство. Последнюю часть действия, свернутую в заключительный монолог Креонта, часто оставляют без внимания, но она важна: Креонт отменяет свое постановление и велит похоронить останки Полиника, достает тело Антигоны из склепа и хоронит ее рядом с женихом.

Что же происходит? Борьба доброго начала (Антигона) со злом (Креонт)? Нет, иначе это бы не было классической трагедией. Креонт уж никак не злодей и не тиран; он выведен мудрым правителем, заботящимся о благе граждан и любящим отцом и дядей, давшим приют Антигоне и предназначившим ее в жены своему сыну. Как правитель нового государства он хочет своим законом наказать изменника в назидание верным гражданам. Антигона ставит семейный долг выше гражданского и потому нарушает запрет. Она живет как бы в прежнем родоплеменном обществе, в котором обязанности перед родными выше всех других. Креонт спрашивает Антигону, подрывающую устои государства: "Кому ты служишь?" И она, в ответ, признается, что служит подземным богам. То есть не богам Олимпийского пантеона, а хтоническим богам древности. Поэтому Креонт замуровывает ее заживо в склеп, отправляя к подземным богам, и тем самым дважды нарушает от века установленный порядок, в котором мертвые останки Полиника принадлежат земле, а живое (Антигона) — наземному миру. За это он лишается сына и, поняв знак богов, старается исправить то, что еще можно.

Трагедия показывает, что есть более высокий закон, нежели повеление правителя, пусть даже разумное и оправданное. Служение этому высшему неписаному закону не утилитарно, оно не помогает выжить индивиду, оно не способствует устройству социума. Оно призвано поддержать некий абсолютный миропорядок, установленный свыше, в область которого не должно вторгаться человеческое законотворчество. Таково, примерно, распределение ролей между законом и моралью.

Интересно, что в пьесе Ж. Ануя, еще более заострена "бессмысленность, нецелесообразность" действий Антигоны: она упорно вновь и вновь посыпает песком кости брата, которые даже не в состоянии по-настоящему похоронить, никто

ее не поддерживает. Стражники (выведенный в пьесе народ) остаются абсолютно равнодушны к ее подвигу. Креонт, еще более симпатичный и рассудительный, чем в античном подлиннике, остается при своих убеждениях. И моральный акт, подвиг, остается самодостаточным, как эманация божества, не вступая во взаимодействие ни с кем и ни с чем, но наполняя мир особым смыслом.

Мораль, несомненно, имеет отношение к добру и злу, справедливости, милосердию. Всегда ли закон имеет такие коннотации? Ведь закон должен в первую очередь упорядочивать, урегулировать, его цель — минимально приемлемое поведение, не разрушающее социум. Милосердие не является для этого необходимым условием.

Тут мы подходим к сложному вопросу о функции и функциональности, в котором А. Этерман призывает нас мыслить предметно. Что такое функция? Уравнение, описывающее зависимость. Сказать: "это является функцией", все равно, что сказать: "это зависит". По-английски можно и так, а по-русски требуется еще добавить от чего. Попробуем разобраться на сравнительно простом примере, скажем, одежде. О ней легче мыслить предметно, о морали все-таки хочется мыслить абстрактно.

Итак, одежда должна быть удобной и функциональной, то есть защищать тело от повреждений, не стеснять движений, поддерживать температуру. Как все, связанное с внешним обликом, может нести эстетическую нагрузку. Исходя из таких представлений о назначении одежды, авторы учебника этнографии приводили в пример праодежды колпачок для прикрытия головки полового члена у австралийских аборигенов. Когда мне, наконец, довелось увидеть (не воочию — на рисунке) эту громоздкую конструкцию из просверленной кости, прикрепленную штырем к поясу на талии, я поняла, что она функциональна не больше (но и не меньше), чем железные цепи на современных металлстах: они указывают на принадлежность к группе и несут функцию устрашения. Первобытная одежда демонстрировала социальный статус, часто — племенную принадлежность, была знаком престижа. А вот уж прикрывала, согревала, предохраняла — весьма относительно. При этом военные доспехи обычно к одежде не относят, хотя они-то как раз предохраняли. Кринолины, жабо, фижмы ужасно стесняли движения и были, тем не менее, популярной одеждой. А вот универсальные джинсы, свитер и спортивные ботинки, в которых могут ходить президент, бродяга, домохозяйка и кинозвезда, никто бы еще в недалеком прошлом одеждой не назвал, их бы окрестили искусственной кожей или покрытием. Одежда должна была подчеркивать пол, соответствовать возрасту и сословию, указывать на род занятий. Так что наши рассуждения о функциональности часто оказываются приписыванием сегодняшних смыслов иным культурам и системам ценностей. Функция, конечно, есть, но она от другого переменного и не с тем значением, которое мы ей даем.

Тот факт, что в разных обществах действуют разные морали, и что мораль меняется со временем (будучи гораздо более консервативной, чем законы) еще не доказывает, что мораль является функцией общества, то есть связана с ним прямой или более сложной зависимостью. Скорее общество и мораль соотносятся как функция и ее предел. В обществе все действительно взаимозависимо,

а вот отношение общества и морали опосредованы представлением об абсолюте. Неумолимая вертикаль (или горизонталь) предела, к которой функция всегда стремится, но никогда ее не достигает; она не зависит от значения функции в любой данной точке. При этом, переходя от функции к функции, мы получаем различные значения предела. Разные системы мировоззрения, религиозные и философские, предлагают различные варианты морали, но в любой системе мораль выступает как абсолюте.

А. Этерман в своей статье занимает позицию человека, как бы находящегося во внеморальном состоянии, что позволяет ему рассуждать о предмете со стороны. Но на самом деле он, к счастью, разделяет ту самую еврейскую "племенную" мораль, которая предписывает поднять упавшего на улице человека — действие отнюдь не обязательное в современном западном обществе. Упавший на дороге может оказаться пьяницей — и тогда по негласному консенсусу им должна заниматься полиция. Подняв ревущего малыша, можно оказаться в неловкой ситуации, поскольку к нему приставлена бабушка или няня, и вмешательство постороннего человека воспринимается как неуместное. Мне самой, упавшей с туристического объекта в достаточно оживленном месте, никто не спешил оказать помощь, здраво полагая, что с иностранцем, возможно, трудно будет объясниться, а если у него не окажется медицинской страховки, то в больнице придется платить. Можно привести еще целый ряд оснований для того, чтобы не поднимать упавшего. Во всяком случае, иерусалимская улица выгодно отличается от многих других тем, что здесь действительно бросаются на помощь. При этом и у такой морали, довольно расширительно трактующей образ "своего", есть определенные недостатки и ограничения.

В то же время нельзя утверждать, что Закон, как алгоритм компьютера, предписывает определенное действие. Он предписывает смыслы. Например: видя молнию, пребывая в страхе Божиим. Будете вы при этом прятаться под кровать, любить ближнего своего как никогда раньше или же решите срочно купить громоотвод и установить его на крыше — область вашей свободы. Последнее действие соответствует представленной во многих языках пословице: "Помоги себе сам — и Бог тебе поможет". На тему зарегулированности евреев их строгим Законом есть симпатичный хасидский анекдот. Ребе спросил своих учеников, что они будут делать, если в субботу увидят на улице потерянный бумажник. "Я подниму его" — говорит первый. — "И нарушишь Субботу" — отвечает ребе. "Я пройду мимо" — говорит второй. — "И сделаешь глупость" — наставляет ребе. А третий говорит: "Надо еще дожить до такого дня; тогда я посмотрю, утро это или вечер, есть ли на улице кто-либо кроме меня, и с учетом всех обстоятельств приму решение" — "Ты на правильном пути", — говорит ему ребе.

Я не берусь защищать от нападок А. Этермана мораль иудаизма, нормы которой он сам порой выдает за универсальные. Для этого есть более компетентные люди. Однако вопросы, поднятые так остро полемически в его статье, заслуживают дальнейшего обсуждения — соотношение закона и морали, эволюция моральных норм, совместимость ортодоксального иудаизма с этикой либерального общества.

Евгений Мовшович (1931) — геолог. Окончил геолого-географический факультет Ростовского университета. В 1979 г. защитил докторскую диссертацию по геологии. Автор 20 монографий и множества статей по специальности. С 1991 г. занимается проблемами истории российского еврейства, антисемитизма, Холокоста. По этим вопросам опубликовал более 50 статей. Живет в Ростове-на-Дону.

Евгений Мовшович

СТАЛИН И ЕВРЕИ: КУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Проблемы возникновения и формирования тайного, а затем явного антисемитского политического курса Сталина остаются актуальными и спустя полвека после смерти этого коммунистического диктатора. Наиболее дискуссионным является вопрос о векторе эволюции юдофобской политики Сталина с учетом явного противоречия между реально проводимой им политикой государственного антисемитизма и массовых репрессий против евреев, с одной стороны, и декларациями об интернационализме, равенстве и дружбе народов, с другой.

Как отметил Л. Люкс¹, "превращение советского коммунизма из силы, осуждающей антисемитизм и наказывающей за его проявления, в одного из главных вдохновителей борьбы против так называемого космополитизма и сионизма, то есть против евреев, представляет одну из самых примечательных метаморфоз XX в., происшедших в СССР во время правления И.В. Сталина".

Хорошую возможность для обсуждения этих вопросов и рассмотрения некоторых аспектов антисемитской политики Сталина дает монография Г.В. Костырченко "Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм"², представляющая первое фундаментальное, разносторонне документированное исследование по данной теме с привлечением обильных, ранее засекреченных материалов из архивов высших органов компартии СССР, включая и Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (документы МГБ СССР). Поэтому данная книга представляет собой ценный источник сведений о функционировании аппарата КПСС при проведении антиеврейской политики. В ней антисемитизм рассматривается как неотъемлемая черта функционирования то-

талитарного сталинского режима, как один из инструментов его осуществления, а не цель его политики.

В то же время работа Костырченко, по моему мнению, не лишена недостатков, которые полезно рассмотреть³, ибо проблемы формирования политики государственного антисемитизма до сих пор не анализировались столь детально и предметно.

Справедливо поддерживая оценку антисемитизма Сталина в работе А. Авторханова⁴ как прагматического, нельзя согласиться с противопоставлением Костырченко (с. 19) генезиса антисемитизма у Сталина (Р. Такер) характеру проявления антисемитизма у Сталина (Р. Конквест). При сопоставлении приводимых Костырченко (с. 26–27) воспоминаний Р. Арсенидзе (оценены как явно "небеспристрастные" лишь потому, что их автор был идейным противником Сталина) и Г.А. Алексинского выявляется, по меньшей мере, антиеврейский душок в высказываниях Сталина в 1905–1907 гг.

Дочь Сталина⁵, размышляя о более позднем антисемитизме отца, высказывает мнение на основе знания его характера, что "безусловно, он (антисемитизм — Е.М.) был вызван долголетней борьбой с Троцким и его сторонниками, и превратился постепенно из политической ненависти в расовое чувство ко всем евреям без исключения". При этом "для аффектов, для страстей Отелло отец был слишком холодным человеком"⁶.

Представляется точным вывод Костырченко, что "тогдашнее (в тридцатые годы XX в. — Е.М.) уничтожение представителей еврейской культуры и общественности, а также партийно-государственных функционеров еврейского происхождения вряд ли будет правомерным квалифицировать как проявление антисемитской политики, ибо террор против них проводился в рамках общей чистки номенклатурной элиты и генерального наступления сталинского руководства на права советских нацменьшинств" (с. 139). Он подтверждается тем, что в 1937–1938 гг. число евреев среди жертв репрессий составляло около 1% (с. 137).

Заслуживает внимания датировка Костырченко (с. 208) начала формирования и осуществления политики государственного антисемитизма в СССР. Она определяется временем работы Маленкова в аппарате ЦК, когда под его началом в отделе руководящих партийных органов (а затем в Управлении кадров) начали составлять справки о "засоренности" государственных органов людьми, не заслуживающими политического доверия, к которым уже в 1938 г. были отнесены почти исключительно евреи.

Костырченко цитирует письмо Крупской Сталину (в связи с совещанием 7 марта 1938 г.) о том, что "среди ребят появилось ругательное слово "жид" (с. 168). Любопытно, что я тоже впервые услышал это слово в Ростове-на-Дону осенью 1938 г., за год до поступления в первый класс. Я запомнил этот случай, поскольку он открыл мне глаза на то, что не все граждане СССР были интернационалистами.

В аппарате ЦК ВКП(б) продолжали составляться антиеврейские документы и в годы Великой Отечественной войны. Но еще более явно политика государ-

ственного антисемитизма проявлялась в дискриминации евреев-фронтовиков при награждении их за боевые заслуги, а также в освещении событий Холокоста с 1943 г. Рассматривая освещение зверств нацистов на оккупированных территориях СССР, Костырченко (с. 226) неточно характеризует позицию руководства СССР: в ноте Молотова от 27 апреля 1942 г. отмечалось, что "сотни тысяч украинцев, русских, евреев, молдаван и мирных граждан других национальностей погибло от руки немецких палачей в городах Украины"⁷. Еще позже последовало "Сообщение информбюро НКВД СССР" о зверствах нацистов в отношении европейских и советских евреев, опубликованное 19 декабря 1942 г. (Костырченко, с. 239).

Введение термина "мирные советские граждане" действительно "стало своеобразным способом замалчивания гитлеровского геноцида евреев" (с. 226), но произошло это к марту 1943 г. Так, после освобождения 14 февраля 1943 г. Красной Армией г. Ростова-на-Дону, первого города страны с относительно крупной еврейской общиной (занимала по численности третье место в РСФСР после Москвы и Ленинграда), было документально установлено массовое уничтожение немецкими оккупантами и их местными пособниками всего еврейского населения города (по официальным данным более 27, возможно, 30—32 тысяч человек)⁸. Однако при публикации 13 марта 1943 г. в газете "Правда"⁹ акта, составленного 17 февраля 1943 г. Ростовской комиссией содействия Чрезвычайной государственной комиссии¹⁰, слова о массовом истреблении евреев (в акте) были заменены в газете на слова о неких "мирных гражданах" (весь остальной текст акта остался без каких-либо изменений).

Партийные и государственные постановления, дискриминирующие евреев, были секретными, поэтому неизвестными широким кругам народа, но факты массовых увольнений евреев и явной дискриминации их при поступлении на работу и в высшие учебные заведения скрыть было невозможно, несмотря на лицемерное восхваление равноправия всех народов, как и факты отсутствия реальной, хотя бы пропагандистской, борьбы с бытовым антисемитизмом с конца 1941 г.

Под влиянием нацистской пропаганды всю территорию СССР (а не только оккупированные нацистами области) захлестнул мутный вал антисемитизма (слово "жид" слышалось с конца 1941 г. на каждом шагу), не получавший никакого отпора со стороны органов власти, державших под жесточайшим контролем повседневную обстановку и настроения населения и немедленно каравших малейшие открытые проявления недовольства политикой руководства страны.

Не найдя необходимых документов, Костырченко так характеризует ситуацию: "кое-где местное начальство, явно пользуясь попустительством центра, предпочитало "не замечать" проявлений юдофобии" (с. 243). На самом деле это происходило почти повсеместно. Об этом же свидетельствует обширная информация о проявлениях государственного и бытового антисемитизма в различных регионах страны в 1944—1953 гг., приведенная в сборнике материалов "Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943—1966" (1993), который указан в списке "важнейших источников" в книге Г.В. Костырченко.

Лозунг русских черносотенцев "Бей жидов, спасай Россию!" не раз появлялся в 1942–1943 гг. на стенах школы в Омске, в которой я учился. Уборщицы стирали его, а учителя и директор школы молчали, как будто смертельным врагом страны были не нацисты, а евреи. Повседневный, почти поголовный и повсеместный антисемитизм, например, я испытал после эвакуации с конца 1941 г. в Новосибирске и Омске и во время двухмесячной реэвакуации из Омска в Ростов-на-Дону в 1946 г. (было пересечено по разным маршрутам почти полстраны), а также в Ростове-на-Дону в 1946–1953 гг. Его испытали и мои друзья, вернувшиеся из эвакуации из других городов страны. К концу войны и в первые послевоенные годы бытовой антисемитизм не ослабел, а даже усилился.

Даже те редкие случаи привлечения к судебной ответственности за юдофобию, о которых упоминает Костырченко (с. 242–243), оставались тайной для общественности, не давая стимула для борьбы с этим явлением. Я не исключаю, что власть в этих случаях боролась (если вообще боролась), как правило, не с антисемитизмом, а с тем, что антисемиты присваивали себе право осуществлять функции наказания евреев, которые могли выполнять только карательные органы государства.

Демонстрация важной роли Маленкова (меньшей Берии), Щербакова, Сулова, Александрова, Шепилова, Михайлова, Шаталина, Чеснокова и других верных учеников Сталина в формировании конкретных особенностей политики государственного антисемитизма в СССР является большой заслугой Г.В. Костырченко.

Началу "холодной войны" предшествовала кампания борьбы с "низкопоклонством по отношению ко всему иностранному" (1946), за которым легко узнавалось проявление государственного антисемитизма. Важна констатация Костырченко (с. 387) того, что с арестов Гольдштейна, Гринберга, Левиной и Аллилуевых в декабре 1947 г. "политический сыск, осуществлявшийся МГБ, приобрел ярко выраженный антисемитский характер". Убийство 13 января 1948 г. по приказу Сталина С. Михозлса — председателя Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) стало для многих знаком к началу антиеврейской кампании, несмотря на почетные похороны его. Согласно Л. Люксу", оно знаменовало поворот к официальному антисемитскому политическому курсу.

"Разгром ЕАК в конце 1948 года положил начало организованному сверху искоренению всего еврейского в стране: культуры, литературы, общественных организаций, других национальных институций. Произошло радикальное усиление государственного антисемитизма, прежде не выходившего за рамки отдельных, тщательно закамуфлированных аппаратно-полицейских акций, а теперь начавшего принимать формы массированных и универсальных кампаний", — справедливо констатирует Костырченко (с. 474).

Придавая важное значение в формировании политики государственного антисемитизма в СССР кампании борьбы с "безродными космополитами", Костырченко (с. 340–346) датирует апогей ее январем — апрелем 1949 г. Однако невозможно согласиться с его тезисом о последующем "ее свертывании", ибо у всех очевидцев не было сомнений в продолжении этой кампании вплоть до смерти Сталина. Об этом упоминает и сам Костырченко (с. 348).

Ошибочным является также утверждение Костырченко (с. 513), что "с весны 1949 г. кадровая чистка в управленческих структурах" якобы "только начинает приобретать все более откровенный антисемитский характер", или что антикосмополитическая кампания имела лишь скрытый антиеврейский характер. Такой ее характер был очевиден для всех трезво мыслящих современников.

Недаром Я.Л. Рапопорт¹² впоследствии констатировал: антиеврейская направленность борьбы с космополитизмом "была настолько откровенной, что ее было трудно прикрыть фиговым листком советского интернационализма". Даже бытовало двустишие: "Чтобы не прослыть антисемитом, зови жида космополитом". Многочисленные примеры, приведенные самим Г.В. Костырченко, не оставляют никаких сомнений в этом. Поэтому невозможно не согласиться с его окончательным выводом (с. 675) о том, что послевоенные пропагандистские кампании имели явный антисемитский дух.

Столь же противоречива оценка Г.В. Костырченко развития "дела врачей". Так, он указывает, что это был "апогей тотальной послевоенной чистки, которая имела значительный антиеврейский крен" (с. 629), "и хотя среди вышепоименованных (речь идет о привлеченных. — Е.М.) большинство составляли русские, по ходу следствия дело приобретало все более отчетливый антисемитский характер" (с. 661). Здесь почему-то отсутствует ссылка на мнение Я.Л. Рапопорта¹³: "дело врачей" первоначально было лишено национальной окраски. В числе "преступников" были русские и евреи. Но затем оно было направлено преимущественно в "еврейское русло".

Очевидно, процент русских среди тайно арестованных по "делу врачей", который подчеркивается Костырченко, не имел значения, поскольку в официально опубликованном сообщении 13 января 1953 г. из 9 упомянутых привлеченных большинство было евреями, и делался акцент на связи большинства участников "террористической" группы с международной еврейской буржуазно-националистической организацией "Джойнт". В передовых статьях "Правды" и других газет подчеркивалась связь еврейских буржуазных националистов с американской и английской разведками. Сам Костырченко (с. 662) отмечает, что параллельно с "делом врачей" "осуществлялось широкое уголовное преследование других медиков, главным образом — евреев, на которых навешивался ярлык "буржуазный националист"

Самый первый арестованный по "делу врачей", профессор Этингер, обвинялся исключительно как буржуазный националист (Костырченко, с. 632), и когда его стали обвинять во вредительском лечении Щербакова, то отмечали, что он делал это в силу ненависти к нему как буржуазный еврейский националист (Костырченко, с. 637).

Заслуживают внимания соображения Авторханова¹⁴ о том, что антиеврейская редакционная (передовая) статья в "Правде" (опубликована 13 января 1953 г. одновременно с "Хроникой" об аресте врачей-вредителей), ознаменовавшая начало открытого "дела врачей", была написана Сталиным (или, по крайней мере, им отредактирована). Г.В. Костырченко (с. 660) не счел нужным сослаться на Авторханова, делая вывод, что "передовица в "Правде" под хлестким заголовком

"Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей" явно составлена под руководством и при непосредственном участии Сталина...". Необходимо отметить утверждение в передовой статье "Правды" за 13 января, что "органы госбезопасности вовремя не вскрыли вредительской террористической организации среди врачей". Это явно был сигнал органам госбезопасности страны перейти к массовым репрессиям против евреев.

Неверно мнение Костырченко (с. 682), что накануне инсульта Сталина (официально считается, что произошел в ночь с 1 на 2 марта, но уже днем 1 марта прекратились какие-либо проявления его деятельности, а дочь не смогла дозвониться до него) "с полос центральных газет исчезла воинственная риторика, неизменно присутствовавшая на них начиная с 13 января 1953 г.". Как показал еще А. Автоханов¹⁵, 1 марта 1953 г. в "Правде" (отпечатана в ночь с 28 февраля) опубликовано "постановление ЦК о женском празднике — дне 8 марта (перепечатано всеми газетами СССР), — но и там тоже меньше всего говорится о празднике, а больше о "шпионах", "убийцах", "скрытых врагах народа", "буржуазных националистах". После инсульта Сталина 1 марта "Правда" прекратила упоминать о "врагах народа", но в ней и особенно в других центральных, а также республиканских и областных газетах продолжали выходить статьи, разоблачающие "банду врачей-убийц".

Следует обратить внимание на то, что между 3 и 9 марта 1953 г. в различных газетах, как центральных, так и других, была опубликована большая серия статей о политической бдительности¹⁶. Центральным пунктом в них был тезис о разоблачении органами госбезопасности шайки врачей-убийц с еврейскими фамилиями. Подчеркивалось, что они были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией "Джойнт" и завербованы ею на службу американской разведки. По аргументации и формулировкам они повторяли опубликованную 6 февраля в "Правде" статью о политической бдительности¹⁷. Кроме того, некоторые центральные газеты опубликовали статьи с иными названиями¹⁸, но с тем же центральным тезисом о разоблачении банды врачей-убийц.

Костырченко привел также сведения (с. 683) о том, что руководство МГБ выпустило 3 марта директиву об аресте враждебных элементов, подхлестнувшую аресты "еврейских националистов после смерти Сталина, а Президиум ВС СССР лишил 6 марта Михозэlsa звания народного артиста СССР и ордена Ленина. Все вышеперечисленное не укладывается в объяснение Костырченко причин этих фактов инерцией бюрократической машины. И уж тем более этому противоречит опубликованная в "Правде" 15 марта статья первого секретаря ЦК КП Латвии и члена ЦК КПСС Я.Н. Калнберзина, посвященная памяти Сталина, но с напоминанием о злодеяниях орудовавших в нашей стране врачей-вредителей¹⁹. Таким образом, нет никаких сомнений, что в последние дни жизни Сталина и сразу после его смерти антисемитская пропаганда не была свернута.

Предположение Костырченко, что "в конце 1952 — начале 1953 годов в результате нового сильного приступа болезни здоровье диктатора серьезно ухудшилось", для объяснения причины отсутствия Сталина на заседании бюро пре-

зидиума ЦК КПСС 9 января 1953 г., обсуждавшем проект "Хроники" об аресте группы врачей-вредителей и передовицы в "Правде" (Костырченко, с. 659), не имеет серьезных оснований. Более того, Костырченко сам приводит факты, противоречащие этому предположению: вскоре после 9 января Поскребышев передал записку (несомненно по указанию Сталина) о том, на каком месте в "Правде" должно быть опубликовано официальное заявление по "делу врачей" (с. 660), а проект текста передовой в "Правде" за 13 января был подготовлен под руководством и при участии Сталина к 9 января (с. 660); между 29 января и 2 февраля 1953 г. Маленков ознакомил Сталина с проектом письма еврейской интеллигенции в связи с "делом врачей" (с. 681).

Явно ошибочен вывод Г.В. Костырченко (с. 707) о том, что "серьезность сложившейся ситуации осознал незадолго до своей смерти (речь идет о якобы вызванной "делом врачей" угрозе "наступления социального хаоса". — Е.М.) сам виновник ее возникновения — Сталин, который вынужден был пойти на попятную, свернув агрессивную пропаганду, имевшую антисемитскую подоплеку". Нет никаких реальных фактов, подтверждающих такое мнение (об этом уже говорилось выше), и уж тем более никаких документов, столь важных по методологии Г.В. Костырченко для подтверждения любого факта.

Рассматриваемое Костырченко (с. 693) как важное свидетельство признание Кагановича о том, что "дело врачей" "пошло на убыль само собой" еще при жизни Сталина, не подтверждается конкретными фактами и не заслуживает доверия, как и его отрицание наличия у Сталина намерения депортировать евреев (с. 680). При этом игнорируется противоположное мнение Микояна.

Прогноз Костырченко (с. 657) финала "дела врачей", которое кончилось бы публичной казнью большинства обвиняемых, как это произошло 3 декабря 1952 г. в Чехословакии после процесса Р. Сланского и других обвиняемых, представляется справедливым. Такое заключение логически вытекало из реальной цепи фактов: казни в Чехословакии, массовые аресты евреев в СССР, публикация "Хроники" и ряда передовых статей в "Правде", последующее нагнетание антиеврейской истерии вплоть до смерти Сталина и некоторое время после нее. Поэтому удивляет вывод Костырченко (с. 682), что "если бы Сталин вскоре не умер, то скорей всего имело бы место действие, аналогичное расправе над руководством Еврейского антифашистского комитета" (тайная расправа).

Рассматривая "миф о депортации" (само название раздела содержит оценку), Костырченко (с. 671—685) почему-то игнорирует свидетельства (даже суды рассматривают свидетельские показания в качестве доказательств) А. Сахарова, Ю. Борева, А. Микояна, А. Яковлева, А. Бовина и других. Можно, наверно, оспаривать любое из таких свидетельств, но обращает на себя внимание то, что каждый из них получил информацию из независимых источников. Очень сильное впечатление производят публикации израильских журналистов с обзором различных свидетельств о подготовке массовой депортации евреев²⁰.

Анализируя "миф о депортации", грозившей евреям в 1953 г., Костырченко (с. 675) признает, что "потенциальная угроза депортации безусловно существовала". Говоря об отсутствии документов, подтверждающих планы подготовки де-

портации евреев, Г.В. Костырченко (с. 672) не вспоминает, что он констатировал во "Введении" (с. 23) к своей монографии продолжающуюся засекреченность многих документов: "в РГАНИ полностью закрыты основные фонды — 3-й (Президиум ЦК), 4-й (секретариат ЦК), а 5-й (аппарат ЦК) — приоткрыт лишь самую малость... До сих пор остается недоступной и потому мертвой для науки основная масса материалов Архива Президента Российской Федерации". Ясно, что документы, могущие свидетельствовать о подготовке депортации евреев, должны находиться именно в вышеупомянутых секретных фондах. Возможно, отсутствие готовых списков евреев для осуществления депортации помешало реальному ее планированию.

Костырченко (с. 675) констатирует, что слухи о предстоящей депортации евреев были спровоцированы высылками из Москвы в Казахстан семей арестованных "еврейских националистов, в том числе и тайно казненных к тому времени "еаковцев", "массовыми арестами культурной и общественной элиты еврейства, и послевоенными пропагандистскими кампаниями, имевшими явный антисемитский дух, и, наконец, почти легальной юдофобией, которая особенно в последние недели жизни Сталина закамouflированно (это был фиговый листок. — Е.М.) стала нагнетаться сверху в общественное сознание, в том числе и через средства массовой информации".

Тем самым он вступает в противоречие с последующим своим выводом о том, что за высказываниями жены секретаря ЦК КПСС и зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК Михайлова: "Я бы всех евреев выслала вон из Москвы!" вряд ли стояло нечто большее, чем проявление антисемитизма (с. 675). Сравнение этой фразы с подобным восклицанием Пуришкевича в 1905 г. ничего не проясняет, т.к. его антисемитскому высказыванию не предшествовали массовые аресты и высылки евреев, а сам он был не членом правительства (Г.В. Костырченко отмечает, что секретарь ЦК Михайлов был "под каблуком" у жены), а лишь депутатом Государственной думы.

Что же мешает признать угрозу депортации реальной? Г.В. Костырченко отвечает так:

1) Невозможно было изъять сотни тысяч евреев ни молниеносно, ни тайно из густонаселенных городских центров страны (с. 676).

Но кто сказал, что их должны были арестовывать молниеносно? Примеры арестов многих сотен тысяч людей по ночам в 1937–1938 гг. показывают реальность таких действий. Сотни тысяч немцев Поволжья (а также из различных городов, в которых они были "растворены" среди множества людей иных национальностей) были депортированы в восточные регионы страны без продолжительной подготовки, предполагаемой Костырченко.

2) Необходимо было совершить предварительные радикальные изменения социально-политического характера.

Но "масштабы антисемитизма, которые имели место в СССР в начале 1953 года, были предельно допустимыми в рамках существовавшей тогда политико-идеологической системы" (с. 678). Поэтому оставался лишь один шаг до осуществления депортации евреев.

3) Отсутствие законодательной базы и прочих атрибутов цивилизованного общества не помешало Сталину истребить до этого миллионы людей, поэтому и в случае с евреями таких помех не возникло бы. Вряд ли Сталин опасался подобных трудностей.

Удивляет, когда профессиональные историки наивно задают вопросы о том, почему не сохранились рутинные следы подготовки депортации евреев (списки евреев, документация на формирование железнодорожных составов и т.п.), не задумавшись о сроках хранения такой документации. В связи с имеющейся версией о руководящей роли Суслова в подготовке депортации евреев, высказано сомнение в этом по формальным причинам (занимался совсем другими вопросами). Однако, будучи секретарем и членом Президиума ЦК КПСС в последние месяцы жизни Сталина, он, по мнению Ж. Медведева (1999), был фактическим его секретным наследником²¹, поэтому Сталин мог поручить ему готовить план депортации евреев.

Отрицая возможность новой крупномасштабной общей чистки руководящего номенклатурного слоя, вероятно, подготавливавшейся Сталиным с конца 1952 года, Костырченко (с. 683) почему-то не цитирует по этому поводу воспоминания Молотова²², который считал, что он мог бы не уцелеть, останься в 1953 г. Сталин жить, хотя воспоминания Молотова вошли в список "важнейших источников" в книге Костырченко. Подобным образом оценивал ситуацию и Микоян в своих воспоминаниях.

На личное восприятие Г.В. Костырченко масштабов проявлений государственного антисемитизма в СССР, возможно, известным образом повлияло то, что его поколение, бывшее дошкольниками в конце пятидесятых годов, не знало той общественной атмосферы, которая сложилась в СССР в 1948–1953 гг. Именно поэтому он "прозрел" лишь после краха тоталитарного режима в 1991 г. (с. 15–17).

Ряд ошибочных утверждений Г.В. Костырченко здесь и в других местах связан, по моему мнению, с методологически ошибочным подходом: обоснованными считаются только те факты, которые подтверждаются архивными документами. Изучая деятельность такой тоталитарной системы, как КПСС, нельзя забывать, что многие секретные документы могли быть уничтожены, либо решения принимались на основании устных распоряжений. Поэтому свидетельства многочисленных независимых современников представляют не меньшую ценность, чем мифы и сказания древних народов (для исторических исследований) или современные документы (к сожалению, они нередко изначально фальсифицировались их составителями). В то же время обращают на себя внимание попытки самого Костырченко высказывать мнения и делать выводы по ряду вопросов, не имеющих документальных подтверждений.

В свете продекларированной Г.В. Костырченко формулы его методологического кредо (с. 21) — "политически неангажированное, независимое и объективное исследование" — представляется любопытным освещение им на той же странице позиции писателя В.В. Кожинова, "который, обладая глубокой эрудицией и несомненно талантом блестящего полемиста, весьма убедителен как по-

пуляризатор исторических знаний". Надо отметить, что монография В.В. Кожина включена Г.В. Костырченко в список "важнейших источников", однако больше нигде им не цитируется, вероятно, потому, что многие их оценки совпадают.

Даже характеризуя потери еврейского населения во время Второй мировой войны цифрами "от 5,29 до более 6 млн. евреев" (с. 223), Г.В. Костырченко "не заметил", что опровергает "весьма эрудированного" В.В. Кожина, который утверждал в разделе "Война и евреи" своей монографии²³, что потери евреев во время Холокоста "составляли не 6 и даже не 4 миллиона" (с. 139), а гораздо меньше, и сделал такой вывод: "Нет, разумеется, никакого сомнения в том, что потери евреев в годы войны были громадными. Но постоянно пропагандируемые цифры все же очень резко завышены ради того, чтобы превратить еврейскую трагедию в своего рода центр, главный узел мировой трагедии..."

Если автор подобных антисемитских пассажей, по мнению Г.В. Костырченко, "весьма убедителен как популяризатор исторических знаний", то трудно поверить в объективность таких оценок. Доводы В.В. Кожина по существу здесь не рассматриваются, поскольку я посвятил им специальную публикацию²⁴.

Заслуживает внимания и то, как Г.В. Костырченко (с. 657) цитирует запись В.А. Малышева о выступлении Сталина на заседании Президиума ЦК КПСС 1 декабря 1952 г. с изложением его позиции по еврейскому вопросу²⁵. Вместо подлинного текста: "Любой еврей — националист, это агент американской разведки... Среди врачей много евреев-националистов..." (из него ясно, что, по мнению Сталина, любой еврей является националистом и агентом американской разведки) Г.В. Костырченко цитирует совсем иной текст: "Среди врачей много евреев-националистов", а "любой еврей-националист — это агент американской разведки". Из него следует, что агентом американской разведки служит не любой еврей, а только те евреи, которые являются националистами. Смысл меняется кардинально.

Вряд ли можно признать объективным и подход Г.В. Костырченко при оценке позиции разных исследователей в вопросе о предполагаемой депортации евреев в 1953 г.: "Я.Я. Этингер, сильно претерпевший в свое время от сталинских репрессий" (с. 672) и пробывший в сталинских застенках в 1950—1954 гг., способен только на "невразумительные пояснения", а А.М. Борщаговский, "который на себе познал тяжесть антиеврейских гонений" (с. 20), будучи уволен и долго не публикуясь, "высказывает сомнение относительно реальности планов Сталина депортировать евреев" (эти сомнения якобы очень убедительны).

Поражает та совсем не научная ожесточенность, с которой Г.В. Костырченко разоблачает "ошибочные" взгляды Я.Я. Этингера²⁶. С ней контрастируют достоинство и сдержанность в ответе Я.Я. Этингера, который представляется весьма убедительным²⁷.

Костырченко (с. 708) отмечает, что после смерти Сталина "по государственному антисемитизму был нанесен ощутимый, хотя и несмертельный удар". "Располагая в "застойный" период ограниченными внутренними ресурсами самовоспроизводства, официальный антисемитизм как никогда ранее был взаимосвязан

с внешнеполитическими отношениями СССР... и поэтому чаще всего рядился в тогу антисюионизма".

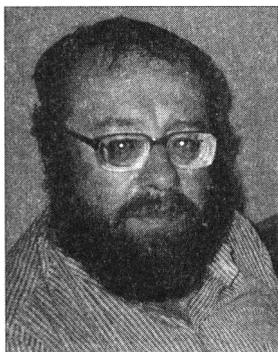
Он полагает, что "вместе с гибелью советской империи ушел в прошлое и разьедавший ее антисемитизм" (с. 709). Здесь Костырченко принимает желаемое за действительное, судя по реакции Государственной думы Российской Федерации на предложение почтить память жертв Холокоста. В то же время Костырченко прав, что необходимо преодолеть антисемитизм как форму национальной нетерпимости с целью дальнейшей этнополитической интеграции народов России.

Таким образом, признавая ценность книги Г.В. Костырченко как важного источника по истории формирования политики государственного антисемитизма в СССР, несмотря на содержащиеся в ней неточности и ошибки, — следует отметить, что в главном вопросе (определении направления эволюции антисемитской политики) в ней сделан неверный вывод о якобы происходившем свертывании агрессивной антисемитской пропаганды в конце жизни Сталина и сразу же после его смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории, 1999, № 7. С. 41.
- ² Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. 784 с.
- ³ Мовшович Е.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 1. М., 2002. С. 309–319.
- ⁴ Авторханов А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). М., 1992. С. 44.
- ⁵ Аллилуева С.И. Только один год. М., 1990. С. 146.
- ⁶ Там же. С. 317.
- ⁷ Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1. М., 1943. С. 26.
- ⁸ Книга памяти. Павшим в Великой Отечественной войне: Российская Федерация, Ростовская область. Т. 13. Ростов н/Д, 1996. С. 5. Мовшович Е.В. Холокост в Ростове // Яхад (Ростов н/Д), апрель 1999, № 3 (17). С. 3. Мовшович Е.В. Холокост в Ростовской области: уничтожение евреев на Нижнем Дону и в Восточном Приазовье // Донской временник. 2002. Ростов-на-Дону, 2001. С. 81–85.
- ⁹ Зверства немецко-фашистских людоедов. Акт // Правда, 13.03.1943, № 70. С. 3.
- ¹⁰ Государственный архив Ростовской области, Ф.Р-3513, оп. 1, д. 30. Л. 2 об; д. 441. Л. 1–8.
- ¹¹ Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина. С. 48.
- ¹² Рапопорт Я.А. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 1988. С. 22.
- ¹³ Там же. С. 213.
- ¹⁴ Авторханов А. Загадка смерти Сталина. С. 72.
- ¹⁵ Там же. С. 79.
- ¹⁶ Боголюбов К. Революционная бдительность — наше мощное оружие // Труд, 3.03.1953, № 52. С. 2–3. Прохоров П., Алексеев А. Выше революционную бдительность // Комсомольская правда, 4.03.1953, № 53. С. 2. Ильин М. Бдительность — наше оружие // Патриот Родины, 4.03.1953, № 19. С. 2. Болдырев Е. Бдительность — наше оружие // Советская Белоруссия, 4.03.1953, № 53. С. 2. Беляев Ф. Бдительность — драгоценное качество советских патриотов // Советская Киргизия, 5.03.1953, № 54. С. 2. Беляев Ф. Бдительность — драгоценное качество советских патриотов // Коммунист Таджикистана, 7.03.1953, № 56. С. 3. Передовая. Воспитывать кадры в духе политической бдительности // Правда Украины, 9.03.1953, № 53. С. 1.

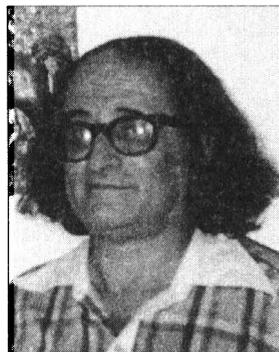
- ¹⁷ Козев Н. О революционной бдительности // Правда, 6.02.1953, № 37. С. 2-3.
- ¹⁸ Смирнов В. Джойнт — филиал американской разведки // Медицинский работник, 3.03.1953, № 18. С. 3-4. Звягин Ю. Правители Израйля — лакеи американских монополий // Труд, 5.03.1953, № 54. С.3.
- ¹⁹ Калнберзин Я. Сталин учил нас быть бдительными // Правда, 15.03.1953, № 75. С. 2.
- ²⁰ Бар-Селла З., Шрайман Т., Топоровский Я. (при участии Додина В.В.) Последняя тайна режима // Вести (Израиль), 7—13.12.1995 (литературное приложение "Окна"). С. 4—8. Кугель Р. Готовил ли Сталин депортацию евреев? // Новости недели (Израиль), 18.04.2002. С. 12—13.
- ²¹ Медведев Ж. Секретный наследник Сталина // Вопросы истории, 1999, № 7. С. 92—102.
- ²² Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.И.Чуева. М., 1991. С. 279, 477.
- ²³ Кожин В.В. Россия. Век XX. 1939—1964. Ч. 1. М., 1999. С. 137—141.
- ²⁴ Мовшович Е.В. Сколько евреев погибло во время Холокоста? // Международная еврейская газета, 2000, № 27. С. 3.
- ²⁵ Малышев В.А. Дневник наркома // Источник, 1997, № 5 (30). С. 140—141. Комментируя изложенное здесь высказывание Сталина о евреях, Л.А. Безыменский (Завещание Сталина? // Новое время, 1998, № 14, с. 38) предположил, что оно может рассматриваться как его завещание.
- ²⁶ Костырченко Г. Депортация — мистификация // Лехаим, 2002, № 9. С. 23—38. Костырченко Г.В. Документы на страже правды истории. Открытое письмо Я.Я. Этингеру // Лехаим, 2002, № 11. С. 49—53.
- ²⁷ Этингер Я. Документ — еще не вся правда // Лехаим, 2002, № 9. С. 35—39. Этингер Я. Сталин готовил депортацию евреев // Новый век, 2002, № 2. С. 118—126.

Израэль (Сергей) Луговской (1955) — языковед. Родился в Москве. Окончил отделение структурной и прикладной

лингвистики МГУ. Шесть лет был в отпуске, занимаясь сионистской деятельностью, преподаватель иврита. В Израиле с 1988 г. Живет в Кирьят-Арбе.

Арон Долгопольский (1930) — языковед, один из создателей ностратической теории. Профессор Хайфского университета. Родился в Москве. Работал в 1-м Московском педагогическом

институте иностранных языков, в Институте русского языка АН СССР, в Институте языкознания АН СССР, преподавал в МГУ. Репатриировался в 1976 г., живет в Хайфе.

Арон Долгопольский, Израэль Луговской

РОДСТВО ЯЗЫКОВ И ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ*

1. Родство языков

Как известно, языки мира объединяются в группы и семьи родственных языков. Русский, польский, чешский, болгарский, сербохорватский и некоторые другие образуют группу славянских языков; немецкий, идиш, английский, скандинавские и нидерландский — германскую группу; литовский и латышский вместе с вымершим древнепрусским составляют балтийскую группу. Большинство языков Европы (славянские, балтийские, германские, кельтские, романские, греческий, албанский) вместе с армянским, иранскими, индийскими (индоарийскими) и древними хетто-лувийскими (Малая Азия) составляют индоевропейскую семью языков. В мире есть и другие языковые семьи: уральская (финно-угорские, самодийские и юкагирский языки), тюркская, монгольская, картвельская, семитохамитская (к семитской ветви которой принадлежат иврит и арабский) и многие другие.

Что, собственно, имеется в виду, когда говорят: "Два языка родственны, они принадлежат к одной и той же семье или группе"? Родственными называются языки, имеющие общее происхождение. Скажем, французский, испанский, португальский, итальянский, румынский и некоторые другие языки объединяются

* Статья написана И. Луговским на базе двух статей А.Б. Долгопольского: "Какие языки родственны европейским?" (ежегодник "Наука и человечество", 1971—72) и "Языки и проблема прародины" ("Знание — сила, 1975). А.Б. Долгопольский проверил текст и внес изменения, соответствующие нынешнему состоянию лингвистической науки в рассматриваемой области.

в романскую группу потому, что происходят из одного языка-предка — латыни. Русский, польский, чешский и т.д. восходят к языку древних славян — так называемому праславянскому или общеславянскому. От этого языка письменных памятников не осталось. Дело в том, что в отличие от языка, существующего в устах своих носителей, письменность есть предмет культуры, появляющийся тогда, когда в конкретном человеческом обществе возникает потребность в нем. Древние славяне в период существования у них еще единого праславянского языка находились на достаточно примитивном этапе социальной жизни и в письменности не нуждались. Но, хотя письменных памятников от этого языка не осталось, мы можем судить о нем, реконструируя его звуки и формы на основании сравнения славянских языков-потомков.

Хинди, бенгали, маратхи и другие языки Северной и Центральной Индии (вместе с сингальским на Цейлоне и цыганским) образуют индоарийскую группу языков, ибо все происходят из древнеиндийского языка (того самого, литературная форма которого называется санскритом). И если мы говорим: "Греческий, латынь, славянские, индоарийские и другие языки образуют индоевропейскую семью", то это высказывание равносильно утверждению: они восходят к единому языку-предку, то есть имеют общее происхождение.

Языки признаются родственными только тогда, когда найдены факты, которые можно объяснить лишь с помощью гипотезы об общем происхождении этих языков. Что же это за факты?

Прежде всего — значительное количество родственных корней. Какие корни можно признать родственными? Совсем не те, которые одинаково звучат и означают одно и то же. В таких случаях это как раз может быть заимствование из одного языка в другой. Заимствования слов происходят при контактах языков посредством контактов людей, говорящих на этих языках. При этом языки могут быть совершенно не родственными или находиться в очень далеком, совсем не очевидном (а то и неизвестном) родстве: ведь эти контакты происходят по историческим и географическим причинам, а не по языковым. Так, французское слово *le samovar* является очевидным и очень недавним заимствованием из русского языка и не может служить доказательством близкого родства этих языков, хотя казалось бы — звучит одинаково, означает одно и то же, чем не основа для сближения? Аналогично, русские слова "кибуц" и "кнесет" — это недавние заимствования из иврита, которые не свидетельствуют о близком родстве этих двух языков.

Понятно, что легче всего заимствуются слова, обозначающие новые, заимствованные у других народов предметы и понятия, слова, связанные с материальной и духовной культурой (названия предметов одежды, культурных растений, понятий религии и т.п.). Но не надо думать, что заимствуются названия только того, чего раньше не было. Это совсем не обязательно. Например, в русском языке израильтян имеется очень много заимствований из иврита — "приехала миштар", "пошел в битух-леуми", "живу на схар-дире", "сизу на автале" и т.д. и т.п. Казалось бы, это совершенно излишне — ведь есть же русские слова, в точности соответствующие вышеприведенным ивритским: "полиция", "безработица" и т.д., но, тем не менее, мы наблюдаем здесь массу лексических заимствований.

Есть и другие интересные примеры. Так, русское слово "князь", происходящее из древнерусского *кънѣзь*, является в славянских языках германским заимствованием, попавшим в начале или в середине I тыс. н.э. в тогда еще единый праславянский язык, видимо, из готского, где было слово *кунингас*. Из этого слова произошло английское *king*, немецкое *König*, датское *konge* и т.д. Кстати говоря, это же слово попало и в финский, где оно до сих пор звучит как *kuningas* и означает то же самое — "военачальник, король". Аналогично, русское слово "молоко" также заимствовано из готского (на это указывает звук "к", по-славянски должно быть *молозо*, и такой корень есть — в слове "молозиво"). Так что же, у славян и финнов не было в то время собственного молока и своих военных вождей? Были, но назывались как-то по-другому. Зачем понадобилось заимствовать слова из другого языка — неизвестно, но факт налицо, так было.

Однако известны слова, которые не заимствуются. Это так называемый базовый корпус лексики: названия некоторых частей тела, основные термины родства, многие числительные и т.п. Именно среди этих слов надо искать родственные корни.

Но как доказать родство? Для этого опираются на регулярные соответствия звуков. Это понятие является базовым в сравнительно-историческом языкознании. Допустим, некий язык-предок распался на три языка-потомка. Это значит, что некий человеческий коллектив по самым разным и с лингвистической точки зрения не существенным причинам разделился на три группы, контакты между которыми ослабли, а потом прекратились совсем. В любом живом языке постоянно происходят небольшие, незаметные для носителей фонетические изменения. В нашем случае эти изменения, шедшие в едином языке-предке однообразно, в трех языках-потомках будут происходить несколько различно. Допустим также, что в языке-предке существовал звук *a*, который в одном из потомков превратился в *э*, в другом — в *о*, а в третьем остался без изменений. Это значит, что в трех этих языках будет много слов, в которых будет прослеживаться соответствие *a-э-о*. На практике обнаружить такое соответствие мы сможем сначала на словах из базового корпуса лексики, а потом и на многих других. Так, английское *d* регулярно соответствует немецкому *t*, русскому *д*, латинскому *f*, греческому *th*, древнеиндийскому *dh*. Поэтому мы можем наблюдать такие соответствия:

Значение	Английский	Немецкий	Русский	Латинский	Греческий	Индийский
"дочь"	daughter	Tochter	дочь		thügater	
"дверь"	door	Tür	дверь	fores	thüra	
"дым"			дым	fumus	thümos	dhumos
"мед"	mead*	Met*	мед		methü***	madhu
"власть"	do**	tu(n)**	де(ть)	fac(ere)**	the-	dha-

* Значение: "мед (напиток)".

** Древнее значение "власть" заменилось более широким значением "делать".

*** Значение: "хмельной напиток".

Приведенный пример — это просто иллюстрация, количество которых можно многократно умножить. Главное же здесь — фундаментальный принцип: сравнению подлежит не сходство, а закономерное различие. Вот почему нужно сравнивать языки "приличным образом и основательно, то есть не только по простому звучанию, но и по твердым законам правильных звуковых преобразований" (как писал в 1830 г. исследователь финно-угорских и кавказских языков академик А.М.Шегрен).

Очень важным аргументом, доказывающим родство языков, могут служить падежные и личные окончания, а также другие грамматические элементы. Если в языках сохранились древние грамматические аффиксы (префиксы, суффиксы или окончания), задача доказать их родство во многом облегчается. Но бывает, что язык-предок не имел грамматических аффиксов, либо языки-потомки их утратили. Например, в английском языке почти все древние индоевропейские грамматические окончания исчезли. В таких случаях приходится изучать проблему родства языков, опираясь только на корни слов.

Сравнивая родственные языки и устанавливая звуковые соответствия между ними, выясняя звуковые законы, преобразовавшие древние корни, можно в довольно большой степени реконструировать облик языка-предка: его фонемы, грамматические форманты и корни. В частности, очень много сделано в области реконструкции праиндоевропейского языка. Это неудивительно, ведь сравнительно-историческое языкознание возникло в начале XIX в. в Европе (толчком послужило знакомство европейцев с санскритом после завоевания англичанами Индии, а этот "далекий", "экзотический" язык с другого края света неожиданно оказался похожим на хорошо известный древнегреческий), и практически все ученые с тех пор говорили или по крайней мере писали на одном из самых распространенных индоевропейских языков: английском, немецком, французском, русском. Естественно, им хотелось прежде всего углубиться в историю "своих" языков, тем более что сфера деятельности попала обширнейшая и интереснейшая. Но с тех пор положение изменилось. За два века языки далеких "экзотических" племен прочно вошли в сферу внимания лингвистической науки, и подавляющее большинство существующих сейчас на Земле языков уже достаточно хорошо изучено.

2. Известные языковые семьи Старого Света

Не будем рассматривать языки коренного населения обеих Америк, Австралии, Новой Гвинии и Океании, а возьмем Старый Свет, то есть Европу, Азию и Африку. Разумеется, не по состоянию на начало XXI века, а на конец XV. Ведь за последние пять веков этническая и языковая карта мира сильно изменилась. Великие географические открытия и демографический взрыв в Европе в XVIII—XX вв. привели к тому, что несколько языков европейских народов получили широчайшее распространение по всему миру. Если не рассматривать "захват" английским, французским, испанским и португальским языками обеих Америк и Австралии, то в Старом Свете русские заселили Поволжье, Урал и Сибирь, очень сильно потеснив (почти вытеснив) языки коренных народов этого региона; языки бывших колонизаторов — в основном английский и французский — очень

распространились в Азии и особенно в Африке. Кроме того, происходили процессы, не столь известные: например, якуты расселились в бассейне Лены до самого Ледовитого океана, и это, а также некоторые другие этнические процессы в Восточной Сибири, в частности, миграции чукчей, привели к почти полному исчезновению юкагирских, енисейских языков и языка камчадалов (ительменов).

Но эти поздние процессы с точки зрения древней истории языков неинтересны, поэтому мы и берем положение, которое было пятьсот лет назад.

1) Индоевропейские языки: славянские, балтийские, германские, кельтские (древние языки галлов, современные ирландский, гэльский (в Шотландии), уэльсский и бретонский), италийские: оскский, умбрский, а также латынь и происходящие из нее романские; греческий, албанский, армянский, иранские (персидский, таджикский, курдский, афганский, памирские, осетинский и др.), индоарийские (Северная и Центральная Индия, Пакистан, Цейлон, Непал; самый известный из этих языков — хинди).

2) Уральские языки, разделяющиеся на три ветви:

- а) финно-угорские — финский, карельский, эстонский, мордовские, марийский, удмуртский, коми, венгерский, хантыйский, мансийский;
- б) самодийские — ненецкий, энецкий (низовья Енисея), нганасанский (Таймыр), селькупский (на Енисее); вымершие к настоящему времени, но тогда еще живые языки Верхнего Енисея (камасинский, койбальский и маторский);
- в) юкагирский язык (или юкагирская семья языков; большинство из них вымерло, сохранилось лишь два диалекта юкагирского языка: на Колыме и на побережье Ледовитого океана).

3) Чукотско-камчатские языки.

4) Эскимосско-алеутские языки: алеутский (Алеутские острова) и эскимосские (Чукотка, Аляска, север Канады, Гренландия).

5) Алтайские языки, состоящие из пяти ветвей:

- а) тюркские языки: тувинский, хакасский, горно-алтайский, якутский, киргизский, казахский, узбекский, уйгурский (Синьцзян), туркменский, азербайджанский, турецкий, татарский, башкирский, чувашский и др.;
- б) монгольские языки: монгольский, бурятский, калмыцкий и др.;
- в) тунгусо-маньчжурские языки: эвенкийский и эвенский в Сибири, нанайский, ольчский, удэгейский и пр. на Амуре, маньчжурский и др.;
- г) корейский язык;
- д) японский язык вместе с рюкюским (о-ва Рюкю к югу от Японии, самый большой и известный из них — Окинава).

6) Нивхский язык в низовьях Амура и на Сахалине.

7) Дравидийские языки: тамильский, малаялам, каннада, телугу и др. на юге Индии, языки гондов, ораонов и пр. в Центральной Индии. Дравиды пришли в Индию, видимо, с северо-запада: один дравидийский язык — брагуи — до наших дней сохранился в Западном Пакистане и Афганистане. Знаменитая культура Хараппы и Мохенджо-Даро (в долине Инда), разру-

- шенная пришедшими с запада индоевропейцами, была, по мнению многих исследователей, дравидийской.
- 8) Картвельские языки: грузинский, мегрельский (запад Грузии), лазский (он же чанский, северо-восток Турции и юго-запад Аджарии), сванский.
 - 9) Семитохамитские языки, состоящие из пяти ветвей:
 - а) семитские языки: арабский, иврит, финикийский, арамейский, древние и новые южноаравийские языки, в том числе языки Эфиопии (самый известный из них — амхарский) и др. Давно вымер, но оставил много письменных памятников аккадский (ассиро-вавилонский) язык;
 - б) древнеегипетский язык; давно вымер, но его потомок — коптский — еще долго существовал как живой разговорный язык (вымер только в XVII веке);
 - в) берберские (языки туарегов в Сахаре, берберов Марокко, Алжира и Ливии);
 - г) кушитские — полосой вдоль западного берега Красного моря (язык беджа), на большей части Эфиопии (кроме северных районов, занятых семитскими языками, проникшими в I в. до н.э. из Южной Аравии), в Сомали, на севере Кении, а также островками в Танганьике (языки группы иракв);
 - д) чадские — хауса и другие языки района озера Чад (север Нигерии, Камеруна и пр.).
 - 10) Северокавказские языки:
 - абхазо-адыгские: абхазский, адыгейский, кабардино-черкесский, абазинский, убыхский;
 - нахские (чеченский и др.) и дагестанские.
 - 11) Нило-сахарские и нигеро-кордофанские языки (в том числе языки банту и так называемые "бантоидные") занимают большую часть Африки.
 - 12) Койсанские языки: языки бушменов и готтентотов, а также некоторых других очень малочисленных племен Южной Африки.
 - 13) Китайско-тибетские языки: китайский, бирманский, тибетский и др.
 - 14) Тайские языки: тайский (в Таиланде), лаосский (в Лаосе), чжуанский (на юге Китая) и др.
 - 15) Австроазиатские языки: мунда (островками в Индии), мон-кхмерские (кхмерский в Камбодже, вьетнамский и др.) и пр.
 - 16) Австронезийские (малайско-полинезийские) языки:
 - индонезийские (в Индонезии, Малайзии, на Филиппинах и на Мадагаскаре);
 - полинезийские (на громадных просторах Тихого океана от Новой Зеландии до Гавайских островов и острова Пасхи);
 - меланезийские (на северном побережье Новой Гвинеи и соседних островах).
 - 17) Айнский язык — на Сахалине, Курильских островах и острове Хоккайдо.
 - 18) Енисейские языки: из многочисленных языков этой семьи, существовавших еще в XVII в., сейчас остался только один кетский.

19) Баскский язык (север Испании и юго-запад Франции).

Список получился довольно длинный, но ничего не поделаешь — именно столько больших и малых языковых семей и групп было в Старом Свете полтысячелетия назад. Как это осмыслить? А так, что за каждым вышеуказанным пунктом стоит, в конечном счете, о д и н язык, который существовал где-то и когда-то, очень давно или не очень давно, то есть существовал какой-то человеческий коллектив, говоривший на этом языке. Потом этот коллектив распался, и появилось несколько языков-потомков, которые, в свою очередь, по прошествии веков и тысячелетий тоже распадались и давали начало нескольким языкам на месте одного.

Важно заметить, что очень много языков не только появлялось, но и вымирало. Многие из них исчезли на глазах истории и известны нам (или неизвестны, но мы хотя бы знаем, что они существовали), но, конечно, было очень много языков, вымерших в древности и не оставивших вообще никаких следов. Кроме того, в силу самых разных исторических причин одни языки дали больше потомков, а другие — меньше. Именно этим и объясняется то положение, что под одним номером вышеприведенного списка может числиться один-единственный язык, а под другим — огромная семья, насчитывающая десятки живых и мертвых языков.

Итак, все известные нам языки Старого Света являются потомками примерно двух десятков языков, существовавших (видимо, не одновременно) в глубокой древности. Ну, а дальше? Ведь все эти языки, которые для нас представляются безумной древности п р а я з ы к а м и , реконструкция хотя бы фрагментов которых требует труда многих ученых на долгие годы, — в свое время были обыкновенными разговорными языками для людей, на них говоривших. С точки зрения современной исторической лингвистики эти языки, разумеется, и сами откуда-то произошли, то есть являются потомками каких-то других языков.

Существует гипотеза моногенеза языков, то есть происхождения в с е х живых и мертвых, известных современной науке и неизвестных языков всего мира из одного общего для всех праязыка. Эта гипотеза пока не доказана и не опровергнута.

Но, может быть, можно сделать хотя бы еще один шаг вглубь истории и обнаружить родственные связи между некоторыми из перечисленных выше языковых семей?

3. Еще один шаг вглубь истории

Лингвисты давно обращали внимание на разительное сходство некоторых явно древних слов в индоевропейских, уральских, монгольских и некоторых других языках, таких, например, слов, как личные и вопросительные местоимения. Но доказать родство языковых семей было практически невозможно, пока лингвисты не научились восстанавливать древнейшее состояние языков-предков каждой семьи в отдельности. Еще в XIX веке была в значительной степени реконструирована праиндоевропейская система языка: фонемы, корни, суффиксы, окончания, формы слов. В XX веке аналогичную работу проделали с ураль-

ским языком-предком, картвельским, семитохамитским, алтайским и т.д. Теперь вместо того, чтобы сравнивать современные индоевропейские с современными уральскими, алтайскими и другими языками, можно сравнивать древний праиндоевропейский с прауральским, пракартвельским и другими уже более-менее надежно реконструированными праязыками. Это значительно облегчает выполнение задачи: ведь если языки действительно родственны, то в древности они были ближе друг к другу, чем теперь. Появилась практическая возможность строго научного изучения вопроса об отдаленном родстве многих языковых семей Старого Света.

Революционное значение имели исследования замечательного ученого Владислава Марковича Иллич-Свитыча (1934—1966). Ему удалось сделать главное — установить систему тех самых регулярных соответствий звуков между шестью праязыками: индоевропейским, уральским, картвельским, семитохамитским, дравидийским и алтайским. Это означает, что эти шесть праязыков являются потомками одного общего предка. Его назвали "ностратическим" (от латинского *posterus* — "наш"), название, конечно, условное. (Ранее иногда использовалось название "борейский", то есть "северный".)

Регулярные соответствия обнаруживаются во многих сотнях корней: только в "Материалах к словарю ностратических языков" В.М.Иллич-Свитыча приводится свыше 600 корней, а сейчас их известно уже около трех тысяч. За прошедшие десятилетия удалось доказать ностратическое происхождение еще нескольких языков: корейского, японского, нивхского и чукотско-камчатской семьи языков. По-видимому, к ностратическим относятся также два мертвых, а поэтому недостаточно хорошо изученных языка: эламский (I—II тыс. до н.э., Иран) и этрусский (I тыс. до н.э., Италия). В настоящее время готовятся к печати две книги А.Б. Долгопольского: *Nostratic Macrofamily, Oxford* и *Comparative Dictionary of the Nostratic Languages, Moscow*.

В качестве примера можно привести несколько ностратических корней в языках-потомках:

***mi** "я": русск. *мне, меня*; лат. и англ. *те* "меня", финск. *minä* "я", татарск. *min* "я", грузинск. *те* "я".

***tu** "ты": русск. *ты*, лат. *tu*, старинное англ. *thou*, мордовск. *тон*, венгерск. *te*, монгольск. *чи* (из **ti*) — "ты"; в семитских превратилось в префикс 2-го лица глагольного спряжения: ивритск. *тэлэх* "пойдешь", *тисроп* "закроешь".

***nV** "мы": русск. *на-с, на-м*; лат. *nos*, сванск. *näy*, тамильск. *nam* — "мы", нем. *uns* "нас"; семитский префикс *n-* (ивр. *нэлэх* "мы пойдём", *нихтов* "мы напишем"); древнеегип. *n-* "мы" (древние египтяне писали без гласных).

***ni** "не": русск. *не*; древнеиндийск. *na* "не", грузинск. *ли* "не" (запрет), венг. *не* "не", древнеяпонск. *па* "не", древнеегип. *n-* "не".

***palju** "много": греч. *polü*, нем. *viel*, финск. *paljo*, юкагирск. *рожуо*, телугу (дравид. семья) *palu*, маньчжурск. *fulu* "много", нивхск. *pil* "большой", лат. *plus* "больше".

* Знаком **V** обозначается неизвестный гласный.

kaļu "женщина другого племени, из которого мужчины данного племени берут жен": русск. *золовка*, греч. *galos* "золовка", ивритск. *kalla* "невеста, невестка", удмуртск. *кали* "сноха", грузинск. *kali* "женщина", курухск. (дравид. семья) *хали* "жена младшего брата отца".

koṛe "кора": русск. *кора*, ивритск. *k^erum* "корка, кожура", древне-монгол. *kōri-siün* "кора".

kaḍV "плести, строить": тамильск. *kattu* "строить", чанск. *kaḍ-*, татар. *kaḍ* "плести, ткать", русск. диал. *коты* "плетенка для ловли рыбы", сербохорв. *kotač* "плетеная запруда", персидск. *kaḍ* "дом", ивритск. *kaḍ* "горшок, сосуд". (Такое развитие значения корня не будет нас удивлять, если мы обратимся к данным археологии. Неолитический глиняный горшок исторически восходит к мезолитической плетенке, обмазанной глиной. К плетеным сооружениям восходит и важнейший тип жилищ Передней Азии протонеолитической эпохи.)

Однако не надо думать, что все языки евроазиатского региона — ностратические. Кроме таких маленьких неностратических островков, как баскский и кетский, определенно неностратическими являются северокавказские языки, которые неожиданно оказались родственными китайско-тибетским языкам.

Тем не менее, надежно ностратических языков очень много. Получается, что почти вся Евразия (кроме Китая и крайнего Юго-Востока) и добрая половина Африки говорят на языках, происходящих из одного. Как осмыслить этот факт в контексте истории человечества?

4. Три вопроса: где, когда и как?

Эти три вопроса всегда интересуют людей, слышащих о ностратике: где жили люди, говорившие на праностратическом языке? Когда это было? И как случилось, что один, в сущности, язык распространился на такую огромную территорию, вытеснив языки, на которых говорили ближние и дальние соседи ностратического племени? — а такие, конечно, существовали, ведь и сейчас есть множество неностратических языков, а сколько еще вымерло!

Попробуем ответить на них, опираясь на данные лингвистики и археологии.

5. Время на часах истории культуры

Итак, когда? Датировать мы можем, конечно, только относительно, по эпохам в развитии культуры. Археологи делят историю культуры на следующие этапы: нижний палеолит (нижнекаменный век), верхний палеолит (начало которого примерно совпадает с появлением человека современного типа — *Homo sapiens*), мезолит (среднекаменный век), неолит (новокаменный век), энеолит (медный век), период бронзы, железный век.

Заметим, что одному и тому же астрономическому времени соответствует на разных территориях и у разных народов разное археологическое время: одни уже вступили в энеолит или бронзу, а другие в ту же эпоху еще не вышли из мезолита. Для каждого района земного шара нужна особая датировка. Так, в Передней Азии, по мнению английского археолога Дж. Мелларта, мезолит начина-

ется на рубеже XI и X тыс. до н.э., неолит — в начале IX тысячелетия, медный век — в начале VI тысячелетия, эпоха бронзы — в начале IV тысячелетия до новой эры. Другие археологи нередко предлагают иные датировки, но отличия обычно не выходят за пределы тысячи лет.

Переход к неолиту называется в науке неолитической революцией — настолько резкий поворот в жизни общества произошел с появлением скотоводства, земледелия (хотя бы примитивного), гончарного производства и т.д.

Если мы посмотрим в словарь праностратического языка, то увидим там множество названий разных диких животных и частей их тела, названия рыб, слова "след", "зверь", "бросать", "попасть в цель", "промахнуться" и т.п. Кроме охоты и рыболовства, древний человек занимался собирательством: есть слова "собирать", "ягоды", какие-то "зерна". Было специальное слово "сбор дикорастущего урожая". На характер духовной жизни указывают слова со значением "кододать, лечить", несколько разных слов, обозначающих какие-то заклинания, магические действия.

Когда же мог существовать язык, имеющий такой словарь? Определенно ясно пока лишь одно: общеностратический язык существовал до неолита. В списке известных нам ностратических корней нет ни названий домашних животных, ни наименований культурных растений, ни вообще понятий, связанных с земледелием и скотоводством ("сеять", "пахать", "запрягать" и т.п.). Нет и названий глиняных сосудов. Этим праностратический язык резко отличается, например, от праиндоевропейского, в котором мы найдем и телку, и ягненка, и жернов, и глаголы со значением "сеять", "пахать" и прочее. На страницах индоевропейского словаря мы видим жизнь скотоводов, неплохо знакомых и с земледелием. Из ностратического же словаря на нас смотрит первобытный охотник, рыболов и собиратель.

Итак, еще не неолит. Ну, а точнее? Уже мезолит или еще палеолит? Здесь ответ дать трудно. Хотя бы потому, что надежного списка опознаваемых в языке понятий, появившихся в мезолите, археология пока не обнаружила. И все же по некоторым косвенным признакам можно заключить, что это был, пожалуй, не мезолит, а самый конец верхнего палеолита, называемый в археологии "финальный палеолит". Не разбирая всех аргументов, приводящих к такому выводу, остановимся лишь на одном. Оказалось, что на рубеже мезолита и неолита в одном из районов Передней Азии уже существовал один из потомков ностратического языка — прасемитохамитский язык. Причем этот потомок уже весьма далеко отошел от общеностратического языка-предка. А между тем мезолит в этих местах продолжался очень недолго — каких-то два тысячелетия, если не меньше. Истории известных языков показывают, что столь сильные различия не могут накопиться за двадцать веков. Для этого требуется больший срок.

Об этом же говорят и другие признаки. Археологические данные показывают, что в этом районе земного шара лук и стрелы не встречаются ранее мезолита — и в праностратическом языке нет названий для лука и стрел. В финальном палеолите приручение собаки еще не закончилось — и в праностратическом языке собака и волк называются одним и тем же словом.

Похоже, что праностратический язык относится к тому этапу истории, который называется финальным палеолитом. Мезолит в Передней Азии начался в XI тысячелетии до н.э. Ностратический язык должен был разделиться раньше. Но насколько раньше, мы не знаем. Более всего похожа на правду дата, которую поляки выразили бы так: *кильканасьце тысенц лят* — “нескольконадевать тысяч лет” до н.э.

6. Где?

Теперь начнем искать территорию, где говорили на ностратическом языке. Как любили говорить лингвисты XIX века, искать прародину. Для этого есть несколько источников информации. Самые важные из них два:

1. Слова, которые есть в общеностратическом словаре. Ведь если в каком-нибудь праязыке есть названия жирафа и бегемота, то прародину нельзя искать в тундре, ибо в тундре жирафы никому не известны. Изучая ностратический словарь, мы узнаем, какие явления природы, животные, растения и т.д. были известны на искомой территории.
2. Географическое расположение языков-потомков, в ностратическом смысле, разумеется. Для каждого языка-потомка (праиндоевропейского, праурального и прочих праязыков) выясним, где находилась самая древняя территория, на которой говорили на этом языке. Самая древняя — насколько хватает возможностей науки. А потом сделаем выводы из расположения этих прародин.

7. Снег и гиены

Обратимся к первому источнику информации — к ностратическому словарю. В нем мы найдем слова, означающие “снег”, “лед”, “замерзать”, “метель”. Значит, носители ностратического языка были знакомы со снегом, льдом и т.п. А следовательно, из кандидатов в ностратические прародины придется исключить тропические районы мира: Индию, Индокитай, Африку.

Тут возможно возражение: ведь в Северной Африке есть Атласские горы (в Марокко и Алжире), и там зимой бывает и снег и лед. Это действительно так. Но большинство ностратических языков находится в Азии. Если прародина была в Северной Африке, то носители ностратического языка — еще единым языковым коллективом или уже разделившись на группы, языки которых впоследствии дали начало разным языковым семьям, — должны были как-то из Африки пробраться в Азию. Кораблей и лодок тогда не было, а единственный путь сушей из Африки в Азию пролегает и пролегал в прошлом через Суэцкий перешеек. Даже если бы прародина была в Марокко, языкам-потомкам пришлось бы двигаться через долину Нила и Синайский полуостров. А в этих местах климат слишком жаркий для снега и льда. И сейчас, и в прошлом (во всяком случае, со времен финального палеолита). Скорость переселения людей была очень низкой. Ведь люди шли пешком, неся все свое имущество на себе. Это в более поздние, цивилизованные времена, когда у людей появились верблюды и лошади, можно было за год-два, кочуя, пройти всю Великую степь от Карпат до Китая. А в те давние времена, учитывая, что основное время и силы постоянно

уходили на поиски пищи, — на переход в несколько тысяч километров требовались, несомненно, многие поколения. Если бы прародина была даже в горах Атласа, то за время продвижения языков-потомков через Египет древние названия снега и льда были бы потеряны. А они существуют. Значит, Африка все-таки в прародины не годится.

Теперь посмотрим список праностратических названий животных. Среди них мы найдем, в частности, антилопу, льва, леопарда (барса), гиену. В лесах Средней Европы и Сибири такие животные неизвестны (и не были известны на протяжении интересующих нас тысячелетий). Особенно важно обратить внимание на гиену: она известна (сейчас или в прошлом) в Африке и Индии (которые уже вычеркнуты из кандидатов), а кроме того, в Передней, Средней и Центральной Азии и — в древности — в Китае.

8. Адреса праязыков-потомков

Теперь обратимся ко второму источнику информации. Посмотрим, где находятся древнейшие известные науке территории расположения каждой из ветвей ностратического языкового ствола. Дело осложняется тем, что вовсе не всегда древние народы тысячелетиями сидели на одном месте (хотя бывало и такое). В поисках охотничьих угодий, пастбищ и плодородных земель народы перемещались. И языки перемещались и распространялись вширь — вместе с народами, а также благодаря их культурному влиянию на соседей. Так что для многих языков (праязыков) надо искать не одну прародину, а две. Одну, позднюю — для эпохи, когда язык (например, праиндоевропейский или прауральский) начал терять свое единство, дробился на ветви-потомки. И другую, раннюю, — для более древней эпохи, когда о потере языкового единства еще речи не было. Результаты можно представить в следующей таблице:

Язык	Поздняя прародина	Ранняя прародина
Индоевропейский	Балканский полуостров	Малая Азия
Тирсенский (этрусский)	Запад Малой Азии или соседние острова	Где-то в Малой Азии
Картвельский	Закавказье	Закавказье
Семитохамитский	Запад Передней Азии	Запад Передней Азии
Эламский	Юго-запад Ирана	Какой-то район Ирана
Дравидийский (Пакистан)	Северо-запад Индостана	Какой-то район Ирана
Уральский	Урал или Зауралье	Средняя Азия (Приаралье?)
Алтайские	Степи Южной Сибири и Монголия (а позже и Маньчжурия)	Средняя Азия
Чукотско-камчатский	Северо-Восточная Азия	?

Жаль, что в одной статье невозможно рассказать, как устанавливали поздний и ранний адреса для дочерних языков. Каждой строке таблицы следовало посвятить отдельную большую статью. Здесь скажем лишь коротко, что поздняя прародина (территория накануне разделения на языки-потомки) каждого языка определяется указанными выше методами: анализом слов праязыка и изучением географического распространения языков-потомков. Для поисков же ранних прародин нужны другие источники информации. Археология установила, например, что та древняя культура, которая соответствует прауральскому языку, пришла на Урал с юга, возможно — из района Аральского моря. Это подтверждается и наблюдениями над прауральским словарем. Например, прауральское название лося *тевэ* произошло из древнего названия верблюда (сохранившегося у тюрков: *тебэ* "верблюд"). А уральские названия черемухи, горностая, рябчика, лыж и других характерных для уральских и зауральских лесов растений, животных, предметов быта являются, по-видимому, заимствованиями из каких-то местных языков, существовавших в этих местах у людей, живших там до прихода носителей прауральского языка.

Слова, пришедшие в праязык, адрес которого мы разыскиваем, из других языков, тут вообще особенно важны. Можно привести два примера. В праиндоевропейском языке оказалось довольно много заимствований из прасемитского языка (индоевропейские слова *септм* "семь", *хастер* "звезда", *таурос* "бык", *вейно* "вино" и ряд других). Значит, древнейшие индоевропейцы должны были жить по соседству с семитами. Это соображение в сочетании с археологическими и другими данными и указывает адрес древнейших индоевропейцев: Малая Азия.

Другой пример. В языках древних алтайских народов оказывается немало слов из языков восточной и северной части Передней Азии: из эламского (*кик* "небо" дает тюркское *кек* "небо"), из шумерского (*гингри* "бог" дает тюркское *тенгири*, *тенгри* "бог", "небо", монгольское *тенгри* "небо") и т.п. Этот факт вместе со многими другими, например, с данными антропологического анализа черепов древних жителей Южной Сибири и Западной Монголии, оказавшихся европеоидами — пришельцами с Запада, заставляет полагать, что когда-то в глубокой древности носители алтайских языков жили недалеко от Передней Азии, а именно в Средней Азии.

Таким образом, получается, что почти все ветви ностратического языкового ствола в древнейшее время обнаруживаются либо в Передней Азии (Малая Азия, Иран, Ближний Восток), либо рядом с ней (Закавказье, Средняя Азия). Единственное разумное объяснение этому состоит в том, что прародина находилась примерно там же. Любой другой адрес ностратической прародины (скажем, Ирландия или Корея) не годится: пришлось бы искать ту волшебную силу, которая заставила бы все народы-потомки стройными рядами двигаться в одном направлении — в сторону Передней и Средней Азии. Пока такая волшебная сила не найдена, остается принять в качестве рабочей гипотезы ностратическую прародину в Передней Азии.

9. Язык и неолитическая революция

И, наконец, третий вопрос: почему? Как же так получилось, что один язык оказался предком почти всех языков чуть ли не целой Евразии (да еще и части Африки впридачу)? Для такого феномена нужна серьезная историческая причина.

Эта причина — неолитическая революция, которая принесла с собой земледелие, животноводство, более совершенные орудия и способы охоты и рыболовства. Все это обеспечивало людей более надежными и обильными источниками пищи и вызывало сильный прирост населения, называемый “первым демографическим взрывом”. А отсюда — потребность в миграциях, в расселении. Естественно, что из районов, где неолитическая революция уже произошла, люди расселялись на другие территории — туда, где плотность населения была много меньше и где обитали лишь отсталые малочисленные мезолитические охотники и собиратели.

Передняя Азия пережила неолитическую революцию на много тысячелетий раньше, чем другие территории. Этим и объясняется расселение неолитических племен именно из Передней Азии в разных направлениях: на северо-запад в Европу, на юго-запад в Африку, на восток в Индию, на север и северо-восток в Среднюю и Северную Азию. По-видимому, в эпоху отступления последнего (вюрмско-висленско-валдайского) оледенения и климатического потепления (то есть как раз в период финального палеолита и мезолита, более 12 тысяч лет тому назад) в Северной Евразии происходило переселение племен, распространение языков и культур из Передней и Южной Азии в Сибирь и Европу. С последней из таких культурно-этнических волн и связано распространение ностратических языков.

Почему с последней? Потому, что иначе на этой территории были бы сейчас распространены не ностратические языки, а какие-то другие: ведь при успешном распространении любого языка предшествующие языки той же территории вытесняются, уничтожаются, вымирают, хотя и могут оказать при этом некоторое влияние на победивший язык. В частности, в этом языке могут сохраниться произносительные привычки побежденного языка, его грамматические схемы и модели, отдельные слова и пр. В лучшем случае побежденные языки могут сохраниться на каких-то изолированных территориях, например, в горах. Ясно, что ностратические языки находятся не в таком положении.

Невозможно сейчас сказать, сколько языковых и этнических волн предшествовало распространению ностратических языков. Но известно, по крайней мере, что Сибирь пережила несколько раньше (возможно, уже в мезолите), великое переселение народов американоидной расы через Берингов перешеек (тогда еще перешеек!) в Америку и заселение Сибири народами центральноазиатской (северно-монголоидной) расы.

Посмотрев на список ностратических языков, мы увидим, что среди их носителей в наше время (напомним: сейчас XV век н.э.) есть представители разных антропологических рас, то есть люди разного происхождения. Есть южные европеоиды — темноглазые брюнеты: греки, персы и многие другие народы,

говорящие на индоевропейских языках, а также на картвельских, берберских, семитских, некоторых дравидийских и тюркских языках. Есть много смешанных антропологических типов: так, смешение южных европеоидов с северными (светлоглазыми блондинами) наблюдается почти повсеместно в Западной, Восточной и Северной Европе. Есть смешанные южноевропеоидно-негроидные народности (носители кушитских и, частично, чадских языков семитохамитской семьи в Африке), южноевропеоидно-веддоидные (часть дравидов Южной Индии), европеоидно-монголоидные (тюркские народы Южной Сибири и Поволжья, часть финно-угорских народов). Наконец, есть и чистые монголоиды (носители монгольских, тунгусо-маньчжурских, некоторых тюркских языков, юкагиры, чукчи, корейцы, японцы, нивхи и другие народы), и чистые негроиды (в Центральной Африке вокруг озера Чад), и чистые северные европеоиды (в Скандинавии). Как совместить это расовое разнообразие с существованием языкового родства?

Ничего удивительного в этом нет. Надо ясно понимать, что распространение языков и физическое расселение людей — это совсем не одно и то же. Языки могут распространяться не только вместе с их носителями, но и передаваться от одного этноса к другому (покоренному, испытывающему культурное влияние, или оказавшемуся в такой ситуации, когда пользование чужим языком необходимо). В результате люди разного этнического происхождения оказываются говорящими на одном языке или родственных языках. Нередко наблюдается "эстафетное" распространение языка: народ А оказал влияние на народ В, лишь в незначительной степени смешавшись с ним, но передав ему свой язык; затем народ В, говорящий уже на языке А, аналогичным образом влияет на народ С. Вследствие этого процесса на территории С говорят на языке А, хотя прямых потомков исконных носителей языка А там может не быть совсем.

Нечто подобное происходило при распространении тюркских языков с территорий нынешнего Казахстана и Синьцзяна в Среднюю Азию, где тюрки покорили и ассимилировали европеоидное население, говорившее прежде на иранских языках, а затем из Средней Азии в Анатолию, где тюрки, происходящие в значительной части от тюркизованных иранцев-европеоидов, покорили и ассимилировали многочисленное местное население византийской Малой Азии. В результате оказывается, что на очень близких языках говорят народы, антропологически очень далекие друг от друга: чистые южные европеоиды турки и азербайджанцы и чистые монголоиды киргизы и уйгуры.

Армяне говорят на языке, происходящем, по-видимому, с Балканского полуострова. Между тем сами армяне к Балканам никакого отношения не имеют. Объясняется это просто: после переселения части носителей протоармянского языка с Балкан в Малую Азию он получил там широкое распространение среди исконных местных жителей. Когда же в эллинистический период носители протоармянского языка были ассимилированы греками, их язык сохранился лишь на Армянском нагорье — среди потомков хайасцев и урартов.

Подобную картину мы наблюдаем в истории очень многих языковых семей мира. Естественно думать, что и с распространением ностратических языков де-

ло происходило примерно так же. Историю ностратического языкового ствола по эпохам можно представить себе примерно так.

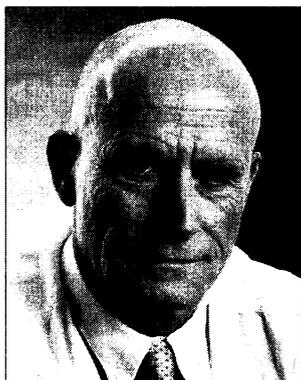
Финальный палеолит. Ностратический язык един, и его носители (тогда, видимо, немногочисленные — одно племя) живут в каком-то районе Передней Азии. Где именно — нам знать пока не дано.

Мезолит. Ностратический язык распался на несколько родственных языков-потомков, которые распространились по разным частям Передней Азии и, возможно, проникли также на юг Средней Азии.

Неолит и более поздние эпохи. Языки-потомки широко распространяются по просторам Старого Света. Индоевропейские языки, попав из Малой Азии в Восточную Европу (по-видимому, в Среднедунайскую низменность), впоследствии заняли почти всю Европу. От языков прежнего "европейского" населения осталось очень мало. (По-видимому, таким языком является баскский. Кроме того, слово Silber-серебро — ностратического происхождения — является заимствованием из какого-то из этих древних европейских языков.) Часть носителей индоевропейских языков — видимо, самые заядлые кочевники, — проходит причерноморскими степями и уже на глазах истории в конце II тыс. до н.э. несколькими волнами вторгается через Среднюю Азию в Индию и Иран — это были носители предков нынешних индоиранских языков.

Большая часть семитохамитских языков занимает северную половину Африки. Картвельские языки занимают Закавказье и там и остаются до сих пор. Дравидийские языки занимают всю нынешнюю Индию (индоевропейцы-арии впоследствии оттеснят их на юг полуострова Индостан). Прауральский язык через казахстанские степи попадает на Урал или в Зауралье, а оттуда его потомки распространяются по Западной Сибири и Восточной Европе. Древнейшие алтайские языки вместе с волнами европеоидного населения (афанасьевской и андроновской культурами) захлестывают степи Южной Сибири и Монголии, а позже становятся языками местного монголоидного населения и проникают еще дальше — в сибирскую тайгу, на Амур, в Маньчжурию, Корею, а в начале нашей эры попадают и в Японию.

Так выглядит рабочая гипотеза. В будущем, когда выявятся новые факты, ее можно будет уточнять, дополнять, а может быть, и пересматривать.

Ами Аялон (1945) — бизнесмен, общественный деятель. Председатель правления компании "Нетафим". В прошлом занимал должности начальника ШАБАКа и командующего Военно-морскими силами Израиля. Возглавляет организацию "А-Мифкад а-Леуми" ("Национальный опрос").

"НАЧИНАТЬ НУЖНО С БУДУЩЕГО"

Интервью с Ами Аялоном

М.А. Г-н Аялон, расскажите, пожалуйста, о сущности Декларации принципов, которую Вы выработали совместно с Сари Нусейбой. Как Вы пришли к идее такой декларации — и почему именно с ним?

А.А. Начнем с самой Декларации. Документ сам по себе очень прост. Он включает в себя шесть параграфов, и поскольку в шестом параграфе говорится о прекращении конфликта в случае успеха, содержание документа представлено пятью параграфами. На наш взгляд, они касаются самых чувствительных "нервных узлов" конфликта, которые связаны с нашей национальной идентичностью и почти в той же степени — с национальной идентичностью палестинцев. Первый момент — определение национального характера государств. В Декларации не только провозглашается принцип двух государств для двух народов, но и подчеркивается, что Израиль — государство еврейского народа, а будущее Палестинское государство предназначено для палестинцев. В отношении границ Декларация основывается на решениях международного сообщества, речь идет о границах, близких к линии 1967 года, с обменом территориями в пропорции 1:1. Мы напоминаем, что главными параметрами тут должны быть демография, соображения безопасности и территориальная непрерывность. В отношении Иерусалима мы принимаем план Клинтона, то есть еврейские кварталы — под израильским суверенитетом, арабские кварталы — под палестинским суверенитетом. К проблеме святых мест мы подходим иначе, чем это делалось до сих пор. Мы выносим этот вопрос из государственной сферы. Мы говорим не о суверенитете, а об управлении. Суверенитет — в руках Божьих. Но управление мечетями будут осуществлять палестинцы, мы будем осуществлять управление Стеной плача. Что касается святых мест христианства, там будет сохранен статус-кво.

В отношении права на возвращение, этой самой чувствительной из проблем, мы утверждаем прежде всего, что беженцам должна быть предоставлена материальная компенсация.

М.А. *Путем создания специального фонда?*

А.А. Да, в этом должны принять участие международное сообщество, Израиль и Палестинское государство. Что же касается места проживания палестинских беженцев, то им будет предоставлено право оставаться там, где они живут сейчас или переселяться в третьи страны — но возвращаться они смогут только в Палестинское государство. На территорию Израиля они не смогут вернуться. И в той же мере евреям будет предоставлена возможность селиться только в Государстве Израиль. Мы тут проводим некую аналогию между нашим отказом от прав поселения в Хевроне, Шхеме, Бейт-Эле — и их отказом от прав на Хайфу, Лод, Рамле. Мы вообще старались сориентировать этот документ не на прошлое, а на будущее.

Вопросы безопасности — тут мы подчеркиваем, что Палестинское государство будет демилитаризованным. Ответственность за его безопасность возьмет на себя международное сообщество.

Вот основное содержание документа. Теперь — как мы пришли к этой идее. Мы пришли к ней исходя из мнения, которое мы оба разделяем, что одна из причин крушения Соглашений Осло — это использование в нем принципа постепенности. К сожалению, ни мы с палестинцами, ни мировое сообщество не сделали из этого нужных выводов. Ведь и план Тенета, и план Митчелла, и сама "Дорожная карта" основываются на той же самой методике. А мы считаем, что такая методика не позволит нам успешно продвигаться по этому трудному пути.

Ведь главное требование с нашей стороны — это прекращение террора. А главное требование с палестинской стороны — замораживание поселенческой деятельности и эвакуация незаконных поселений. Я считаю, что ни одна из сторон не начнет выполнять соглашение и даже его первый этап. Палестинцы не будут бороться с террором иначе, чем в контексте окончательного урегулирования. И точно так же мы не станем свертывать поселения иначе, чем в контексте окончательного решения. Внутренняя борьба, которая предстоит палестинцам в рамках прекращения террора, будет на грани гражданской войны. И они не пойдут на это, если в итоге выяснится, что мы не эвакуируем поселения. Точно то же и у нас: мы не согласимся эвакуировать поселения, если впоследствии может выясниться, что палестинцы не откажутся от права на возвращение. Таким образом, будущая перспектива обуславливает наши действия в настоящем. Поэтому мы уверены в том, что при любой попытке соглашения начинать нужно с будущего — и оттуда двигаться назад.

М.А. *"Мы" — это Вы и Сари Нусейба?*

А.А. Именно так. И мы стали думать — как нам определить это будущее в документе? Оказалось, что это довольно просто. Все эти идеи и принципы уже не-

однократно высказывались, формулировались. Ведь сейчас большей части общественности на каждой из сторон ясно, что это более или менее цена, которую придется заплатить за реализацию идеи: два государства для двух народов. Большинство палестинцев понимает, что им придется отказаться от права на возвращение, и большинство израильтян согласно, что нам придется пойти не уступки в вопросе поселений.

С нашей точки зрения, сейчас важно создать некий импульс давления "снизу" и на израильское правительство, и на палестинское руководство. Во многих отношениях мы — свидетели кризиса "классической" дипломатии, когда руководители встречаются при закрытых дверях в Версале, Потсдаме или в Осло, как это было в XIX — XX веках. Наступает время публичной дипломатии — это требование современной демократии. Попытки запереться в Кемп-Дэвиде или в Уай-Плантейшн и отгородиться от СМИ выглядят сегодня искусственно. В этом есть привкус конспиративности, заговора. Ведь речь на таких переговорах идет о наших судьбах.

М.А. Теперь — несколько слов об организации "А-Мифкаг а-Леуми" ("Национальный опрос"). Какова ее роль в осуществлении, продвижении вашей программы? И каким вы видите конечный результат всей этой деятельности?

А.А. Конечная цель достаточно амбициозна: мы стремимся к тому, чтобы будущие переговоры между Израилем и палестинцами основывались на этом документе. Разумеется, переговоры будут вести политики, легитимно избранные каждой из сторон. Но этот документ будет формировать фон. Надо, чтобы эти политики знали: народы, общественное мнение поддерживают принципы, сформулированные в настоящей Декларации. Мы хотим, чтобы благодаря массовому сбору подписей под Декларацией было создано достаточное давление "снизу" на правительства. И еще — чтобы международное сообщество (в первую очередь я имею в виду арабские государства и "квартет") согласилось с этими принципами. Пусть эти два "блока" скажут: "Есть "Дорожная карта". Мы добавляем к ней одну страницу". Это вполне возможно, потому что почти все пункты Декларации упоминались в решениях международных организаций и в речах президента Буша. Так что здесь нет ничего противоречащего мнению мирового сообщества. Эти принципы приемлемы — если верить опросам — для обоих народов. И мы знаем, что лидеры умеренных арабских стран — Египта, Иордании, Саудовской Аравии — тоже вполне могут с ними жить.

Если это молчаливое согласие с принципами Декларации обретет публичный характер, — очень хорошо. Но это — самая конечная цель. Этого не произойдет, если под декларацией не будут стоять сотни тысяч подписей. Цель нашей организации и заключается в распространении этих принципов и в сборе подписей. А для этого требуется очень кропотливая организационная работа — в общенациональном масштабе. В ней должны участвовать тысячи добровольцев и сотни активистов — которые будут выходить с плакатами на перекрестки, устраивать семинары и обсуждения, наконец, ходить из дома в дом с подписными листами.

М.А. *Такая деятельность уже ведется?*

А.А. Мы начали ее примерно два месяца назад. Начали разъяснительную, пропагандистскую кампанию в масштабах всей страны. А сбор подписей начали 4–5 месяцев назад. И судить об успехе нашей деятельности надо будет и по тому, насколько нам удастся мобилизовать людей, способных обратиться к израильскому обществу, убедить его, дойти до всех его слоев и групп.

М.А. *А на русскоязычную общину вы обращаете внимание?*

А.А. Я думаю, что русскоязычные израильтяне до сих пор не слишком хорошо знают, кто такой Ами Аялон, а если и слышали о нем, то не придают этому большого значения. А нам очень важно донести наше послание до этого сектора — ведь он составляет пятую часть израильского населения. В русскоязычной прессе, достаточно влиятельной, мы почти не появляемся.

М.А. *Потому что не пытаетесь — или по другим причинам?*

А.А. Поначалу мы не очень понимали, как подступиться к этому — и решили поискать людей, которые знают, как обратиться к русскоязычным гражданам Израиля, как дойти до их умов и сердец. Например, к нашей организации принадлежит Яков Кедми — он ведь фигура достаточно известная в "русских" кругах?

М.А. *Безусловно.*

А.А. До сих пор он принимал довольно активное участие в нашей деятельности — но мы еще не просили его: "Яков, обратись к русскоязычной аудитории, разъясни ей наши позиции". На этом мы сосредоточимся в ближайшие недели.

М.А. *Понятно. Скажите, насколько успешно продвигался до сих пор сбор подписей? И сколько вы предполагаете собрать в конечном итоге — на каждой из сторон?*

А.А. Мы не ставим себе точных цифровых границ. Чем больше соберем, тем лучше. Понятно, что это должны быть многие сотни тысяч подписей. А пятьсот тысяч, или семьсот тысяч, или миллион потребуется — этого мы не знаем. Надо помнить, что количественный параметр — очень важный, но не единственный. Важно и то, как это будет освещаться в средствах массовой информации, насколько они будут активны в этом плане. И еще — насколько нам удастся заполнить политический вакуум, существующий в этой области, насколько удастся продвинуть наши идеи в политическую повестку дня.

Что касается уже собранных подписей — на израильской стороне собрано 112–113 тыс. подписей, и на палестинской — 60 тыс. подписей. Это последние данные. (Интервью проходило 12 ноября — М.А.) Мы встречаемся каждые две недели, чтобы уточнить и откорректировать цифры. Так что на сегодняшний день результаты, может быть, лучше.

И мы втягиваем политическую систему в обсуждение нашей идеи. Мы передаем нашу Декларацию на обсуждение фракций в Кнессете. Недавно мы

представили ее партии ШАС. Через неделю-две передадим ее фракции Шинуй. Мы представим нашу Декларацию на обсуждение партии Авода, и, конечно, будем рады сделать то же в отношении Ликуда, если нас пригласят. Мы собираемся устраивать "презентации" нашей программы и на уровне муниципального руководства, чтобы и таким образом доводить ее до сведения широких слоев населения.

М.А. Намереваетесь ли вы организовать в конце концов нечто вроде референдума по этим вопросам?

А.А. Референдум — это грандиозный и очень дорогостоящий общественный проект. Следует помнить, что наша организация действует на частные пожертвования, на средства людей, которые очень обеспокоены сложившейся ситуацией. Они выкладывают деньги из собственного кармана.

М.А. Пожертвования приходят только от израильтян или из-за границы тоже?

А.А. 80–90 % жертвователей — израильтяне, но есть и евреи из США и Канады, поддерживающие нашу деятельность. Еще раз — эта активность обеспечивается частными пожертвованиями. Поэтому мы должны очень и очень хорошо подумать, на что тратить деньги. Я, например, работаю тут исключительно на добровольных началах. Наш недавно утвержденный генеральный директор Орни Петрушка тоже работает в организации на добровольных началах — хотя о его финансовом благополучии можно не беспокоиться (Орни Петрушка — один из владельцев компании высоких технологий "Хроматос", которая была продана несколько лет назад американцам за 4.7 млрд. долл. — М.А.). Словом, я возвращаюсь к своей мысли — не думаю, что стоит проводить особый референдум. Ведь то, чем мы сейчас занимаемся, — это и есть референдум, только не одномоментный, а растянутый во времени и связанный с процессом убеждения. В итоге же мы хотим передать собранные подписи президенту, председателю Кнессета и, конечно, главе правительства.

М.А. Принятие вашей программы потребует от обеих сторон болезненных уступок. Считаете ли Вы это реальным в близкой перспективе? И второе: уступки с чьей стороны представляются Вам более существенными?

А.А. Начну со второго. Я израильтянин, поэтому наши уступки, естественно, кажутся мне более болезненными. Но я готов признать, что боль — дело весьма субъективное. Поэтому мы, наверное, измеряем собственную боль другой меркой, чем та, которую мы прилагаем к боли палестинцев. Я не думаю, что стоит заниматься сравнением степени болезненности.

Уступки с нашей стороны весьма существенны. Однако сценарий, включающий в себя эти уступки, кажется мне единственно реальным. Любой другой сценарий грозит тем, что Израиль перестанет быть сионистским государством. Надо признать тот факт, что время работает против нас. Не против нас как евреев, а против принципа "два государства для двух народов". Но это ведь единствен-

ный принцип, который позволяет нам остаться сионистским государством, то есть еврейским и демократическим. Ведь альтернатива этому — единое государство от реки Иордан и до моря. Такое государство не будет домом ни для евреев, ни для палестинцев, и оно не будет демократией. Это будет очень неблагоприятное для жизни место, с очень высоким уровнем насилия...

М.А. Нечто среднее между Северной Ирландией и Южной Африкой.

А.А. Именно так. И я думаю, что понимание этого обстоятельства все больше овладевает общественным сознанием — на обеих сторонах. Палестинцы хотят палестинское государство, а мы хотим еврейское государство. Но люди в Израиле понимают и другое. Они понимают, что наша тяжелая социально-экономическая ситуация, кризис системы образования и т.д. связаны с характером наших отношений с палестинцами. Поэтому, я думаю, большинство населения рано или поздно признает нашу правоту.

М.А. Ясно, что организации Хамас и Исламский джихад — главные противники мирного урегулирования на палестинской стороне. Каким образом можно нейтрализовать их влияние: военными действиями против этих организаций; или мерами укрепления доверия, то есть жестами в сторону палестинского населения; или привлечением этих экстремистских организаций к политическому процессу?

А.А. Я думаю, что нам следует делать в отношении экстремистских организаций нечто почти противоположное тому, что делалось до сих пор. Нам следует вести бескомпромиссную борьбу с фундаменталистским террором. Эта борьба будет тем эффективнее, чем более "точечными" будут наши удары. Ведь когда мы проводим акцию против активиста Хамаса, и при этом вокруг гибнут люди, к Хамасу не принадлежащие, это страшно вредит нашей борьбе. Своими действиями мы должны ясно показывать, какой будет судьба террористов, но и какой будет судьба тех, кто не замешан в терроре.

М.А. Но ведь все у нас хотят именно этого — по крайней мере, на уровне деклараций.

А.А. Нет, я считаю, что наша сторона пытается очень облегчить себе задачу. Если бы все были за это — мы бы не сбрасывали бомбу весом в тонну на жилой дом, в котором заведомо есть мирные жители. И если, когда при этом погибают 17 человек, из них 12 детей, мы говорим, что все в порядке — это значит, что тут своеобразно понимается "точечность".

Однако параллельно вооруженной борьбе с террором мы должны представить политическую перспективу, программу — программу, которая дает надежду на будущее. Как работник службы безопасности в прошлом я могу доказать следующее. Допустим, мы проводим точечную операцию и убиваем одного активиста Хамаса, не задевая никого вокруг, и это — на фоне идущего своим ходом политического процесса. При этом мы убеждаем сотни, а то и тысячи людей, что с нами лучше вести переговоры, чем вооруженную борьбу. В то же время, если

мы совершаем такую "ликвидацию" в отсутствие политического процесса, дающего перспективу, надежды, — мы подталкиваем этих людей к еще более ожесточенной борьбе против нас. Таким образом, политический процесс — это дополнительное средство, инструмент в борьбе с террором.

До сих пор же мы отнюдь не вели два эти процесса — военный и политический — параллельно. Мы использовали методику "сначала... потом". Кроме того, мы слишком много атаковали Палестинскую администрацию и слишком мало — Хамас. Тем самым мы создали вакуум в системе власти на палестинской стороне. И этот вакуум заполняют экстремистские, фундаменталистские группы. Таким образом, мы ослабили умеренные, прагматичные круги палестинского общества и усилили экстремистов — и тем, что недостаточно активно боролись с ними, и путем создания вакуума.

М.А. Вы считаете, что это делалось с нашей стороны намеренно?

А.А. Я думаю — нет. Я вообще не сторонник "теории заговора". Для заговора требуется слишком большая подготовка, слишком большие усилия... Я думаю, что тут имеет место просто безответственность, а не чей-то умный и злонамеренный план. Поэтому ситуация, в которой мы оказались — скорее, результат недопонимания. И вот еще что. Мы приписываем Арафату некие магические способности, которых у него не было и нет.

Еще я хочу коснуться вот чего. Существует термин "сфокусированное устранение". И когда понятие это из оперативного превращается в средство осуществления политики, мы оказываемся в очень глубоком параличе. С нами происходит то же, что с некоторыми врачами-хирургами, которые забывают, что перед ними на операционном столе лежит не некий абстрактный объект, а живой человек. Так же и мы, все больше сосредотачиваясь на "устранениях", утрачиваем чувствительность к тому, что реально происходит, к реальному ущербу, который мы причиняем другой стороне. Ведь начиная эту оперативную линию, мы и не думали о сбрасывании тяжелых бомб на жилые дома...

М.А. То есть тут у процесса возникает собственная динамика и инерция...

А.А. Да, собственная динамика, которая ведет к ослаблению системы контроля, ослаблению внутренних механизмов и к общему моральному расслаблению.

М.А. Но ведь мы знаем, что и среди членов ФАТХа отношение к переговорам с Израилем довольно сложное. Поэтому я снова спрашиваю: считаете ли Вы, что мы должны предпринять шаги по установлению доверия еще до каких-то реальных плодов политического процесса?

А.А. Я должен сказать, что я против всяких односторонних мер. По-моему, нужно сначала представить палестинцам реалистическую и идущую навстречу их чаяниям политическую перспективу — и после этого начать работать. Конечно, мы можем провозглашать всякие односторонние меры — но они не выдержат испытания. Мы можем заявить об одностороннем прекращении огня. Но

если последует теракт, мы вынуждены будем ответить. Мы ведь уже пытались идти этим путем — не получилось. И мне кажется, я знаю, почему не получилось. Мы им говорили: вы должны бороться с террором. Ради чего они будут бороться с террором? То же относится и к идее эвакуации незаконных или изолированных поселений... Каждая из сторон все время боится оказаться обманутой. Она боится что-то сделать и ничего не получить взамен. И я считаю, что вполне логично сохранять на руках козыри до начала настоящей "игры". Зачем нам снимать поселения, пока нет уверенности, что палестинцы откажутся от права на возвращение? Ведь нам придется платить очень высокую цену за разрешение конфликта.

И вот еще что в связи с этим. Мы недостаточно, по-моему, думаем и говорим о том, что будет означать эвакуация поселений. Для общества это будет переживание на уровне национальной травмы. И нам нельзя "входить" в этот процесс до того, как нам станет точно известно, куда он нас ведет и как мы "ведем" его. До сих пор мы уделяли этому недостаточно внимания. Общественная дискуссия на этот счет велась таким образом, как будто главный враг — это поселенцы. Но это только осложняет процесс принятия решений. То есть, еще раз — я не против "мер доверия", особенно гуманитарного характера, но они могут играть лишь подчиненную роль.

М.А. Иными словами, на Ваш взгляд, само видение окончательного урегулирования в том формате, в каком оно описано в Декларации, должно привлекать людей с обеих сторон к поддержке документа?

А.А. Да. Это описывается во всех пособиях по управлению бизнесом, по менеджменту, хотя этого и нет в книгах по истории дипломатии. Речь идет о провидимой цели, об "идеале". Если ты не можешь нарисовать наглядную картину того состояния в будущем, к которому ты хочешь прийти, ты не сможешь побудить людей действовать, сдвинуться с места. Пришло время и политикам, дипломатам прочесть книги по менеджменту и понять: невозможно подвинуть людей к действию, не создав в их сознании видение цели.

М.А. Ясно, что израильское общество пребывает сегодня в состоянии апатии и лишь смутно надеется, что каким-то образом все уладится само собой.

А.А. Мы сейчас находимся в психологическом состоянии, напоминающем состояние в еврейских общинах Европы накануне Второй мировой войны. Есть ощущение, что что-то страшное должно произойти, но нет сил, нет воли попытаться сделать что-то, предотвратить беду. Я не хочу сказать, что мы находимся на пороге катастрофы физического уничтожения, но нам, по-моему, действительно грозит утрата Израилем своего сионистского характера. Израильское общество действительно пребывает в состоянии смятения, апатии, потери ориентиров.

М.А. Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к Женевской инициативе и ее участникам. Что общего в ваших подходах, и в чем они различаются?

А.А. Начать с того, что я приветствую инициативу любых групп с обеих сторон по установлению контактов, и в этом смысле я поддерживаю Женевскую инициативу. Очень важно и то, что они разделяют наш подход: начинать нужно с конца, представить ясную картину окончательного соглашения, к которому надо будет прийти.

Однако вместе с тем есть два момента, в которых мы существенно расходимся. Первый момент — содержательный. Рисуя картину будущего, мы должны представлять себе и ограничения, и "красные линии". У меня есть такие "красные линии". Одна из них — это отрицание права палестинцев на возвращение в пределы Государства Израиль. Женевская инициатива предусматривает возможность возвращения нескольких десятков тысяч палестинцев — причем точные цифры остаются тут неясными. Они определяются как средние от числа беженцев, которых согласятся принять "третьи страны". Речь тут может идти о Канаде, Новой Зеландии, Аргентине и т.д. Израиль наряду с ними определяется как "третья страна", и какое количество беженцев нам придется принять — это станет ясно только в будущем.

Кроме того, я противник слишком многословных документов. Наша декларация имеет достоинство краткости и ясности. В ней говорится: палестинцы будут иметь право на возвращение только в Палестинское государство. Есть в Женевской инициативе еще один момент, с которым мне трудно примириться: это суверенитет палестинцев над Храмовой горой.

Но есть и другая сторона, которая разделяет нас и авторов Женевской инициативы, сторона скорее методическая. Женевская инициатива воспринимается как акция политических сил, намеревающихся вернуть левый лагерь к власти. Среди подписавших ее с израильской стороны — члены Аводы, Мерец. Естественным образом общественность воспринимает ее в политическом контексте. Мы со своей стороны очень старались исключить из нашей инициативы всякий партийно-политический фон — для того, чтобы не отталкивать от нее центристов и даже сторонников правого лагеря, которые поняли необходимость изменить подход к проблеме. На мой взгляд, главная разница между нашими инициативами в том, что мы стремимся воздействовать на правительство, а авторы Женевской инициативы стремятся к смене правительства. Однако повторю: я приветствую то обстоятельство, что существует не только одна мирная инициатива. Кроме того, Женевская инициатива еще раз подтверждает: есть с кем говорить, с кем вести переговоры на палестинской стороне. Хорошо, что есть 60 тыс. палестинцев, подписавших нашу Декларацию, и хорошо, что есть министры и другие видные представители палестинской администрации, подписавшие Женевский документ, пусть о нем и можно спорить. Теперь наша общественная дискуссия может больше сконцентрироваться на содержательных проблемах, а не на вопросе, есть ли с кем говорить.

М.А. *Как Вы оцениваете роль международного сообщества в достижении окончательного урегулирования? Возможно ли оно вообще без массивного вмешательства извне (США, "квартет") в наши дела?*

А.А. Я полагаю, что никакое решение невозможно без участия международного сообщества, но оно не сможет продиктовать нам и палестинцам решение. Прежде всего потому, что оно само к этому не стремится. Я много ездил, встречался и в США, и в Европе с политиками, общественными деятелями, представителями СМИ. Я знаю — этого не произойдет. Это не в интересах, например, американцев, кто бы ни определял американскую внешнюю политику. Самое главное для них — это их внутренние дела, и они не будут навязывать нам решение. Я могу уверить в этом и тех, кто надеется на навязанное решение, и тех, кто страшится его. Однако именно это рассуждение возвращает "мяч" на нашу с палестинцами площадку. Всякий, у кого есть голова на плечах, понимает, что сохранение нынешнего положения ведет и нас, и палестинцев к пропасти — и в плане социально-экономическом, и в плане безопасности, но и с точки зрения национальной идентичности общества. Поэтому у нас нет выбора — надо что-то делать. Нельзя сидеть сложа руки. Как говорил английский политик и мыслитель Эдмунд Бёрк, "для того, чтобы зло победило, нужно лишь одно: чтобы хорошие люди ничего не делали". Мы все — хорошие люди. Но если мы будем сидеть сложа руки, не стоит потом задаваться вопросом: как же это все с нами случилось?

М.А. Речь в вашей программе идет не только о принципе "два государства для двух народов", но и о возвращении к границам 1967 года...

А.А. Нет-нет. У нас речь идет о территориальном обмене по демографическому принципу. Я полагаю, большинство поселенцев смогут остаться в местах своего проживания. Только 25–30% поселенцев должны будут переместиться в пределы нынешней "зеленой черты". Я убежден, что с нашей программой окончательного урегулирования согласна большая часть израильского общества — включая "правых", включая религиозных, включая даже большинство поселенцев, если им предоставится возможность остаться в своих домах. Еще раз повторю: одной из главных ошибок левого лагеря в Израиле было то, что он зачастую представлял поселенцев в качестве врагов мира и врагов государства. Я с этим совершенно не согласен. Я привык относиться к поселенцам как к продолжателям сионистского проекта и "халуцианства". Поэтому я убежден, что мы должны сказать поселенцам примерно следующее. Вы — не только часть израильского народа, не только "халуцианцы", вы, по сути, те, кто позволили нам прийти к соглашению с арабским миром и с палестинцами. Но вы же платите самую высокую цену за это соглашение. Часть из вас должна вернуться в пределы Государства Израиль, оставив свои дома. И так же, как государство послало вас туда, сейчас оно обязано позаботиться о жилище, о работе, об обустройстве вас на новом месте. Если государство и общество сумеет обратиться к еврейским жителям Иудеи, Самарии и Газы с таким посланием — я уверен, что большинство поселенцев согласятся с ним.

М.А. И последний вопрос. Как складываются у Вас с г-ном Нусейбой рабочие отношения?

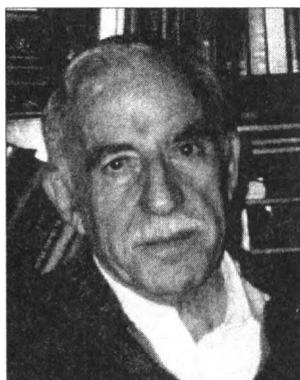
А.А. Я скажу так. Я не ожидаю, что Сари Нусейба присоединится к сионистскому движению. И я не стану членом палестинского национального движения. Я участвую в этом начинании не из любви к палестинцам, а потому, что хочу сохранить сионистский характер Израиля. И у Сари Нусейбы — сходные национальные мотивы. Могу сказать, что между нами существует большое взаимное уважение. Я очень высоко ценю мужество Нусейбы. Он — человек редкостного мужества и в личном, и в интеллектуальном плане. Это то, что я о нем думаю. Что Сари Нусейба думает обо мне — спросите его.

М.А. *Спасибо за беседу.*

Записал и перевел Марк Амосин

О СИОНИЗМЕ И ИЗРАИЛЕ СЕГОДНЯ

Несколько месяцев тому назад на русском языке была опубликован сборник публицистики известного израильского общественного деятеля Якова Хисдай "Смутное время (Израиль после 1973 года)". В своих статьях, первоначально публиковавшихся в различных израильских периодических изданиях, Яков Хисдай осмысляет жгучие проблемы нашей общественной и политической жизни последних десятилетий. Книга вызвала живой интерес читателей. В этом разделе журнала мы публикуем завершающую статью сборника и два читательских отклика, авторы которых полемизируют и с Хисдаем, и друг с другом.

Яков Хисдай (1938) — адвокат, общественный деятель. Участвовал в Шестидневной войне, Войне Судного дня. Полковник запаса израильской армии. Защитил докторскую диссертацию по истории восточноевропейского еврейства в Еврейском университете в Иерусалиме. Автор трех сборников публицистических статей.

Яков Хисдай

НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЭРЫ

15 июня 2001

Растерянность велика, тревога огромна. Израильское общество просыпается после долгих грез и вглядывается в открывающуюся новую эру.

* * *

Две грезы в течение целого поколения застали глаза израильскому обществу, разрывая его на куски, зато позволяя грезить и дальше, — мечта о неделимой Земле Израила и мечта об эре мира. Обе они родились из более старой мечты: изменить еврейскую судьбу, превратить евреев в "народ, как все народы", который будет спокойно жить на своей земле в мире с соседями.

<...> Мечты сильны: они побуждают людей к самоотверженным усилиям и великим делам. Но если они заслоняют действительность, конец их неотвратим. Иногда иллюзия длится годы или даже поколения, но в конце концов приходит пробуждение, а с ним отрезвление, разочарование и правда.

Соглашения, заключенные в Осло, сокрушили мечту о неделимой Земле Израиля, и поборники мира ликовали.

Но настал и их час крушения, и тогда началась новая эра нашей истории, показавшая, что еврейская судьба не изменилась, а лишь приняла новую форму: борьбы еврейского государства за выживание.

Новая эра ознаменовалась двумя событиями: провалом переговоров Эхуда Барака в Кемп-Дэвиде и интифадой, начавшейся в "грозные дни" осенью 2000 года.

В Кемп-Дэвиде умерла мечта о мире. Компромисс "два государства для двух народов" неприемлем для половины палестинского народа, ушедшей в изгнание в 1948 году. Для них отказаться от права на возвращение означает навсегда отречься от своих прав. Ни Арафат, ни тот, кто сменит его, — ни один палестинский лидер не захочет и не сможет от имени своего народа отказаться от исторических прав этого народа. Поэтому окончательного мира с палестинским национальным движением не будет.

Интифада, начавшаяся в "грозные дни", продолжается уже полгода и чем дальше, тем сильнее опровергает принятое мнение о том, что палестинцы не представляют собой смертельной угрозы для государства Израиль. В условиях внешней блокады палестинцы сумели скопить столько оружия и боеприпасов, чтобы вести против нас постоянную войну, — а политическая ситуация ограничивает нашу возможность отвечать им.

Если бы палестинское государство само контролировало свои въезды и выезды и если бы в него вернулось полмиллиона беженцев, то против нас оказались бы армия и террористические организации, оснащенные современными противотанковыми и противовоздушными ракетами, способные самым критическим образом помешать Израилю отбить нападение арабских стран, а еще прежде — превратить нашу жизнь в ад. В этих условиях Палестинская автономия станет смертельной угрозой для Израиля.

Поэтому вывод тяжел, но очевиден. Настоящего мира с палестинцами не будет, а израильские возможности для уступок и компромиссов очень малы. В обозримом будущем нужды выживания Израиля требуют и будут требовать полного контроля над определенными жизненно необходимыми территориями и над въездами и выездами из Палестинской автономии.

* * *

Политического решения нет — это мы узнали вместе с Бараком. Военного решения нет — это мы проходим сейчас с Шароном. Что же представляет собой "решение", о котором все мы говорим?

Решение заключается в первую очередь в понимании ситуации. В этом смысле решение уже получено, потому что ситуация прояснилась: не будет мира, и не будет неделимой Земли Израиля.

Но решение означает и средство достижения цели. Когда мы говорим, что нет политического или военного решения, то имеем в виду, что политические переговоры или военные шаги не принесут мира.

В этом смысле положение тоже ясно. У нас нет средств достичь мира — он недостижим. Поэтому дело не в решении, а в цели. Мы должны поставить перед собой вместо мира новую общую цель — такую, для достижения которой у нас есть средства.

К этой мысли трудно привыкнуть. Десять лет мы приучались верить, что мир — самый высший идеал. И еще труднее создать альтернативную цель, которая могла бы по своей силе соревноваться с идеей мира. Вот почему договор Осло, давно и бесповоротно умерший, до сих пор не удостоился подобающих похорон. Ему нет альтернативы.

Какой же будет наша новая цель? Она не так чарующа, как идея мира, зато хорошо знакома еврейскому народу. Когда-то мы воевали за нее и даже победили. Это — выживание.

Бороться за выживание — значит постоянно остерегаться врагов и последовательно искать союзников. В нашей борьбе за выживание Палестинская автономия — враг, она представляет палестинское национальное движение. Победа этого движения означает наш крах, а удовлетвориться меньшим они не согласны. С ними не будет договора: мы не можем предложить им компромисс, который поставит наше существование под угрозу.

Но все ли палестинцы наши враги? Это нужно выяснить. Возможно, мы могли бы выдвинуть предложения, которые будут приемлемы для части палестинцев. Не те предложения, с помощью которых покупают коллаборационистов, а такие, которые опираются на легитимную идеологическую основу и взаимные интересы.

Сегодня есть два источника легитимности. Один — национальные права народа, другой — права человека как личности. Палестинцы получили поддержку мирового общественного мнения и нашего левого лагеря в борьбе за свои национальные права. В Осло Израиль заставил палестинцев получить национальные права и при этом отказаться от прав человека. До сих пор даже лучшие из наших левых готовы безропотно глотать диктатуру и злодеяния, чинимые над палестинцами, поскольку это творят их же соплеменники.

Палестинцы доказали, что своими национальными правами они пользуются во зло и угрожают нашему существованию. Они строят свою стратегию на том принципе, который ООП приняла еще перед Шестидневной войной: втянуть весь арабский мир в войну против нас.

Поэтому мы имеем моральное право ограничить их национальные права, но вместо этого оправданного ограничения мы должны предложить палестинцам решение с другой легитимацией — легитимацией демократических прав человека — и подлинным интересом: обеспечением права на нормальный жизненный уровень.

Есть ли палестинцы, которые согласятся жить в мире с Израилем, если им будут обеспечены эти условия? За тридцать лет оккупации мы этого не пробовали. Попробуем хотя бы теперь.

Зона А Палестинской автономии есть выражение национальных прав палестинцев. Там не существует прав человека, и ради того, чтобы воевать с нами,

они отказались и от источников пропитания. Если им это нравится — на здоровье, но мы не обязаны отдавать под этот диктаторский режим и территории зоны В. Попробуем ввести в каждом из районов зоны В полное демократическое самоуправление под оборонным контролем Израиля. Каждый такой район, который решит жить в мире с Израилем, сможет получить значительную часть прав и привилегий, которыми пользуются израильские граждане, в том числе право на работу в Израиле и получение израильского "даркона" при выезде за границу.

Так можно проверить, создаст ли возможность жизни в демократическом обществе и экономическая заинтересованность такую прослойку в палестинском обществе, в глазах которой гарантируемые нами демократия и права человека оправдывают мирное сосуществование с нами. Разумеется, это будет лишь попытка, более скромная, чем Осло, и без больших притязаний. Но так нужно относиться к любому решению.

Если мы верно определим цель и решение, то сможем прекратить бесплодные споры о том, как реагировать на один теракт и как ответить на другой теракт. Военные и политические действия должны служить будущим целям. Текущие события определяют только выбор момента — что и когда выполнить, чтобы сделать еще шаг по направлению к цели.

* * *

В условиях опасности и бедствия неизбежно приходится поставить перед собой цель — выжить. Но этого недостаточно. Нужно, чтобы было за что воевать и на кого надеяться. Есть ли это у нас? Веет ли от нашего общества достоинством и справедливостью? И можно ли надеяться на наш выродившийся политический истеблишмент?

Арабы останутся для нас очень серьезной проблемой, но истинно судьбоносным будет другой вопрос: сумеем ли мы быстро и кардинально изменить облик, ценности и нравы нашего общества и руководства.

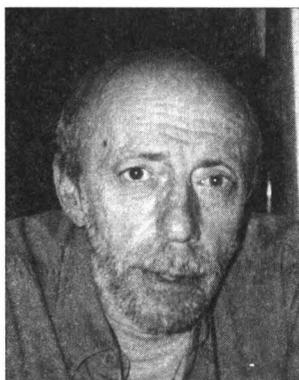
Чтобы защитить наших детей в "Дельфинарии", надо укрепить стены "Версаля"¹.

В разгар нашей борьбы за жизнь нужно сказать в полный голос: Израиль выживет лишь в том случае, если его граждане будут гордиться своим государством, если отец и мать, отправляя сына в армию, смогут сказать ему: "За это государство стоит воевать".

И такое государство нужно построить скорее, пока не поздно.

Перевела с иврита Рахель Торпусман

¹ Речь идет о двух трагедиях, случившихся с промежутком в несколько дней и унесших десятки жизней: в Тель-Авиве террорист-самоубийца взорвал себя в толпе подростков у входа в дискотеку "Дельфинарий", а в Иерусалиме недобросовестно построенное здание банкетного зала "Версаль" обрушилось во время свадебного торжества.

Михаил Пробатов (1946) — журналист. Родился в Москве. Учился на филологическом фак-те Педагогического института, в Литературном институте. Работал на рыбных промыслах, грузчиком, могильщиком. Печатался в "Известиях", "Общей газете", в журналах "Огонек" и "Новое время". В Израиле с 2000 г. Живет в Иерусалиме.

Михаил Пробатов

ОБ ИЗРАИЛЕ, РОССИИ И ДЕМОКРАТИИ

(письмо Якову Хисдаю)

Уважаемый господин Хисдай!

Статьи из Вашей книги буквально ошеломили меня. Впечатления, полученные мною в Израиле, где я нахожусь уже три года (или всего три года — не знаю, как верней), обрели совершенно неожиданные истолкования. Конечно, я знал, что хорошо известные мне события должны иметь оборотную сторону, но я и в мыслях не держал, что эта оборотная сторона так разительно отличается от лицевой. В первые же дни по приезде в Израиль я был поражен грубой бранью в адрес людей, которые всю мою жизнь олицетворяли для меня свободное, демократическое еврейское государство, создателей и защитников этого государства. Я увидел, что сионизм как система взглядов большинством населения Эрец-Исраэль практически уже отвергнута и взамен не выдвинуто ничего равноценного. Круг моих знакомых здесь оказался достаточно широк: от университетской профессуры до рабочих на конвейере хлебозавода Бермана. Бранились все — никакой конструктивной критики не приводил никто. Я впервые увидел разумное и корректное разъяснение этого трагического, с моей точки зрения, парадокса в сборнике Ваших статей.

Мои отрывочные соображения по поводу Вашей работы, вероятно, недостаточно основательны. Но поскольку это свежий взгляд человека, нового в стране, в прошлом диссидента, а позднее российского журналиста, они могут Вас заинтересовать. Если же эти заметки просто рассмешат Вас, — и это хорошо. Мы оба уже в том возрасте, когда смеяться полезно, а поводы появляются все реже.

* * *

Некоторые устоявшиеся в умах с давних пор теоретические аксиомы, на которые Вы часто опираетесь, мне кажутся спорными. А в некоторых случаях,

учитывая совершенно новые исторические реалии, мне кажутся сомнительными общепринятые в течение столетий взгляды даже на еврейский вопрос в целом. Мне будет жаль, конечно, если Вы это расцените как легкомысленную безответственность дилетанта. Отказавшись от ряда традиционных представлений, быть может, имеет смысл заново рассмотреть весь комплекс проблем в полном объеме? Мне показалось, что Вы на это не решились. На Кавказе есть пословица: "Перелез передними ногами — перелезай и задними".

Ваша книга в переводе называется "Смутное время". В российской историографии этим термином принято определять период в начале 17 века после смерти царя Бориса Годунова вплоть до избрания нового царя из рода Романовых и бегства польских волонтеров и казачьих войск. Была длительная тяжелейшая ситуация, когда страна совершенно неожиданно для большинства населения оказалась на краю пропасти. Армия была не разбита, а просто, будучи никем не управляема, распалась на вооруженные банды (ватаги). Система административного управления перестала функционировать. Казалось, все было кончено. Однако именно этими катастрофическими явлениями был вызван бурный национально-патриотический подъем на всех социальных уровнях, и, собственно, возникновение Российской империи началось с этого исторического эпизода.

Русское название книги, конечно, могло быть случайным. Но если Вы таким образом хотели выразить надежду на грядущее возрождение, — лично для меня это источник большого оптимизма. Хотя, к сожалению, такой взгляд плохо соотносится с вашим убеждением в необходимости выживать. Гибель или выживание — мне кажется, негодная альтернатива. Если боксер (ведь бокс, помимо всего прочего — условная модель любой схватки) выходит на ринг, заранее думая только о том, чтобы избежать нокаута, он проиграл еще до начала матча: уйдет от нокаута, все равно проиграет по очкам. Это относится и к политике, и к экономике, и к войне, и к идеологическому противостоянию в равной степени.

О сабрах и утрате национальной культуры в условиях национального государства

Об утрате какой, собственно, культуры Вы говорите? Носителями какой культуры евреи являются в галуте, утрачивая ее на исторической родине? Вы — специалист по истории восточноевропейского еврейства — какую культуру усматриваете, скажем, в российской черте оседлости, которая была устроена как огромное гетто, а к началу 20 века скорее уже напоминала колоссальный концлагерь? Те из наших предков, кто вырывался за пределы этой роковой черты, получали возможность принять участие в общемировом культурном развитии. Их имена можно прочесть едва ли не на каждой странице российской и мировой истории. Те же, кто сил и возможностей на это не находил, жили в замкнутом пространстве, где исторические часы остановились. Еврейская диаспора была для всей мировой цивилизации источником интеллектуальных кадров, отсюда вышли сотни крупнейших деятелей культуры, науки, политики. "Мы были пля-

сунами на всех чужих свадьбах", — писал У.Ц. Гринберг. Писал он, как известно, на иврите и, вероятно, мечтал о возникновении еврейской национальной поэтической традиции. Однако приходится признать, что его творчество — не что иное, как великолепный образец европейской поэзии начала 20 в.

Внутри еврейского гетто культурная жизнь текла вне общемирового процесса. Древняя культура наших предков давно уже стала фундаментом цивилизованного миропонимания, а в это время в еврейских местечках все еще при помощи каббалистических гематрий пытались расшифровать тексты, накрепко усвоенные, необходимые и вполне понятные каждому образованному человеку на планете. Стоило ли ценой грандиозных жертв создавать еще одну еврейскую общину — на этот раз в Эрец-Исраэль — для того, чтобы жить здесь жизнью галута, как Вы предлагаете?

Тридцать лет — слишком небольшой срок для того, чтобы неудачное течение событий в этом отрезке времени могло свидетельствовать об окончательном поражении, Вы же предлагаете решительную смену стратегического направления, намечаете новую цель. Уверен, что Вы, командуя войсковым подразделением в реальных боевых условиях, так не поступали — как бы Вы тогда оказались у ворот Суэца?

Мне показалось, что сабры, с которыми мне пришлось общаться в Израиле впервые в жизни, — это евреи, постепенно возвращающие себе неукротимый национальный характер создателей Библии, воинов, пророков, неутомимых искателей истины, которую ведь невозможно открыть, не обнажив меча, духовного в свое время и стального — в свое. Минувшие полвека были для израильских евреев временем стального меча. Были победы, были и поражения — разве могло быть иначе? В характере сабр присутствуют черты авантюризма. Но величайший деятель еврейской истории, Давид, в годы неудач предводительствовал в горах отрядом "праздных и своевольных", то есть попросту разбойников, а затем и вовсе получил от филистимлян войско и пограничную крепость Циклаг в правление. В некотором смысле он был авантюристом.

И в наше время люди, родившиеся и живущие в огне, будто саламандры, вряд ли могли оказаться высоколобыми интеллектуалами. Придет время и для этого, как в свое время для Давида пришло время царствовать над Израилем. Сегодня сабры — воины. Что в этом плохого или удивительного? На Ближнем Востоке говорят пушки — естественно, что музы молчат.

Если Вы позволите мне оставить в стороне религиозную доктрину (я не являюсь адептом ни одной из существующих религий), я бы решился высказать убеждение в том, что еврейский народ никогда не исчезнет с лица земли именно потому, что большинство евреев всегда будут продолжать жить в галуте. Это вытекает из некоторых важнейших черт национального характера. Нисколько не рискуя оказаться в положении банального шовиниста, можно смело утверждать, что евреи — всемирный народ. "На протяжении всей мировой Истории евреи оказывали существенное влияние на организованное общество" (проф. Г. Сакер). Между тем, очевидно, что в рассеянии народ, хотя и более уязвим, менее

подвержен опасности тотального уничтожения, чем в месте компактного проживания, тем более в условиях национального государства, которое может быть уничтожено войной или развалиться вследствие внутренних причин.

Что же касается опасности поголовной ассимиляции, то разговоры об этом идут, кажется, еще со времен египетского пленения. Опасность как будто налично, а ассимиляции не происходит. Сейчас утверждают, что ассимиляция произойдет вместе с исчезновением национальной системы религиозных взглядов. Почему тогда не ассимилируются цыгане, малочисленные, не имеющие никакой фундаментальной национальной культуры, легко принимающие религию того народа, через территорию которого они проходят в своем тысячелетнем кочевье, тут же забывая эту религию, оказавшись в новом окружении? Московские татары, некоторая часть которых — христиане, тем не менее не смешались с христианским населением российской столицы, сохранили язык и культуру предков, их специфический бытовой уклад. Они не стали русскими: например, неохотно пьют вино и, практически, не едят свинины, однако их национальное блюдо, конина и перебродившее, очень хмельное кобылье молоко (кумыс) — память о предках, которые еще в доисламские времена были степными всадниками — обязательное угощение, которым потчуют гостя. К слову, в этом случае религия сыграла роковую роль для многих таких татар. В начале перестройки москвичи были свидетелями вооруженных, свирепых и кровавых стычек между татарскими общинами христиан и мусульман. С обеих сторон действовали чрезвычайно решительно и жестоко — совершенно в духе древнего национального менталитета, сохранившегося с тех давних пор, когда татары были "завоевателями Вселенной". Какие же основания предполагать, что ассимилируется великая нация евреев, гениальные представители которой стоят у истоков едва ли не каждого мыслительного движения в ходе развития цивилизации?

Как-то Моше Даян сказал в одном из интервью, что Израиль будет существовать до тех пор, пока израильские евреи этого хотят. Мне кажется, что он ошибся. Государство Израиль возникло в момент, когда многомиллионной диаспоре, понесшей тяжелейшие потери в ходе Второй мировой войны и Катастрофы, понадобилась опора в виде сильного, динамичного и активного на международной арене национального государства. Такое государство, которое просто выживает, диаспоре не нужно. Вероятно, поэтому все усилия сионистов были безрезультатны до конца сороковых годов. Израиль же, безусловно, перестанет существовать в тот момент, когда мировая еврейская диаспора — всегда подавленная, разноязыкая, всегда подвергаемая опасности и преследуемая, но одновременно и всегда влиятельная и могущественная в силу своего интеллектуального потенциала, — отвернется от него. Еврейскому народу, быть может, "национальный очаг" во все и не нужен (он легко трансформируется в гетто), а нужна точка опоры, с помощью которой ему легче перевернуть мир, как не раз уже было в истории.

Как я уже заметил, история государственности России и Израиля имеет некоторые похожие и даже аналогичные страницы. В далеком, но не забытом и до-

рогому сердцу каждого еврея и каждого русского прошлом существовало успешное государство, диктовавшее соседям свою добрую волю не вооруженной силой, но используя обоснованную идеологию, продуманную административную организацию, высокую культуру и развитую экономику, а мощное войско только поддерживало государственный авторитет, свидетельствуя о выгодах прагматической нравственности во внешней и внутренней политике и предупреждая нападение или политическое давление извне. В целом весь регион процветал. В обоих случаях этот период был недолгим. Я имею в виду для Израиля царствование Шломо, а для России княжение Ярослава Владимировича. В памяти народов они сохранились как мудрые правители: Соломон Мудрый, Ярослав Мудрый — таковы были прозвища, которые дали им их соратники и противники, прозвища, сохранившиеся даже в официальной историографии по сей день. Далее — развал государства и мучительные и безуспешные попытки с самых различных позиций, различными средствами восстановить утраченное. Для еврейского народа этот период продлился почти три тысячелетия, из которых два евреи провели в абсолютном рассеянии, не имея собственного государства, а для русского — без малого тысячелетие, в течение которого русские мучительно блуждали в лабиринтах бесплодных имперских иллюзий.

Будет несправедливо не упомянуть в этой связи правление в Багдаде Харуна ар-Рашида, который, развивая торговлю и ремесла, покровительствуя развитию светской культуры, не ставил экспансию во главу угла политики Халифата. По преданию, простой народ очень любил его, и это косвенно подтверждает то обстоятельство, что именно он стал героем гениальных "Сказок 1001 ночи".

Разумеется, в деле государственного строительства каждому народу следовало бы чаще вспоминать о вождях такого типа. Однако в национальной истории им всегда предшествуют совершенно иные персонажи. Царю Шломо предшествует его отец Давид, а ему — воинственный и безрассудный Саул. И нельзя не понять, почему в наши дни, когда арабская государственность находится в состоянии упадка, редко арабы вспоминают о созидательной деятельности Харуна ар-Рашида. Вероятно, всякому арабу в наши дни теплее на сердце от воспоминаний о бесстрашном халифе аль-Мансуре, перевалившем со своей неудержимой конницей через Большой Кавказский Хребет, хотя это было совершенно бессмысленное деяние. И евреи охотней вспоминают Бар-Кохбу с его страстным порывом совершить невозможное, а русские — Даниила Галицкого, всю жизнь строившего крепости, опираясь на которые, он намеревался контратаковать Золотую Орду и которые монголы разрушали одну за другой. Простые люди пронесли через столетия любовь к беззаветным храбрецам, хотя их боевая деятельность была скорее губительной, чем позитивной.

Зато князь Иван I, добившийся в Золотой Орде права самостоятельно собирать татаро-монгольскую дань и впервые правивший Русью из Москвы как из единого государственного центра, был прозван народом Калитой, то есть "денежным мешком", что никак не свидетельствует о популярности. Евреи так же традиционно считают Иосифа Флавия (помимо его деятельности как одного из создателей исторической науки) не более, чем обыкновенным предателем, хотя

в обстановке Великого восстания он был, насколько мне известно, одним из немногих влиятельных деятелей, пытавшихся реально предотвратить неминуемую гибель еврейской государственности. Что же делать — они не были героями, предпочитали синицу в руках журавлю в небе и не желали (не знаю, можно ли это перевести с русского) лезть на рожон. Все это верно.

И тем не менее любому народу, израильскому народу в том числе, нужны герои не в меньшей степени, чем прагматические и разумные руководители. Приходя в отчаяние, народ выстоять не в состоянии. Все усилия Флавия, как известно, были напрасны, потому что он предлагал компромиссы, оказавшиеся для захватчиков недостаточными, а для народа чрезмерными. Героев освободительной войны он объявлял разбойниками и предлагал евреям во всем учиться у римлян. Ни один народ не способен принять такой точки зрения. Или он ее отвергнет с презрением или, убедившись в своей неполноценности, потеряет возможность питать национальное государство плодами своего духовного развития.

Развенчание в израильской прессе и литературе героев истории государства, его основателей сейчас производится лихорадочно, с огромным энтузиазмом и упорством, достойными иного применения. Результаты такого тотального переосмотра национальной истории несомненно принесут весьма горькие плоды.

Почему светская власть всегда противопоставлена духовной? Вопрос, который я не решаюсь здесь серьезно рассматривать, не являясь специалистом. Я, однако, живой свидетель того, как в России духовенство, едва освободившись от оков, наложенных на церковь партийной диктатурой, немедленно выдвинуло самые дикие и опасные для русской государственности идеи, спекулируя национальными ценностями, опираясь на миллионы невежественных и не имеющих достоверного представления о существовании вероучения людей. И тут же был выдвинут харизматический лидер, человек, энергичный, талантливый и совершенно бессовестный, я имею в виду (не тем будь помянут) покойного митрополита Иоанна. Он сформулировал поистине дьявольский лозунг, который с энтузиазмом подхватили тысячи рядовых священников на местах: "Не православный христианин — не может считаться русским". Не слышится ли Вам ничего знакомого в этой популистской формулировке?

Боюсь, что Ваши надежды, что религиозные ортодоксы добровольно, по зрелом размышлении, оставят борьбу за власть и, наконец, займутся духовным воспитанием народа — опасная и беспочвенная иллюзия. Никогда и ни в каких конкретных исторических условиях духовенство не смирится с необходимостью делить власть с кем бы то ни было. Нынешнее положение дел в Израиле, кажется, чревато возникновением и укреплением здесь идеи религиозного фундаментализма, который в 1979 году аятолла Хомейни четко определил как "возвращение к истокам". Возвращение к истокам — есть классическая характеристика умирания живого организма. В данном случае речь идет о насильственной остановке живого общественного развития, что и происходит в большинстве исламских стран — не поэтому ли исламский мир так опасен в наши дни? Евреям ли учиться у своих соседей фанатизму и мракобесию? К сожалению, несмотря на

то, что национальная религия несомненно представляет собою одну из важнейших культурных ценностей народа, мир между верующими и неверующими необходимо установить с помощью железного законодательства, не оставляющего духовенству никаких возможностей протянуть руку к власти.

Палестинцы и другие исламские народы Центральной и Передней Азии, вследствие тягчайших исторических причин, ведут борьбу за тиранию против демократических установлений — демократия ведь никогда не приходит к тирании с миром. "Демократия приходит в раскатах грома" (Б. Франклин). Хочется думать, что именно таким громом прозвучало на Ближнем Востоке образование еврейского государства. За свободу рабов всегда приходится сражаться с рабами, которые отстаивают свое привычное рабство до последней возможности. Отстаивать свободу и демократические принципы и установления на Ближнем Востоке, в самом сердце тирании, отстаивать их в непрерывной наступательной борьбе, политической, экономической и военной, для израильских евреев — это к добру или ко злу? Думается, к добру, поскольку не дает евреям диаспоры, оказавшись в Азии, окончательно раствориться в темном хаосе Востока, вернуться в первобытное состояние, заново стать бедуинами, как наши далекие предки, и забыть великие свершения, непрерывное кипение мысли с победами и поражениями, с триумфами и разочарованиями — великое прошлое, проведенное на широком поле мировой истории со всеми вытекающими отсюда для простого человека мучительными последствиями.

Тот блестящий и беспощадный анализ полувековой истории еврейского государства, который Вы произвели в своих статьях, в моем восприятии совершенно не предусматривает неожиданно безысходных выводов, которые Вами сделаны.

После победы в Шестидневной войне Израиль действительно утратил преимущество слабого, который волен защищаться любыми средствами, и с тех пор еврейское государство несет всю ответственность сильного, который ограничен в своих поступках нравственными нормами современной цивилизации. Но сама по себе подобная утрата — разве не есть великое достижение?

Действительно, к началу Войны Судного дня оказалось, что руководство страны к такой новой постановке вопроса не готово, и положение это сохраняется, судя по всему, по сей день. Действительно, государственный аппарат в целом утратил необходимый динамизм, политические лидеры забыли, как руководство демократического общества обращается к самодержавному народу с тем, чтобы верно выполнить его волю. Коррупция на всех административных уровнях, низкое качество управления, падение авторитета профессиональной квалификации во всех областях государственной деятельности — все это результат "головокружения от успехов", если уместно здесь употребить известное выражение И. Сталина. Естественно, что такое головокружение значительно усилилось при первой же неудаче. Головокружение, однако, вовсе не смертельно. Человеку, у которого голова закружилась, иногда достаточно выпить стакан холодной воды или принять душ, чтобы привести себя в порядок. Конечно, мил-

лионам граждан и в особенности тем, кто стоит во главе миллионов, очнуться не так просто. Необходима четко сформулированная общественно-политическая концепция, основанная на кардинально новых принципах. Не прежних, тем или иным образом реконструированных, а именно новых — историческое развитие никогда не поворачивает вспять. Для того, чтобы в стране возникло влиятельное политическое движение или партия, способная объединить народ во имя обретения утраченных в прошлом твердых позиций, как ни странно, поворачивать к прошлому нельзя. Следует двигаться вперед, видеть возможности для возрождения не в прошлом, а в будущем. В прошлом был галут и необходимость и возможность выживать, находясь постоянно в глухой обороне. В будущем мне видится демократическое государство, атакующее конгломерат тиранических режимов. Такое государство не может обороняться — демократия всегда наступает. Если демократия обороняется, как это происходило в России после Февральской революции, тирания легко одерживает победу, как это случилось в ходе Октябрьского переворота.

Вы написали: "Для того, чтобы защитить наших детей в "Дельфинарии", нужно укрепить стены "Версаля". Великолепно! Но почему сделать этого нельзя? — Вы не пишете об этом. Между тем, если говорить о строительстве — это достаточно простая задача. Если речь идет о политике — все не так просто, но вполне выполнимо при наличии направленной воли. Почему следует переходить к обороне вследствие нескольких политических и военных неудач? Не ясно.

Вы затронули вопрос о поисках союзников среди палестинских арабов. Поскольку я два с лишним года работал с этими людьми в достаточно тяжелых условиях, мне кажется, могу судить об их настроениях — разумеется, я имею в виду людей простого и чистого труда, рабочих. Материально большинство из них заинтересовано в израильском суверенитете, Израиль дает им работу, дороже которой для рабочего нет ничего. Ни одно арабское государство, в том числе и гипотетическое палестинское, им работы не даст. Многие, однако, находятся под влиянием обскурантизма, преподносимого политическими спекулянтами в привлекательной национально-религиозной упаковке, а другие просто запуганы террористами. Между тем, у меня сложилось впечатление, что образовать независимое государство палестинских арабов на "территориях" совершенно невозможно ни на каких основаниях вообще. К этому нет никаких реальных предпосылок. Нет материальных средств и нет самого важного — общенародного стремления к независимости. Последнее я извлек, как уже было упомянуто, из своего общения с палестинцами на производстве, и я уверен в надежности и достоверности такого источника информации. Отработав у конвейера шестнадцать часов, невольно говоришь правду тому, кто стоял с тобой рядом в эти часы, он тебе ближе родного брата. Что же касается ликования по поводу зверских акций террористов, вернее всего это ликование легко режиссируется прицелами братских автоматов Калашникова. Я не уверен, но подозреваю, что вся затея с ООП — просто результат усилий некоторых влиятельных финансовых объединений криминального характера, заинтересованных в

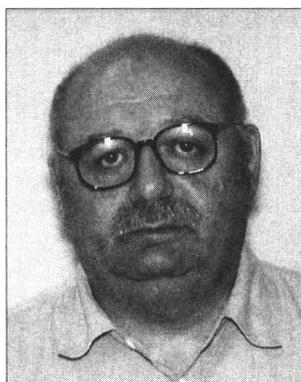
ходе вялотекущей войны в регионе, которая позволяет извлекать колоссальные прибыли из подобного положения.

Израильские евреи в свою очередь подвержены влиянию совершенно ложной идеи несовместимости двух народов в рамках единого еврейского государства. Мертвая идеология подавляет живой и естественный здравый смысл. Единственное на Ближнем Востоке государство, обеспечивающее права человека, правильно организованное в административном отношении и жизнеспособное в непростых современных условиях, создано евреями — никому, однако, не возбраняется жить и трудиться в пределах еврейского государства, следуя его законам и установлениям, а менее всего это противопоказано народу, родственному по языку, имеющему общие с евреями исторические корни. Что касается граждан, вне зависимости от их национальности и вероисповедания, тем ли иным образом причастных к террору, то по отношению к ним вполне естественна в сложившихся условиях политика жесточайших репрессий. Трудно писать об этом, но среди тех, кто так или иначе заинтересован в сохранении нынешнего противостояния, вероятно, обнаружатся отнюдь не только арабские имена.

Если подобную позицию серьезно обосновать, разработать и обращаться к евреям и к арабам одновременно — не с позиций идеологии, а с позиций здравого смысла, понятных каждому простому человеку, найти союзников среди палестинцев будет возможно. Для этого просто необходим печатный орган на двух языках и несколько человек, владеющих искусством публицистики. Вы совершенно правы: "За тридцать лет оккупации мы этого не пробовали. Попробуем хотя бы теперь".

Мне не кажется серьезной опасностью демографического вытеснения евреев арабами. Какой процент от общего населения Римской империи составляли уроженцы Лация? Пока они превалировали интеллектуально, огромная многонациональная территория подчинялась им. Они утратили интеллектуальное превосходство — империя распалась. До сих пор евреи интеллектуально превалировали повсюду, куда бы они не являлись. Если мы на Ближнем Востоке на это не способны, — нам и делать здесь нечего.

А. Шарон в своем новогоднем интервью для русскоязычной программы радио "Рэка" на вопрос журналиста о том, кто придет на смену ему и Ш. Пересу, поскольку они оба являются последними из могикан в израильской политической жизни прошлого, ответил очень неопределенно, он сказал, что народ выдвинет новых лидеров. Кто эти лидеры? — Я хотел бы Вам задать этот вопрос. Я спрашиваю Вас об этом как журналист, как оле хадаш, как израильский гражданин и просто как еврей.

Леонид Наткович (1946) — экономист, публицист. Родился в Москве. В Израиле с 1973 г. Автор многочисленных статей, памфлетов и фельетонов о проблемах израильской политики и экономики. Печатался в изданиях "Наша страна", "Круг", "22", "Джерузалем Пост" и др. Живет в Ганей-Авиве.

Леонид Наткович

СИОНИЗМ И ИЗРАИЛЬ

(О письме Михаила Пробатова)

Сборник статей Яакова Хисдая о проблемах израильской общественно-политической жизни и отклик на нее российского журналиста Михаила Пробатова объединяет тревога за судьбы Израиля и его официальной идеологии — сионизма. Пробатов справедливо подметил общность исторических судеб Израиля и России и особенно идеологическую общность — сионизм и "русский коммунизм" возникли почти одновременно, на рубеже веков, оба претендовали на основополагающую роль в руководстве обществом, и оба испустили дух через девяносто лет после своего создания. Но разница между советским коммунизмом и израильским сионизмом состояла в том, что первый скончался по причине экономической несостоятельности, а второй благополучно осуществился, исполнив свои главные теоретические предначертания — создание государства и концентрацию на его территории значительной части еврейства (хотелось всех, да все не захотели), и в дальнейшем существовании сионизма просто не стало необходимости. Но и в России, и в Израиле наблюдалось общее явление — народ не хотел отказаться от любимой идеологии (я не знаю, где Пробатов узрел, что "большинством населения Эрец Исраэль идеология сионизма отвергнута"); в России по-прежнему большинство населения жаждет коммунизма (Ирина Хакамада в свое время мудро сказала: "Мы правящая оппозиция"), а израильское общество не желает признать, что борьба за Эрец Исраэль закончена, что наступил заключительный этап сионизма: определение окончательных границ Израиля на основе разделения Палестины по этническому признаку.

Понятие "любимая идеология" означает, что каждый народ выбирает себе ту систему общественных взглядов и отношений, которая соответствует его национальному характеру, формируемому историей. Склонность и симпатии русского народа к коммунизму во многом определялись прискорбными фактами русской истории — изоляцией от Запада и добровольным подчинением татаро-монголам,

у которых не было понятия собственности и товарно-денежных отношений. В этом причина триумфа коммунизма в русском сознании, а не в еврейской злонамеренности с целью уничтожения России и всего русского, о чем с упоительной непосредственностью рассуждали и рассуждают русские национальные мыслители от Достоевского до Проханова и Солженицына.

Михаил Пробатов точно подметил, что и в России, и в Израиле правители агрессивно-непримиримого характера, ввергавшие свою страну в бедствия и оставлявшие после себя руины, более сохраняются в благодарной народной памяти, нежели умеренные и мудрые деятели, и это правило характерно для многих народов в период подъема их пассионарности или, проще говоря, при очередной вспышке всенародного безумия. Русские по-прежнему обожают Ленина и Сталина, и возвращение к власти коммунистов, возможно, в иной ипостаси, лишь вопрос времени. Недаром российское телевидение без всякого стеснения приглашает на вполне респектабельные передачи такие фигуры, как Проханов и Лимонов (надо думать, Проханова перед съемкой долго уговаривают не клясть с экрана евреев). Известно, что при опросе в Германии в 1947 году семьдесят процентов немцев назвало величайшим деятелем германской истории Гитлера. Для народов пассионарного склада национальный престиж, величие, сила значат гораздо больше, чем нормальное человеческое благополучие, и они готовы от него отказаться ради абстрактной и величественной цели. Безусловно, и русские, и евреи относятся к таким народам. Сожаления Пробатова о дегероизации израильской литературы и ее недостаточном патриотизме — это чисто советский рецидив. Искусство и литература всегда должны быть в некоторой оппозиции к власти, особенно к власти, имеющей склонность к деспотизму, и то, что израильские литература и искусство не создали своих Пырьевых и не воспевают героев сионизма (о чем горько сожалеет Пробатов), дает некоторую надежду на сохранение в будущем либерально-демократического характера Израиля.

Далее Пробатов пишет: "Отстаивать свободу и демократические принципы на Ближнем Востоке, в самом сердце тирании, отстаивать их в непрерывной наступательной борьбе, политической, экономической и военной, для израильских евреев — это к добру или ко злу? Думается, к добру..."

И еще: "...В будущем мне видится демократическое государство, атакующее конгломерат тиранических режимов".

Пассажи, мягко говоря, спорные. Даже если оставить в стороне сомнительность израильской демократии, государство, непрерывно атакующее своих соседей по причине их недемократичности, вряд ли надолго сохранит свою демократию. Да и мировой опыт неоднократно демонстрировал несостоятельность подобной концепции. И Вьетнам, и Ирак показали, что каждый народ приходит или не приходит к демократическим формам жизни соответственно своему национальному укладу, и насильно ему ничего навязать нельзя. Трава не станет расти быстрее, если ее тянуть из земли руками. Войну с соседними странами можно оправдать лишь реальной угрозой, от этих стран исходящей, и военное и экономическое превосходство сами по себе не должны быть причиной для насильственного обустройства иных государств и народов. Джордж Буш вряд ли

это понимает по причине общей интеллектуальной недостаточности, но его неизбежное поражение в Ираке приведет, вероятно, к избранию нового президента, который, надеюсь, вернет США в русло демократии и либерализма.

Идею о необходимости насильственной демократизации окружающих нас арабских государств, без которой переговоры с ними не имеют смысла, еще до Пробатова выдвинул Натан Щаранский, и идея эта была с энтузиазмом подхвачена израильскими национал-патриотами. Думается, они менее всего заинтересованы в демократизации соседних стран; они видят в этом просто еще один предлог для отсрочки неизбежного создания палестинского государства и возможность продолжать бессмысленную оккупацию и строить поселения, героически перенося постоянные удары шахидов.

Приведенный Пробатовым пример русской революции, которая якобы произошла от неумения демократии наступать, говорит о непонимании закономерностей и тенденций русской истории. Причины русской революции исследованы в трудах историков Ричарда Пайпса и Алена Безансона, и нерешительность Керенского или злонамеренные таланты Ленина и Троцкого никак не могли изменить соотношения сил: русскую революцию и последовавшее за ней установление режима жесточайшей тоталитарной диктатуры поддержало подавляющее большинство русского народа.

Корни израильских проблем также произрастают из особенностей еврейского национального характера. Когда Яков Хисдай приводит в своей книге множество примеров циничной коррупции, лжи и обмана, безответственности и разгильдяйства в израильском обществе, он не замечает отличия израильского общества, именующего себя демократическим, от западного. А отличие это в том, что на Западе политик, проявивший личную некомпетентность или уступки коррупции, немедленно заканчивает политическую карьеру вследствие волны народного недовольства, адресатом которой является также и его партия. В Израиле ничего подобного не происходит по двум причинам. Первая — еврейский национальный релятивизм, приводящий к разрыву между общественным мнением и властью. И вторая — насмешливо-ироническое отношение общества к политике и политикам, которые, по "мнению народного", одним мирром мазаны и в принципе ничем друг от друга не отличаются. Или, как говорила моя бабушка, "все они гавны!".

Израильское издание демократии отличается от общепринятого тем, что в еврейском общественном и историческом сознании правда и ложь не являются абсолютными противоположностями и к морали отношения не имеют. Морально то, что соответствует указаниям Торы. Известна притча, в которой сконцентрирован нравственный релятивизм иудаизма: двое спорящих с противоположными аргументами приходят к ребе, и он им заявляет, что они оба правы. А на упрек жены, что его вердикт абсурден и нелогичен, отвечает, что и она права. В этом остроумном ответе ребе проявляется та сторона философии иудаизма, о которой писал Отто Вейнингер: еврей не антиморален, он внеморален. Поэтому политик, будь он даже не слишком умен или не чист на руку, не вызывает отрицательной реакции народа, чьи критерии на выборах иные.

Наилучший тому пример — успех и популярность в народе двух политиков: Бегина и Шарона. Бегин восемь раз проигрывал парламентские выборы, что совершенно не влияло на его положение лидера партии и оппозиции. (Быть может, кто-нибудь приведет аналогичный пример в любой демократической стране?), а победив в 1977 году, сделал поворот на 180° и продолжал политику предыдущего правительства, назначив министром иностранных дел Моше Даяна, чей рейтинг в народе упал до нуля вследствие профессиональной некомпетентности. А затем распорядился освободить из тюрьмы Бен-Циона — крупнейшего вора в израильской истории, укравшего 50 млн. долларов из возглавлявшегося им банка, и не стал опровергать утверждения прессы, что это беспрецедентное помилование вызвано взносами вора в кассу Ликуда. (Технически "помилование" было организовано путем создания "медицинской комиссии", установившей, что Бен-Циону осталось жить не более двух месяцев и надо проявить милосердие. Милосердие было проявлено, и Бен-Цион немедленно вылетел на свою виллу в Швейцарии, где и жил в добром здравии по меньшей мере 15 лет после помилования.)

Политическая карьера Шарона напоминает карьеру дона Рэбы из "Трудно быть богом" Стругацких, популярность которого в народе росла прямо пропорционально неудачам, ошибкам и поражениям. И тем не менее народ любит "нашего Арика", подобно тому как народ Арканара знал, что "король по обыкновению светел, а орел наш дон Рэба стоит на страже". Орел наш Арик особенно популярен как "борец с террором", в котором собаку съел (естественно, кошерную), но последняя интифада, зажженная не без его участия и унесшая уже около тысячи израильских жизней (больше, чем им же организованная Ливанская война) постоянно подогревается "ударами возмездия", которые по его приказу усиливаются, когда интифада затихает, дабы не дать ей погаснуть.

Израильско-арабский конфликт давно мог бы быть завершен, если бы израильтяне этого захотели. Для этого им необходимо установить четкие границы, на которые Израиль имеет право по этническому признаку, и добровольно отказаться от всего лишнего, как это происходит у гоев. Но еврейский менталитет с трудом мирится с принципом границы. Израиль — единственная страна в мире, которая не признает своих собственных границ. Никто в мире, в том числе и палестинцы, не может понять, каковы территориальные требования Израиля в многолетних переговорах с палестинцами, при том, что все мирные предложения посредников Израиль сходу и безоговорочно отвергает, не выдвигая ответных предложений и не пытаясь осуществить свои национальные чаяния в одностороннем порядке, воспользовавшись своим военным превосходством.

Возвращаясь к письму Пробатова, следует отметить, что он усматривает общность между Израилем и СССР совсем не там, где она есть в действительности. Подобные экскурсы в русскую историю и описание смутного времени не имеют никакого отношения к Израилю, поскольку в Израиле не только никогда не было ослабления или распада государственной власти, но, наоборот, государственная власть всегда оставалась настолько сильна (независимо от смены партий), настолько нечувствительна и равнодушна к слабому общест-

венному мнению, что можно говорить о недемократической сущности израильского общественного строя.

Современная демократия основана на двух принципах: отсутствии обязательной государственной идеологии и примате судебной власти над исполнительной и законодательной. Обоим этим требованиям Израиль не удовлетворяет. В Израиле целых две официальные идеологии: иудаизм и сионизм. При неотделении религии от государства власть религии над обществом практически безгранична: запрет общественного транспорта по субботам и праздникам, ограничения в пище и необходимость содержать огромную армию служителей Торы — ортодоксов, запреты на нерелигиозные общественные обряды и т.п. В области юридической с момента создания государства и по сей день действует "закон о чрезвычайном положении", при введении которого отменяются все гражданские права и юридические гарантии и исполнительная власть ставится выше судебной и законодательной. Необходимость такого закона объясняется "вражеским окружением" и "требованиями безопасности". Хотя в результате изменения соотношения сил и политического процесса угроза безопасности Израиля заметно уменьшилась, отменять этот закон не только никто не собирается, но и в обществе не слышно разговоров о необходимости установления нормальной власти закона и соблюдении прав человека. Подобная юридическая система вызывает воспоминания о тоталитарных режимах XX века, где "органы" обладали абсолютной властью, и необходимость этой власти обосновывалась тем же "вражеским окружением" и "угрозой безопасности стране снаружи и изнутри". В отличие от демократических стран, где "органы госбезопасности" подчиняются министерству юстиции и контролируются парламентом, в Израиле "органы" подчиняются только премьер-министру и не контролируются судебной властью, что создает возможность любого произвола. Наилучший тому пример — судьба профессора Клингера, который исчез в Израиле по дороге в аэропорт и обнаружился только через 15 лет, когда его досрочно выпустили из израильской тюрьмы, где он под чужим именем сидел за шпионаж.

Конечно, никто не оправдывает шпиона Клингера (хотя на секретном и закрытом судебном процессе доказать можно все, что угодно), но в какой демократической стране человек может просто исчезнуть и быть заживо похоронен на многие годы без права переписки и связи с семьей? И сколько еще таких клингеров отбывают заключение в тайных израильских тюрьмах? То, что дело Клингера не вызвало никакого интереса у "защитников прав человека" и вообще у журналистов и политиков, еще раз подчеркивает релятивизм еврейской ментальности и прискорбное сочетание демократического фасада Израиля с его тоталитарной сущностью.

Рассуждения Пробатова об утрате национальной культуры в условиях национального государства огорчают своей банальностью и некомпетентностью. Израильская национальная культура развивается не в "Эрец Исраэль", а в государстве Израиль, и не тридцать лет, а по крайней мере пятьдесят пять лет существования Израиля. Термин "Эрец Исраэль" употребляют в настоящее время лишь национально-религиозные фанатики, не желающие установления никаких окон-

чательных границ "государства Израиль" и рассматривающие, не считаясь с экономическими и международными реалиями, сионизм как идеологию бесконечной территориальной экспансии. Менее всего израильскому обществу следует стыдиться создаваемой на иврите национальной культуры. Израильские прозаики, поэты, кинорежиссеры известны всему миру. Но сила израильской культуры прежде всего в ее отрыве от ортодоксального местечкового галута и в отчуждении от древнееврейской традиции "неукротимого национального характера воинов и пророков", как пишет Пробатов. Израильская культура основывается на идеях гражданского, либерального общества, и потому крупнейшие ее деятели находятся в невольной оппозиции к агрессивно-фанатичному истеблишменту (Амос Оз, А.Б. Иеошуа, Аси Даян, Яффа Яркони, недавно подвергнутая травле и бойкоту за невинное замечание в пользу арестованных палестинцев).

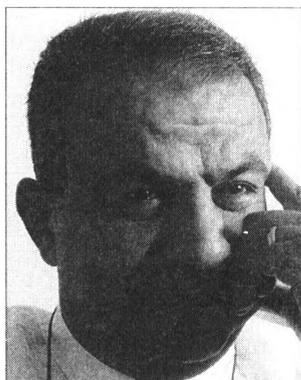
Весьма спорны утверждения Пробатова о том, что "большинство евреев всегда будут продолжать жить в галуте" и что "никакой поголовной ассимиляции не происходит". Увы, ассимиляция происходит, и довольно быстрыми темпами, число смешанных браков стремительно растет, и это естественный и необратимый процесс. (Эта тенденция характерна и для Израиля, где только сохранение власти Торы и ортодоксально-религиозная ориентация политической власти препятствуют превращению евреев в израильтян.) Так же происходит ассимиляция цыган, татар и других народов, не имеющих собственной государственности, и этот естественный процесс нельзя ни остановить, ни ускорить. Массовая алия в Израиль из СНГ и недавняя из Аргентины объясняется отнюдь не "пробуждением еврейского сознания", а прозаической разницей в жизненном уровне. Если бы не нацизм, ассимиляция шла бы гораздо более быстрыми темпами; известно, что Альберт Эйнштейн не возражал против крещения своих сыновей, и вряд ли потомки его старшего сына Ганса-Альберта считают себя евреями. Ассимиляция — процесс медленный, но необратимый. Вряд ли можно согласиться с Пробатовым, что "не ассимилируется великая нация евреев, гениальные представители которой стоят у истоков едва ли не каждого мыслительного движения в ходе развития цивилизации". Если г-н Пробатов рассмотрит каждого из этих "гениальных представителей", он с горечью отметит, что все они находились на пути к ассимиляции, а их потомки давно уже не считают себя евреями (кроме отдельных исключений, лишь подтверждающих правило, вроде правнука Троцкого, который, приехав в Израиль, немедленно надел вязаную кипу и поселился на так называемых "территориях", где воюет с арабами за Эрец-Исраэль).

Пожалуй, единственная неудача сионизма — поражение при попытке создать новую нацию: израильтян, в корне отличных от евреев галута. Очень точно сказал Шимон Перес: "Евреи победили израильтян". Основатели сионизма — Герцль, Жаботинский, Бен-Гурион, Вейцман, Голда Меир, — относясь к религии с поверхностным уважением, не соблюдали никаких религиозных обрядов и церемоний и нисколько этого не стеснялись. Сионизм возник как светское движение; большинство религиозных евреев относилось к нему враждебно и в строительстве еврейского государства участия не принимало. Израиль строился как либерально-демократическое общество, где религия играла такую же роль, как в

Европе и США. Сейчас все повернулось на 180° — Ариэль Шарон в сфере безопасности, экономики и внешней политики может творить все что угодно, без всякого ущерба для своей популярности, но если бы он приехал на машине в субботу в некошерный ресторан, его карьере пришел бы конец. Сегодня 20% населения страны — ультраортодоксы, которые в большинстве своем не работают, не служат в армии и не признают "сионистское" государство, а остающиеся 80% согласны их содержать ради "Торы, без которой мы как государство и народ не сможем существовать". Ныне можно сказать, что сионизм — это еврейская власть плюс иешивизация всей страны! Хотя по стране пока не ходят "патрули кошерности" в кожаных лапсердаках и с маузерами в деревянных кобурах, проверяющие в квартирах содержимое холодильников и видеокассет, — учитывая демографические тенденции в еврейской среде, такое будущее Израиля вполне представимо.

Отсюда — неразрешимый вопрос нашего политического бытия: может ли быть Израиль одновременно еврейским и демократическим? Жизнь дает на это ответ. Израиль — страна еврейская, но поскольку в окружающем израильское гетто мире бушует демократия, отказываться от нее формально нам негоже. Но демократия наша основывается на релятивизме Торы: народ может говорить все, что хочет, а руководство будет делать то, что считает нужным. И, как говорил мудрый ребе, все будут правы.

Пробатов, поработав два с половиной года с палестинскими арабами, точно подметил, что они не хотят своего государства, а предпочли бы интегрироваться в Израиль. Возможно, по этой же причине Арафат, чувствуя настроения своего народа, отклонил щедрые предложения Барака. К сожалению, реально мыслящим израильским центристам (Шимон Перес, Амос Оз, проф. Амнос Софер), понимающим, что Израиль сможет существовать, только безусловно избавившись от территорий вместе с их населением, противостоят орды национал-патриотов, видящих "Эрец Исраэль" от моря до моря или даже от Нила до Евфрата, а одновременно с ними миллионы палестинцев, грезящих об израильской жирной колбасе и социальных льготах, которыми пользуются их собратья — израильские арабы. Эти же взгляды разделяет и Пробатов, совершенно не думая о катастрофических для Израиля последствиях присоединения миллионов арабов-палестинцев, после чего Израиль превратится в Ливан или Северную Ирландию (в самом лучшем случае). Пробатов не видит опасности в демографическом вытеснении евреев арабами, уповая на интеллектуальное превосходство евреев. Думаю, что арабы быстро нейтрализуют это сомнительное превосходство, учитывая, увы, деградацию евреев в Израиле, после чего о существовании Израиля можно будет забыть. Израильское агрессивно-патриотическое большинство (и Пробатов иже с ним) в радостном упоении рубит сук, на котором сидит, не обращая внимания на убедительные предупреждения проф. Амнона Софера о грозящей Израилю катастрофе в случае его превращения в двунациональное государство. Палестинское государство должно быть создано самим Израилем ради собственного выживания и без всякой оглядки на желание или нежелание палестинских арабов, от которых нам надлежит отгородиться железной стеной.

Назир Маджли (1951) — журналист, общественный деятель. В прошлом — главный редактор газеты "Эль-Итихад", органа компартии Израиля. В настоящее время — политический комментатор газеты "Эль-Шарк Эль-Аусат", выходящей на английском языке в Лондоне.

Назир Маджли

НЕ ТОЛЬКО ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ*

Начинать разговор об израильских арабах именно с Египта — это граничит с абсурдом. Но ведь примерно так же мы смотрим на огонь: мы немного отодвигаемся, чтобы не обжечься, и глядим на него со стороны. И именно там, в Египте, мне пришлось отвечать на заданный мне вопрос, исчерпывающего ответа на который нет и сегодня: кто вы и что вы такое, израильские арабы?

Египтянин, сформулировавший этот вопрос и требовавший ответа на него, был выдающимся писателем и философом. Но тот же самый вопрос задавали мне и простые люди: полицейский в аэропорту, водитель такси, владелец кафе, где курят наргилу, служащий гостиницы, парень из Ливана, которого я повстречал в любимом народом ресторане Нагиба Махфуза на рынке Сайдна Эль-Хусейн, секретарша генерального директора Лиги арабских стран, с которой я провел минут десять в приемной — кто только его не задавал?

Меня спрашивали, араб ли я вообще. Они не верили что в Израиле есть арабы. Один из них поверил мне наконец, и спросил:

"Если так, то ты типа еврейского араба?"

Я вернулся оттуда огорченным и встревоженным. Неужели страна у Нила, так любимая нами, совершенно ничего о нас не знает? Ведь для нас она — обычное арабское государство, а один из источников нашей национальной гордости. И не только из-за пирамид, или Салах Ад-Дина, или мечети Эль-Азар; Египет был для нас второй Меккой — благодаря Гамалю Абдель Насеру. Мы любили его, преклонялись перед ним. Для нас, арабских патриотов, он олицетворял

* Статья опубликована на иврите в журнале מאי - יוני 2003.

собой истинное национальное руководство. Он не боялся ни Израиля, ни США; это он освободил свой народ от жестокого британского правления и возглавил национальную арабскую революцию, в результате которой были освобождены Ирак, Йемен, Алжир, Судан и Ливия, он национализировал Суэцкий канал, а главное — озаботился проблемой палестинского народа и сделал Египет домом для лидеров Организации Освобождения Палестины (ООП).

Даже когда Абдель Насер потерпел поражение и привел египетский и весь арабский народ к величайшему в его истории краху в Шестидневной войне, ему удалось превратить гнев в любовь. Он повел себя как демократический лидер и подал в отставку. Это был прецедент для арабского мира. У нас власть имущие покидают свой пост только когда они умирают естественной смертью или когда их убивают. Поэтому мы еще больше полюбили его, и когда египетские массы вышли на улицы и попросили его отменить свое решение, мы были всем сердцем с ними и радовались, когда он передумал.

А когда он скончался от сердечного приступа в 1971 году, мы плакали, и в Назарете прошло траурное шествие при участии 15 тыс. человек. Как нам хотелось поехать в Каир, чтобы посетить его могилу и выразить благодарность ему! Ведь он умер из-за палестинского дела: в те дни в Египте проходила встреча арабских лидеров, целью которой было разрешение конфликта между Иорданией и ООП, прекращение огня между ними. Он не спал трое суток и не выдержал напряжения, потеряв сознание в аэропорту, после того, как проводил всех королей и президентов, принявших участие во встрече.

Анвара Садата, занявшего его пост, мы не любили. Мы не могли любить никакого лидера, сменившего Насера. А когда Садат посетил Израиль, мы буквально возненавидели его. Мы считали, что он таким образом предает арабский народ и палестинское дело, а когда мирный договор был подписан, мы бойкотировали Египет, как и большинство остальных арабских патриотов.

Лишь потом мы поняли, насколько глупой была идея бойкота, так же как и преклонение, слепое следование за лидером, но было уже поздно, потому что Садата убили исламские террористы — угрозу, которую они несли будущему наших детей, мы проглядели. И невозможно было попросить у него прощения.

Встречи, дискуссии, ностальгия

Вообще-то нас не знали не только египтяне. Когда мы сталкивались с сирийскими, ливанскими или ливийскими арабами в Восточной Европе, они поворачивались к нам спиной. Не хотели с нами разговаривать. Некоторые не стеснялись говорить: "Вы сионистские агенты". Мы часто спорили с ними, спрашивали: "Неужели решение остаться на родине — это что-то позорное?". Только палестинцы, с которыми мы встречались, признавали и понимали нас. Отношения с ними были особенно теплыми. Почти все они были готовы контактировать с нами.

Но эти встречи были запрещены законом до соглашений Осло (1993). Израильянин, встречавшийся с палестинцем, членом ООП (а кто им не был?) нарушал закон о борьбе с террором. По этому закону мне было запрещено встре-

чатся с членами Фатха или Народного Фронта, в том числе и с моими родственниками, принадлежавшими к этим организациям, например, с моими кузенами и детьми сестры. Разве можно соблюдать такой закон? Конечно, у меня было с ними много встреч, споров, общих воспоминаний.

Только незначительная часть палестинцев отказывалась вступать с нами в контакты и обвиняла нас в поддержке сионистского врага. Сначала это вызывало гнев. С одной стороны, в Израиле ты считаешься чужим, тебя изолируют; с другой стороны, ты оказываешься отчужден от твоего же народа. Но со временем мы привыкли и сжились с этим парадоксом. А потом настроения среди арабов изменились, они признали нас. Степень их уважения к нам даже стала излишне высокой, особенно в семидесятые. Наши поэты заняли ведущие позиции в арабском мире. Махмуд Дервиш, Самих Эль-Касем, Туфик Зияд и Салим Джубран стали знаменитостями в мире поэзии. На некоторые их стихотворения были сочинены мелодии, их исполняли популярнейшие певцы.

Прозаики Эмиль Хабиби, Мухаммад Али Таха и другие тоже удостоились высоких похвал за написанные ими произведения.

Наши политики обрели статус национальных героев в арабском мире. Их не принято было критиковать, не обращалось внимание на их недостатки и ошибки, а в последнее время, в эру спутникового телевидения, их превратили в звезды.

Как мне хочется крикнуть: пожалейте нас и избавьте от такой любви! Потому что в конечном счете мы от нее и страдаем. Ведь литературу отсутствие критики приводит к окаменению, а политика без критического взгляда может принять самоубийственный оборот. Не случайно наши политики теперь соревнуются между собой в грубом национализме.

Евреи нас не знают

К моему великому сожалению, ситуация в Израиле в этом плане тоже неблагоприятна. С арабским миром здесь не знакомы. К нему не проявляется подлинный интерес, и даже когда он есть, нет подходящих путей и возможностей узнать что-нибудь о другой стороне. Кроме государственных и военных барьеров существует еще и языковой.

То же и с израильскими арабами. Евреи нас не знают. Часть из них и знать не хотят, в лучшем случае держатся от нас подальше. И если все так продолжится, недалек тот день, когда мы услышим об еще одном заборе — внутри страны, между евреями и арабами. Особенно когда среди нас растут силы, требующие автономии. Покамест речь идет о культурной автономии, но я не удивлюсь, если они потребуют и политическую, и найдут поддержку этой идее и в еврейском секторе.

А если и этого не достаточно, то я добавлю: и мы не знали самих себя, как и других. Мы лишь как бы знаем самих себя, а может быть и существуем-то — как бы.

А теперь — разрешите и моей личной истории излиться на бумагу, ибо ничто не может так "подсветить" коллективный нарратив, как личное свидетельство.

Семья в Сирии: пятьдесят лет страданий

Я появился на свет в Назарете 51 год назад. Мой отец — палестинец, родившийся в Бейт-Шеане, в семье бедуинов, которая поселилась в северной долине, около Сахне (ныне — Ган а-Шлоша). Он служил следопытом в британской полиции и сумел благодаря этому приобрести дом в городе. В 1948-м вся его семья, без исключения, бежала на восток, в Иорданию; даже три его дочери от первого брака, в ту пору маленькие девочки. Отец не смог удержать их дома, потому что был на работе. Там они остаются и по сей день.

Моя мать родилась в обеспеченной сирийской семье, которая из-за моего отца обеднела и потеряла престиж. Он не хотел бежать и добровольно обратился к еврейскому начальнику полиции с просьбой оставить его на службе. Израилю тогда не хватало следопытов, и полиция согласилась. Когда об этом узнали сирийцы, они стали вредить семье матери. Мать не имела представления об их страданиях, потому что 53 года не видела своих родственников и ничего о них не слышала. Только два года назад, благодаря нескольким визитам израильских арабов в Дамаск, которые сумел организовать член кнессета Азми Башара, ей удалось встретиться там с семьей. Ее мечта, которая длилась более тысячи ночей, сбылась в одно мгновение. Лучше бы этого не произошло. За эти годы скончались многие дорогие ей люди — родители, бабушка с дедушкой, две сестры и брат, а двое других братьев ослепли. Их большой роскошный дом был продан, а оставшиеся члены семьи, переехав в Эль-Ярмук — палестинский лагерь беженцев недалеко от Дамаска. Вернувшись, она испытывала главным образом чувство вины. "Из-за меня вся моя семья мучилась пятьдесят лет", — сказала она нам.

Мать настаивала на том, чтобы мы помогли ее семье, потому что мы живем лучше, чем они. Тысяча-две долларов могут обеспечить там семью на целый год. Но связи вновь оборвались. Визиты, организованные членом кнессета Башарой, прекратились из-за расследований и судебных процессов. Скоро многие старики умрут, а с ними умрет и мечта о встрече с родными.

Семья в Иордании: пропасть между образами мышления

Мой отец скончался в 1971-м. Он не увиделся ни с одним из членов своей семьи с тех пор, как они бежали в 1948-м. Я же смог попасть в соседнее государство и навестить их всех, а после подписания мирного договора в Араве в 1995 г. мы встречаемся по нескольку раз в году, здесь и там. Когда я впервые увиделся со своей бабушкой в ее палатке, расположенной около лагеря беженцев Эль-Хусун, она сказала мне "шалом", единственное ивритское слово, которое она знала. Она думала, что я не говорю по-арабски, и поняв, насколько заблуждается, сказала: "Слава Богу". Бабушка спросила, нет ли у меня при себе фотографии отца. "Я забыла как он выглядит", — произнесла она и заплакала. Она умерла через несколько дней после этой встречи. Ее последние слова были: "Я благодарна Богу, давшему мне возможность перед смертью увидеть своего внука, сына Хамада".

Моим братьям не удалось навестить ни бабушку, ни мою тетю Хамду, все время проклинавшую евреев за то, что они разлучили ее с моим отцом, и скончавшуюся молодой. Сегодня из шести дядей у нас остался лишь один. Мы не знакомы со всеми из наших кузенов, а при встречах мы проводим много времени в спорах о том, что произошло. Часто я ощущаю пропасть между их и моим образом мышления, особенно в оценках Израиля; оттуда все видится только в черном свете.

Арабы — граждане Израиля

Судя по официальным ежегодным статистическим данным, в пределах признанных границ Израиля проживают более 1.2 миллиона арабов, которые составляют около 20 % населения. Однако это число не является точным, поскольку в него включены арабы Восточного Иерусалима, насчитывающие 210 тыс. человек, и жители Голанских высот — их 18 тыс. Большинство из них не получили гражданство, у них нет израильских паспортов, они не имеют права голоса на выборах в Кнессет.

Таким образом, количество израильских арабов не превышает миллиона человек — примерно 18 % населения. 78 % из них — мусульмане, 13 % — христиане, 9 % — грузы. Более половины арабского населения — это дети младше 15 лет, 70 % арабов моложе 17 лет. В Израиле — 2,2 миллиона детей (до 17 лет); 27 % из них — арабы (примерно 600 тыс.).

Фада, Утаф и Хатам

Так зовут моих трех сводных сестер. Их мать умерла еще до того, как отец женился на моей. Они тоже не видели его с тех пор, как бежали в 1948 году. После объятий при первой встрече они стали как одна проклинать отца, плача у меня на плече. Они были очень сердиты на него, обвиняли его в том, что он бросил их. Там, в Иордании, они не поступили в школу, не научились грамоте и вышли замуж за мужчин старше их на более чем десять лет. За это время их мужья умерли. Две из них живут в убогом лагере беженцев Эль-Хусун ("крепость"); название совершенно не соответствует его состоянию. Там нет даже канализации. Некоторые из их детей устроены, но в большинстве своем они безработные. Я утешаюсь тем, что все их дочери успешно учатся в школах, они не хотят стать такими, как их матери.

Я люблю Фаду, Утаф и Хатам, несмотря на то, что у меня есть еще четыре сестры. Может, это потому что я возлагаю на себя часть вины отца, не удержавшего их при себе. Но особенно меня сокрушает глубина пропасти, разделяющей нас. Мы живем в двух столь разных и далеких мирах — в плане мировоззрения, одежды, обычаев, жизненных условий, поведения в различных жизненных ситуациях и даже ментальности. Даже если настанет мир, даже если произойдет чудо и мы сможем воссоединиться и поселиться под одной крышей, нам не удастся жить вместе, стать по-настоящему близкими.

Друзы

С 1954 года ЦАХАЛ стал призывать в свои ряды молодых грузов (только мужского пола). Это нововведение было принято в результате совещания, которое провел тогдашний премьер-министр Давид Бен Гурион с 16 грузскими религиозными лидерами. Он убедил их согласиться с идеей обязательной службы в армии, заявив, что это предоставит грузам и церкесам полное равноправие.

Большинство молодых грузов (80%) служили в армии и были готовы выполнять там любые обязанности. 124 из них погибли в войнах Израиля. Группа из более чем 200 человек создала "Сионистско-грузское движение". Часть лидеров общины приняли на веру лозунг "сионизм — общая судьба", отказались видеть себя частью арабского народа и даже приняли странный тезис, согласно которому грузы являются народом, а не общиной. Данный тезис был частью попытки Израиля исключить грузов из арабо-израильского конфликта и представить их как отдельный народ.

Но эта попытка не удалась. И не только потому, что грузы являются арабами, имеют общие с арабами язык, традиции, жизненный уклад и религию (их священная книга — Коран), но и из-за того, что правительства Израиля не поверили в их "особость". Само государство относится к ним, как ко всем остальным арабам, при решении любых вопросов. Политика конфискации земель нанесла им даже больший ущерб, чем остальным арабам; из 141 тыс. гунамов, имевшихся в их владении в 1948-м, у них осталось только 13 тыс., предназначенных для строительства в их деревнях. Только 4% грузов в возрасте 18–30 лет учатся в университетах, лишь 24% молодежи успешно сдают экзамены на аттестат зрелости (в отличие от 33% среди остальных израильских арабов и 47% от всех учащихся страны), а их деревни страдают от нехватки базовых услуг и инфраструктур. Почти все правительства принимали в два последние десятилетия много решений об уничтожении неравенства между грузскими и еврейскими населенными пунктами, но на практике особых изменений не было.

Детство и одиночество

Я мало что помню из своего детства, да и сохранившиеся воспоминания вряд ли заинтересуют читателей. Что вам, например, до того, что наша квартира, простите — квартира, снятая моим отцом в Назарете, состояла из двух комнат, надстроенных над высоким третьим этажом, без какой-либо инженерной планировки? Мы поднимались ко входу в первую комнату по высоким полуразрушенным ступенькам, идущим наискосок. Один раз я, выходя из квартиры, упал и покатился вниз, пересчитывая, одну за другой, все 83 высокие ступеньки, пока не оказался на улице, с ушибами и переломами.

Мне было тогда три года. Согласно статистическим данным, арабов среди жителей нашего района — 25%, но процент арабов, попадающих в больничный приемный покой, превышает 45%. Многие мои ровесники были госпитализированы в результате неправильного приема лекарств, отравлений бензином, падений и мно-

гих других происшествий, причины которых — медицинская безграмотность, отсутствие надлежащей инженерной планировки и низкое качество строительства.

И стоит ли рассказывать о том утре, когда я пришел в школу с онемевшими от холода ушами, поскольку у меня не было ни шарфа, ни пальто? И разве кого-нибудь затронет тот факт, что я, мусульманин, учился в школе при францисканской церкви (Терра Санта) в Назарете, с детского сада до двенадцатого класса? Отец заплатил за это обучение, поскольку ему было важно обеспечить мне с братьями образование на более высоком уровне; он ведь знал, что государственные школы находятся в плохом состоянии и что у многих учителей нет даже аттестата зрелости. А вот о чем следует рассказать, так это об ощущении одиночества, хорошо знакомом евреям. Наша семья была меньшинством, жившим среди меньшинства, окруженного еще одним меньшинством: ведь израильские евреи составляют мизерную долю жителей Ближнего Востока, израильские арабы — меньшинство по отношению к евреям, а мы, бедуины, покинувшие Бейт-Шеан, отличались от местных, назаретских, арабов. Наш район населяли в основном два больших арабских клана, и при всех взаимных добрых намерениях мы считались (и считали себя) чужаками. Поэтому нам было хорошо знакомо постоянное чувство слабости. Чтобы выжить, тебе обязательно нужна сила, но иногда твоя демонстрация силы вредит другим, а иногда — тебе же самому. Твой страх вселяет в тебя смелость, ты пускаешься в авантюры, ставящие под удар тебя и твою семью. Ты должен охранять свое имущество; защищать свою сестру от незнакомцев; противиться "ассимиляции" или изменению в твоём моральном укладе и поведении, одновременно не желая ни вступать в конфликт со средой, которая сильнее тебя, ни плясать под ее дудку.

Короче, настоящий парадокс. Чтобы преодолеть его, не выжив из ума, требуется очень много чудес и помощи Бога, которого всегда ищут, но редко находят.

Земельная проблема

Борьба за землю со времени создания государства является одним из ведущих факторов сложных еврейско-арабских отношений в Израиле. Таково мнение профессора Орена Йифтахеля, а профессор Рут Габизон добавляет: "Данная ситуация проистекает из того, что для арабских крестьян в частности и арабов в целом, земля является не только объектом обработки и источником прибыли, но и ценностью, имеющей глубокое символическое значение" (профессор Рут Габизон и Исам Абу Рия, "Еврейско-арабское противостояние в Израиле: характеристики и узловые проблемы", Израильский институт демократии, 1999).

Процент земель, находившихся в частной собственности арабов и конфискованных со времени создания государства, в точности неизвестен. По различным расчетам, он составляет 60–70 % (Эль-Хадж и Розенфельд, 1990). В 1947 году евреи владели 1,2 миллионов дунамов земли; в 1960 эта цифра достигла 3,3 миллионов — вследствие конфискации земель исламского Вакфа, палестинских беженцев, добровольно или вынужденно покинувших свои земли, жителей Треугольника, и огромных территорий, принадлежавших арабам-бедуинам в Негеве.

Кнессет специально принял 14 законов, чтобы сделать переход арабских земель в еврейские руки возможным. Этот процесс особенно усилился в 1976 году, что привело к всеобщей забастовке и акциям протеста — Дню Земли. Одним из результатов процесса — ситуация в Галилее, в Бейт Нетофа. Там был создан региональный совет Мисгав, включающий в себя 28 населенных пунктов около Сахнина, Арабы, Дир Ханы, Каукаб Абу Эль-Хигжы и т.д. Там проживают 8000 евреев, владеющих 183000 дунамов земли, и 100000 арабов, имеющих около 50000 дунамов.

Ситуация в Негеве еще хуже. Там пытаются конфисковать у бедуинских жителей еще 637977 дунама и выселить с этих земель 6288 семей (около 70 тыс. человек). Все это только подливает масла в огонь.

Безопасность и псевдобезопасность

Во время моего детства оклад полицейского давал возможность не прокормить семью, а только жить впроголодь. Мать использовала свое умение шить, приобретенное ею в Дамаске, и начала работать дома (сегодня она подозревает, что почти ослепла из-за этого), а я был единственным из шести моих братьев, кто начал подрабатывать после школы и во время каникул.

Я работал в ресторане в квартале Эль-Масбухия, служившем чем-то вроде маленького правительственного центра в Назарете — там были: полицейский участок, камера предварительного заключения, отделения налоговых служб, военный суд, мировой суд, отделение министерства внутренних дел, почта, и в довершение ко всему — здание военной администрации. Это была моя настоящая школа, в которой я узнал больше, чем где-либо, о своем государстве и народе. А еще я здесь понял разницу между безопасностью и псевдобезопасностью.

Мне было 13 лет, когда я нанялся в ресторан подрабатывать официантом. Поваром был сам владелец ресторана.

Однажды туда зашел офицер, о котором я позже узнал, что он — строгий военный судья, и заказал мне тарелку хумуса. Хозяин ресторана как раз вышел на несколько минут, попросив меня занимать клиентов, не давать им уйти, пока он не вернется. "Будь осторожен, не рассерди тут никого!", сказал он. Я приготовил хумус и подал его судье. В ту же секунду подошел высокий мужчина, грубо схватил меня за руки и начал выкрикивать непонятные мне слова. Судья пытался успокоить его, но тот не отставал от меня. У меня потемнело в глазах, я понял, что впутался во что-то, но не знал во что. Тот мужчина потащил меня в ближайшее здание полиции, усадил на стул в кабинете и начал что-то записывать. Он потребовал удостоверение личности, которого у меня не было. Он кричал и стучал кулаком. В конце концов он привел переводчика на арабский, но тот тоже начал на меня орать.

Тут пришел мой отец, и я впервые увидел его в гневе. Он вцепился мужчине в горло и чуть не задушил его. Остальные полицейские разнимали их. Отец взял меня за руку и вывел оттуда. Он запретил мне возвращаться на работу. Только благодаря вмешательству хозяина ресторана я смог продолжить работать. "Ты мне как сын", сказал он, и добавил: "но ты причинил мне вред. Кто позволил те-

бе готовить хумус офицеру?". "Ты здесь работаешь в правительственном здании", — объяснил он мне после того, как я рассказал ему, что произошло. — Сюда приходят много самых разных людей — коммунисты, националисты, преступники. Приходится заботиться о том, чтоб никто из них не попытался отравить еду государственных служащих. Это вопрос безопасности, понимаешь?".

Я начал смотреть на все вокруг другими глазами. Дело тут не только в осторожности или безопасности. Я стал задаваться разными вопросами. Почему люди стоят там в очереди? Чтобы поехать на работу. А где она? В Хайфе, Тверии или Тель-Авиве. Зачем нужно разрешение на выезд? Это вопрос безопасности. Коммунисты, преступники и националисты? Но здесь же есть и женщины, это их жены. Я впервые видел наручники, арестованных, раненых разной степени тяжести, офицеров, общественных лидеров, адвокатов, камнеметателей, демонстрантов, стукачей (так называли тогда арабов, сотрудничавших со спецслужбами). Я видел даже задержанных овец: полицейские, смеясь, объяснили мне что их поймали пасущимися там, где не положено.

Экономика и общество

Судя по данным комитета по наблюдению за условиями жизни и деятельностью социальных служб в арабском секторе, членами которого являются все социальные работники-арабы, процент занятых независимым бизнесом среди израильских арабов постоянно снижается. Например, в 1960-м он составлял 33%, а в 2002-м опустился до 15%, тогда как процент наемных работников повысился за это время с 66% до 82.1% (остальные работают без зарплаты в семейном бизнесе).

Арабы, как уже было сказано, составляют 18% населения Израиля, но их распределение по ступеням доходов крайне отличается от распределения евреев. Доля арабов среди десяти процентов израильтян с наиболее высокими доходами — 0,7% (остальные 99,3% — евреи), а среди беднейшей "десятки" — 28,1% (а евреев там — 71,9%).

Общий процент безработицы в Израиле — 10,4%, но в арабском секторе он составляет 15,6%.

Тюрьма: вторая школа

Мои ровесники в Назерете в основном были заняты тем, что слонялись по улицам. В крупнейшем в Израиле арабском городе было всего три молодежных клуба: католической церкви, исламских скаутов и союза коммунистической молодежи. Тот, кто, как большинство молодежи, не принадлежал ни к одной из этих категорий, гулял ночью по улицам. Там родилось немало романтических историй, но и очень много ненависти. В арабских деревнях вообще не было клубов.

Один раз, когда я так шатался по улице с другом, нас арестовали полицейские за ночное бродяжничество. Так я узнал, что это запрещено: до сегодняшнего дня я не знаю почему, и распространялся ли этот закон только на арабов. Важно, од-

нако, что я сделал из этого выводы и присоединился к исламским скаутам. Там развилась моя любовь к сцене. Я создал скромную театральную группу сатирического направления, через несколько лет я даже сделал карьеру в качестве театрального актера, но до этого я провел несколько долгих месяцев в тюрьме.

Один мой одноклассник пригласил меня к себе домой и выдвинул передо мной следующую идею: "Фатх в Иордании нуждается в преподавателях иврита, и я набираю такую группу из нашего класса. Готов ли ты присоединиться?".

Меня удивила эта дурацкая идея. Я считал Фатх группой смелых борцов-патриотов; я тогда не был против их деятельности, и мне не нравилось, что коммунистическая партия выступала против них и называла их террористами. Вместе с тем я не думал, что они настолько беспомощны, чтобы полагаться на нескольких подростков вроде нас, которые научат их ивриту. Ведь мы же не знаем язык, как же мы сможем его преподавать? И почему мы? Да и останутся ли наши контакты с ними в рамках изучения языка, или, быть может, они хотят завербовать нас в боевые отряды?

Я отказался, резко и без колебаний, и посоветовал ему вообще выбросить эту идею из головы. Через пару дней ко мне пришли еще двое друзей и рассказали, что тот парень предложил и им присоединиться. Они спросили, что я об этом думаю, и я ответил, что он сумасшедший и что это дурная затея. Они согласились со мной и забыли об этом предложении. Несколько месяцев спустя настало время расплаты — не только для тех, кто согласился, но и для моего отца, для меня и для всей семьи.

В ночь с 14 на 15 декабря 1970-го я готовился к своему первому экзамену по ивриту. Я занимался до двух ночи, а в четыре утра меня и всю семью, а заодно и весь квартал разбудили крики и стук в дверь. "Ифтах эль баб!", кричали на ивритизированном арабском. Отец, который был болен, не мог подняться, но его коллеги полицейские не стали ждать и взломали дверь. Они сбросили отца с постели чтобы проверить, нет ли под ней запрещенных материалов, и после часа обыска, от которого пострадало наше имущество, я был арестован без каких-либо объяснений. То, что я увидел снаружи, потрясло меня. Я насчитал более 150 полицейских, оцепивших наш дом со всех сторон, и до того, как я успел сосчитать машины, мне завязали глаза и повезли в тюрьму предварительного заключения в Кишле, принадлежащую ШАБАКУ.

За пять дней допросов, побоев, ругани, унижений, угроз мне так и не сказали, в чем меня обвиняют. Я не понимал, в чем дело. В моей памяти начали всплывать рассказы и газетные статьи, речь в которых шла о пытках в зданиях ШАБАКа и о том, как туда попадают невинные люди. Раньше мне это казалось преувеличением.

В пятницу привели того самого парня, и только тогда я все понял. Я спросил его при следователях: "Я принял твое предложение?", и он четко ответил: "Ты отказался следовать за мной и сказал, что я сумасшедший".

Но его признание не помогло мне. Меня привезли в Джаламе (Кишон) рядом с киббуцом Ягур, поместили в камеру и сказали что это была камера Эйхмана, и меня, как и его раньше, ожидает смертная казнь.

Я мало что знал тогда о нацистах и не понимал роли Эйхмана в уничтожении евреев во время Катастрофы, но я понял, что он был крупным преступником.

В Лода состоялся военный суд, мои родители подобрали мне видного адвоката, но мне не повезло. Он представлял также и парня, возглавившего группу. У него был рак, и он страдал от болей, поэтому он не смог толком ознакомиться с моим делом. Адвокат вел общую для меня и того парня линию защиты, хотя я твердо отказался вступить в группу и уговорил двух своих друзей не делать этого, а он был инициатором ее создания, ее организатором и лидером. Судья приговорил шестерых членов группы, включая меня, к одинаковому наказанию: году тюрьмы. Пока я сменил адвоката и была назначена дата апелляции против приговора, прошли три с половиной месяца, плюс четыре месяца в заключении перед судом.

Судья в апелляционном военном суде в Абу-Кабире (Яффо) понял масштаб несправедливости, совершенной по отношению ко мне, но, как видно, не хотел ставить в неловкое положение судью из Лода. Поэтому он уменьшил мой срок с года до восьми месяцев, и через две недели я вышел из тюрьмы, обогатившись тамошним опытом.

Тюрьма была школой, в которой я научился переносить душевную боль и пить из чаши несправедливости. Я получил новую порцию одиночества, усвоил еще один урок Катастрофы, прочитав о суде над Эйхманом; я близко познакомился с разными правонарушителями, встретился с арестованными членами Фатха, познал голод, понял, как тяжело жить без музыки, узнал, что такое тоска, свобода, любовь — и в чем важность жизни.

Расстояние между журналистикой и политикой

Хотя освобождение из тюрьмы произошло согласно решению судьи, для меня все было так, словно я разломал решетку и яростным усилием вырвался наружу. Нечто вроде завоевания свободной жизни, желания покорить все просторы. Я завершил свое среднее образование и одновременно выучился профессии, став через год заместителем подрядчика в фирме по изготовлению жалюзей; я поступил в театр, а также начал заниматься политикой. В те дни я понял, что 24 часов в сутках просто не хватает. Я даже сердился на евреев, удовлетворившихся семью днями в неделе.

Иногда я платил за такой истеричный образ жизни двухдневным непрерывным сном, но была цена и подороже этой: производственная травма, частично парализовавшая мою левую руку. Но это все равно меня не изменило. Позже я переквалифицировался в журналиста.

Я прошел ускоренный курс в Тель-Авиве. Преподаватель, правый журналист Натан Барон, удивлялся, как этот арабский юноша приезжает из Назарета два раза в неделю, чтобы учиться. Он не знал, что каждая такая поездка сопровождалась и несколько иным удивлением — со стороны военных, когда я сталкивался с ними на шоссе а-Кирия, по дороге в Бейт Ционей Америка, где проходили занятия. Война Судного дня была тогда в разгаре, и в такой ситуации им было трудно

воспринимать спокойно молодого араба, идущего по улице, на одной стороне которой расположено Министерство обороны, а на другой — помещения Галей Цахаль и Решет Бет и других правительственных и военных учреждений. Они оставались навливали меня, требовали удостоверение личности, задерживали и отпускали.

Расстояние между журналистикой и политикой, кажущееся мне сегодня очень большим, было тогда короче волоска. Были только две арабские газеты: "Эль-Инба", то есть "новости", которая была правительственной газетой, и "Эль-Итихад" — "единение", принадлежавшая коммунистической партии. От человека, занимавшегося журналистикой, требовалась политическая, а не профессиональная работа. Выбор между этими двумя рупорами был легок: я надеялся что меня примут на должность корреспондента "Эль-Итихад" в Назарете. Писатель Эмиль Хабиби, бывший тогда главным редактором газеты, принял меня в редакцию. Он намеревался повысить популярность газеты среди молодежи и хотел иметь при себе молодого журналиста. Много лет спустя Хабиби решил сделать выводы из распада Советского Союза и пытался кое-что изменить. Поскольку ему не позволили это сделать, он ушел из партии и газеты. Тогда он объявил о своем освобождении от цепей идеологии, еврейский сектор в Израиле открыл его для себя, его книги перевели на иврит и он даже получил израильскую премию в области литературы.

"Раках" (партия "Новый коммунистический список") и сионистские партии — и здесь выбор был прост. "Раках" была убежищем для всех националистов и патриотов. Правительство предотвратило тогда (в 1958-м) создание национальной арабской партии. Движение Эль-Ард (земля) было объявлено вне закона, и его газету закрыли. К чести "Раках" надо отметить, что она привносила два элемента, в которых нуждались израильские арабы: национальный аспект — подчеркивая проблему палестинцев и призывая к "двум государствам для двух народов — Израиля и Палестины", а также гражданскую проблематику — придерживаясь израильского патриотизма и проявляя заботу о будущем Израиля. В "Раках" я впервые близко познакомился с хорошими евреями. Там я впервые услышал о понятии "еврейско-арабское братство". Я научился ненавидеть нацизм, узнав о преступлениях, совершенных им. И все делалось с уважением к арабскому национальному достоинству.

Но партия не сумела приспособиться к изменениям, происходившим в мире, не поняла, как важно заново пересматривать взгляды и идеологию, она погрязла во внутренних и внешних конфликтах. Компартия теряла свою силу, но оставалась жесткой и агрессивной по отношению к инакомыслящим; ее нападки на всякого, кто придерживался иных мнений, будь это противник или член партии, парализовали инициативу тех ее членов, у которых были оригинальные идеи и которые хотели осуществить изменения, что привело к окостенению партии.

Вакуум, оставшийся от "Раках" на арабской улице, заполнили силы и движения, принадлежащие к националистическому, а затем и к исламскому, течениям. Распад "Раках" подорвал сотрудничество между арабами и евреями и ощущение причастности к государству. Оба новых течения противостояли "Раках" и на

этой почве. Они сумели использовать в своих целях результаты дискриминации, проводившейся против арабского населения с начала существования государства и по сей день. Они говорили, что "Раках" хочет абсорбировать арабов в израильское общество, но Израиль и евреи нас не хотят. И тогда пошли разговоры об арабской автономии в Израиле. Акции радикалов возросли, и излишне упоминать, что к этому во многом привели резкие действия правительства и политики по всем вопросам.

Мы так нуждались в умеренности во времена расцвета фанатизма, который шел рука об руку с вызывающей дискриминационной политикой правительства и демагогичными, провокационным поведением арабских членов Кнессета.

Очень тесно

Израиль — одно из лидирующих государств в мире по плотности населения: 294 человека на квадратный километр. Но в то время, как только 1.8% евреев живут с еще двумя, как минимум, людьми в одной комнате, процент арабов, проживающих в такой скученности, достигает 35%.

Дефицит земель и отсутствие планов застройки, соответствующих росту арабского населения в Израиле, является одной из главных причин нелегального строительства. Сегодня есть около 55 тыс. домов, построенных таким образом; большинство из них находятся в Негеве, остальные — разбросаны по всей стране. Были выданы указы о сносе 15 тыс. их них.

В Израиле есть более девяти непризнанных арабских деревень, в которых нет даже минимальных условий для проживания. Они не подсоединены к системам электричества и канализации, и в большинстве из них отсутствуют места оказания врачебных услуг, медицинские центры, школы или клубы.

Другой путь

Нельзя было мириться с создавшейся ситуацией. Ты хочешь смело смотреть своему сыну в глаза. Что ты скажешь ему? Ты ведь знаешь, что этот путь разрушает его будущее. Как ты сможешь спать спокойно, если свыкнешься с этим? Свести ведь нельзя дремать.

Сначала я пытался использовать свое влияние в качестве главного редактора газеты "Эль-Итихад". Теперь это единственная ежедневная газета на арабском в Израиле, после того, как правительственную газету закрыли; но за последние пять лет в арабском секторе появилось более десяти еженедельников, и конкуренция сейчас в разгаре.

Мы начали проводить в газете изменения в соответствии с духом времени. Изначально это была политическая газета с приличным литературным приложением. Мы впервые начали заниматься социальными вопросами, и через два года стали выпускать специальное социальное приложение. Мы добавили спортивный раздел, превратившийся в еженедельник. Мы ввели новые разделы: по вопросам просвещения, медицины, гигиены, женский раздел, раздел для молодежи

ной литературной деятельности. Мы присоединились к проекту ЮНЕСКО по поощрению чтения в арабском мире и по борьбе с неграмотностью. Мы отказались от взаимного бойкота между газетой и государственными и правительственными органами и с удивлением узнали, что и противоположная сторона заинтересована в диалоге и интересуется нами (кстати, это происходило при правительстве Шамира). Мы впервые брали интервью у министров и глав правительства. Газета предоставила возможность вести дискуссии между представителями разных точек зрения. За короткий срок она стала служить плюралистичной ареной для обсуждений и обмена мнениями по политическим, религиозным и общественным вопросам.

Израильские арабы не только с энтузиазмом отреагировали на это, но и показали, насколько они жаждут демократии и плюрализма, в какой степени они нуждаются в открытости и изменениях и как они желают стать интегральной частью страны, несмотря на все преграды, стоящие у них на пути.

Но эта попытка пришла к концу после того, как я опубликовал статью с критикой генсека "Раках", владевшего газетой. Я перешел красную черту, и наши пути разошлись. Газета опять стала рупором партии, открытость и умеренность исчезли, и мы таким образом провалили свой первый экзамен.

Октябрь 2000 года

Когда израильская полиция убивает 13 арабских юношей, граждан страны, израильскому арабу трудно критиковать арабскую сторону. Ибо полиции запрещено убивать вообще, тем более граждан страны, что бы они ни делали. Когда число убитых достигает 13 за три дня, ясно что это не произошло случайно; или это было преднамеренное действие, или же это результат политики, пренебрегающей не только правами арабского гражданина, но и его жизнью.

Вместе с этим следует резко осудить арабских лидеров, решивших провести забастовки даже после первой волны погибших, и местное руководство, призывавшее молодежь к действию и спокойно смотревшее, как молодые люди перегораживают дороги, разрушают общественную собственность, сжигают банки и магазины (перед этим разграбив их), бросают камни в машины, потому что в них едут евреи и т.д.

Это ужасные действия.

Любой израильский араб с головой на плечах видит в таком поведении моральное разложение, а в возникшей атмосфере ненависти — серьезнейшую опасность. Создание государственной комиссии по расследованию событий должно было всех успокоить, но было слишком много "воров, на которых горела шапка", пытавшихся поэтому повлиять на ее действия, продолжая провокационные действия: с одной стороны, полиция и те, кто ее поддерживают, а с другой — арабские возмутители порядка. Разрыв увеличился, пропасть углубилась, и хотя с тех пор прошли почти три очень спокойных года, раны у обеих сторон не зажили, и на первый взгляд кажется, что эту трещину никак не склеить.

И тогда пришли мы

Да, тогда пришли мы, большая группа израильско-арабских интеллектуалов, одинаково озабоченных судьбами своего народа и своей страны. Мы решили вмешаться, чтобы изменить к лучшему атмосферу и прекратить скатывание в пропасть. Мы искали способ и нашли его благодаря идее отца Эмиля Шуфани: "От боли — к боли, от памяти — к миру". Он хотел что-нибудь предпринять ради будущих поколений; он придумал послать старшеклассников, арабов и евреев, в Освенцим, чтобы они узнали о боли евреев. А мы предложили ему послать туда взрослых, ибо нет времени дожидаться следующего поколения. Оба народа уже достаточно пострадали.

Посмотрите, как это просто.

Мы только начали обдумывать этот вопрос и стали выискивать подходящую группу, как вдруг к нам присоединились многие десятки важных людей. Это группа по-настоящему преуспевающих израильских арабов: ученых, бизнесменов, писателей и журналистов, врачей, юристов, религиозных деятелей, студентов, учителей и воспитателей, университетских лекторов, школьных директоров и инспекторов.

Только мы объявили об этом проекте, как нашлись сотни евреев из той же общественной прослойки, взволнованно и энергично присоединившихся к нам.

Мы рассказываем об этом в средствах массовой информации — и тогда происходит всплеск общественного интереса к нам, и полученная нами поддержка превышает все ожидания. За последние десять с лишним лет ни одна общественная тема не вызывала такого энтузиазма со стороны израильских СМИ. И это удваивает нашу ответственность.

Мы не успеваем и глазом моргнуть — и вот это происходит. Делегация отправляется в путь и прибывает в Освенцим.

Мы едем туда, чтобы понять, узнать, прикоснуться к этой боли глубиной своей души — и взять на себя ответственность за нее. И мы решаем: именно нам, арабам, нельзя давать евреям чувствовать, что они одни, что все против них. Отсюда мы вступаем на новый путь для двух народов.

Мы, разумеется, не претендуем на то, что изменим мир и не предлагаем проекты решения конфликтов между обоими народами. И мы не совершаем революцию — но мы хотим повлиять на происходящее. Мы хотим доказать, что когда боль соединяется с болью — мы находим человека и помещаем его в центр всего.

И тогда мы начинаем смотреть на все другими глазами. Даже на прошлое, на боль и страдания. Иначе смотрим на будущее. А главное, по-новому понимаем нашу роль в жизни этих двух народов. Нам больше нельзя смотреть на происходящее со стороны, нельзя поддерживать вражду и насилие, надо уничтожить озлобленность и усталость, демагогию и провокации. Нужна настоящая, искренняя попытка примирить обе стороны. Мы доказываем, что это возможно, несмотря ни на что — и во имя всего.

Перевела с иврита Марина Амусина

Дани Гутвайн (1953) — историк, социолог. Профессор кафедры истории Израиля Хайфского университета. Докторскую диссертацию защитил в Еврейском университете. Автор многочисленных публикаций. Основные области научных интересов — модернизация израильского общества, история еврейского национального движения. Живет в Хайфе.

Дани Гутвайн

УЧЕТНЫЙ ВЕКСЕЛЬ НЕВИДИМОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Падение правительства национального единства в конце 2002 г. по причине разногласий относительно порядка приоритетов в государственном бюджете ознаменовало собой серьезный культурно-идеологический сдвиг, совершающийся в израильском обществе, который намного важнее, чем сопровождающие его успехи и неудачи отдельных политических партий. Общим знаменателем, обеспечивавшим возможность существования правительств национального единства начиная с середины 80-х годов, несмотря на глубокие расхождения в сфере внешней политики и безопасности, была "приватизационная революция", которая заново сформировала образ израильского общества — через рост экономического неравенства и углубление трещин между его секторами.

Постепенная утрата легитимации в глазах общества политики приватизации сопровождается тремя дополнительными процессами: во-первых, государственным бюджетом, провозглашающим драконовские меры против социально слабых слоев и грозящим лишить их остатков общественной поддержки; во-вторых, усилением общественного протеста, который, несмотря на состояние войны, сумел поместить социальную проблематику на передний план общественного дискурса; и в третьих, самообнажением экономических и финансовых воротил (которые до сих пор руководили политикой, повышавшей их долю "национального пирога", из-за кулис), в качестве активных и явных игроков на политической сцене, целью которых является переход, посредством приватизации, от косвенного управления экономикой и обществом к прямому управлению.

* Статья опубликована на иврите в журнале "הפוסט", 2002, № 12.

От этоса "общности" к "приватизированной общности"

"Приватизационная революция" сопровождалась борьбой за приватизацию сознания израильтян. Этос "общности", который был формирующим элементом израильской самоидентификации — плод взаимодействия еврейской традиции, сионистского воспитания, социалистических настроений, внешней угрозы и военного противостояния — служил ценностным и идейным фундаментом, на который опирались общественное и государственное вмешательство в экономику и ответственность общества перед личностью. Это находило свое выражение, среди прочего, в "государстве благосостояния" и в политике экономического роста. Этос "общности" воспринимал попытки приватизации как принцип, чуждый израильской идентификации и "израильской мечте", и свойство, на котором лежит отпечаток нелегитимности. Средние слои израильского общества, которые были среди инициаторов приватизационной революции и в то же время главными носителями этоса "общности", оказались перед лицом "когнитивного диссонанса", который не мог не затруднить реализацию политики приватизации. Поэтому борьба за приватизацию сознания была призвана расшатать основы — нравственные, идеологические и исторические — культуры "коллектива" и вытекавшего из нее общественного устройства, и превратить принципы рыночного общества и свободной конкуренции в "естественное состояние", что оправдало бы разрушение "государства благосостояния" с его инфраструктурой и отбрасывание все более многочисленных групп населения в состояние социальной незащищенности и нищеты. И все это — при передаче рычагов управления народным хозяйством из рук государства и общества в руки узкой группы владельцев крупных капиталов.

Борцы за приватизацию сознания использовали то "распутье", на котором очутился средний класс, разрывавшийся между ностальгией по израильскому "коллективизму" и шансами на обогащение, мнимыми по большей части, которые обещала ему политика приватизации. Поэтому "приватизационный дискурс" не атаковал напрямую коллективистский этос, а использовал содержащиеся в нем эмоциональные импульсы для своих целей, одновременно выбрасывая все содержание этоса. Так, "приватизационный дискурс" не только затуманивал противоположность между личным обогащением и общественным служением и маскировал тот факт, что сосредоточение капиталов в руках немногих сопровождается ослаблением социальной защищенности больших групп населения; он также создавал виртуальную модель "приватизированной общности", которая снимала в себе противоречие между коллективистским этосом и этосом приватизации и превращала приватизационную революцию в революцию невидимую.

Средства массовой информации послужили главным "агентом" распространения модели "приватизированной общности" и его усвоения. Увядание общественной прессы и паралич первого канала, в сочетании с сосредоточением газет и телевизионных каналов в руках медиа-"баронов", сопровождалось приспособлением их содержания, печатного и транслируемого, к логике рынка. Конку-

ренция, развлекательность и рейтинг превращали читателей и зрителей из граждан в потребителей. Второй телевизионный канал, который довел этот процесс до высшей точки, пользовался государственной символикой для отрицания общественных основ этой самой государственности и для ее приватизации.

Утверждение, согласно которому СМИ — "четвертая власть", которая представляет "общество" в его противостоянии "государству", укрывает от внимания следующее обстоятельство: несмотря на то, что эти средства действительно обслуживают общественные потребности, они в то же время, как всякое коммерческое предприятие, стремятся максимизировать доходы своих владельцев, поэтому целью информационной индустрии является не общественный интерес, а рейтинг, и именно в этом духе она "воспитывает" общество. Более того, популистское подчеркивание противоположности между "обществом" и "государством" и представление приватизированных средств массовой информации в качестве "истинных" выразителей интересов общества призваны оспорить легитимность участия политики в общественных делах и экономике, чтобы оставить эти сферы в распоряжении рыночных сил. "Единство в потреблении", которое устанавливают приватизированные СМИ, являет собой очевидную подмену истинной человеческой солидарности, служит ее нейтрализации и воцарению логики потребительства и рынка в обществе.

Трактовка общественных тем, например, того факта, что с приватизацией "государства благосостояния" растет экономическая нужда, принимает "порнографические" формы и играет на человеческой склонности к подглядыванию. Характер представления темы вырывает нужду и нищету из их общественного контекста и исключает возможность дискуссии об изменении существующего общественно-экономического порядка. "Приватизированная государственность" как вариант "приватизированной общности" — это повторяющийся ритуал выхолащивания институтов и ценностей, которые создали израильский коллективизм, лишения их социального содержания. Приватизированные средства массовой информации становятся, таким образом, центральным фактором приватизации сознания: по мере того, как капитал, в лице медиа-"баронов", присваивает "общественное пространство" и превращает логику рейтинга в идеологический фильтр, посредством которого действительность истолковывается, что обеспечивает укрепление и увековечивание капиталистических отношений, сущность которых — рынок, конкуренция, прибыль, эксплуатация и угнетение.

"Приватизированная государственность" стремится придать статус "естественного состояния" частной инициативе, главным мотивом которой служат соображения прибыльности, в разных сферах общественной жизни. Целенаправленное стирание грани между государственным и частным облегчает приватизацию общественных служб, таких, как здравоохранение и образование, при сохранении видимости преемственности и сокрытии существенных изменений, происходящих там. Например, иллюзия государственности облегчает приватизацию системы здравоохранения: при том, что теоретически в Израиле действует система государственного медицинского страхования, на практике ее уровень и

качество обусловлены страховками в частных фирмах. Таким образом, обманчивое понятие "приватизированной государственности" обеспечивает психологическую поддержку превращению здравоохранения в коммерческую сферу, где властвуют законы рынка. Этот процесс достиг апогея в явлении ЧМУ ("частные медицинские услуги"), которое позволяет тем, кто располагает денежными средствами, получать предпочтение при пользовании общественными (государственными) больницами. Принцип ЧМУ копируется и в сфере образования — там он позволяет состоятельным родителям преимущественно пользоваться общественными ассигнованиями в эту сферу. Приватизация сфер медицины и образования, в которой есть нечто от реквизиции общественного достояния в пользу имущих слоев, при ущемлении интересов широких групп населения, вызвала острую и аргументированную критику со стороны многих общественных организаций, однако эта критика получила лишь незначительный отклик в самом обществе. Такое равнодушие можно объяснить господством в механизмах формирования общественного мнения именно тех групп, которым выгодна приватизация, и их способностью маскировать и объяснять эти процессы фальшивыми доводами "эффективности" и "прав частных лиц". Однако равнодушие это происходит в неменьшей степени, а может быть, и преимущественно, из того, что приватизация образования и здравоохранения осуществляется в рамках знакомых программ "приватизированной государственности", что доказывает эффективность приватизации сознания.

Серьезным психологическим барьером, которое приватизационная революция должна преодолеть, является само понятие сионизма. Несмотря на ослабление его статуса, сионизм, с лежащими в его основе солидаристскими, национальными и общественными ценностями, все еще является доминирующей идеологией, задающей рамки и смысл деятельности широким слоям населения. И на уровне концепции, и в качестве практики — общественной, экономической, политической и культурной — сионизм являет собой род "социальной инженерии", которая стремится, путем согласования общественных интересов и экономического регулирования, сформировать "новое общество" (в духе утопического социализма), которое послужит альтернативой капитализму и "рыночному обществу" с их язвами и изъянами. В таком качестве сионизм, служащий одним из краеугольных камней "этоса общности", противоречит целям приватизационной революции и служит препятствием на его пути. Поэтому лишение сионистской идеологии ее доминирующего статуса стало условием приватизации израильского сознания. Такую роль взял на себя постсионизм.

Постсионизм, будь-то в его левой или правой версии, есть самое глубокое и зрелое выражение идеологии приватизации в Израиле. Он начался с отрицания сионистской идеологии, в особенности в версии Рабочего движения, которая дала легитимацию экономической и социальной инфраструктуре "государства благосостояния" в Израиле. И по мере того, как эта инфраструктура ослабевала с развитием приватизационной революции, постсионизм, представлявший интересы экономических и профессиональных элит, которые усиливались в процессе революции, стал превращаться в новую ортодоксию, обретавшую доминант-

ный статус с воцарением "нового экономического порядка". Вопреки тому, как его представляют и его сторонники, и его критики, постсионизм — не последовательная идеологическая или теоретическая система, а "контр-этос", соединяющий элементы неоллиберализма и постмодернизма (возводимых в ранг "экономического и культурного мышления эпохи позднего капитализма") с политикой этноидентичности и мультикультурализма, которые в местном исполнении принимают облик "новой историографии" и "критической социологии". Последние течения, несущие в себе четкое послание, которое может использоваться в борьбе за общественное сознание, базируются на отрицании сионистской и израильской политики и на моральном осуждении ее практической реализации, осуждении, которое превращается в род "культы вины", играющего центральную роль в распространении "этоса приватизации".

Благодаря "дискурсу вины" постсионизм заявил себя в качестве эффективного оружия в борьбе против сионизма, поскольку он атаковал его претензии, и в особенности претензии Рабочего движения, представлять моральные ценности, индивидуальную, социальную и универсальную справедливость. Именно в этих претензиях сионизм черпал свою легитимацию и внутри страны, и на международной арене. Постсионизм клеймит сионизм как движение, прошлое и настоящее которого наполнены злом, причиненным как евреям, так и арабам в политической, социальной и культурной сферах. К этим обвинениям постсионисты присовокупляют отрицание галута, оставление евреев на произвол судьбы в период Катастрофы, использование страданий уцелевших беженцев для продвижения идеи создания государства, колониалистское заселение (под покровительством империалистов) Палестины, этнические чистки палестинцев, селекцию новоприбывших по идеологическому и этническому признакам, унижение выходцев из восточных общин, культурное насилие под лозунгом "плавильного котла" и т.д. Все это, согласно постсионистам, не что иное, как выражение политики угнетения, которая характерна для сионистского движения и для израильского государства в целом. При том, что в своей моральной аргументации постсионизм требует прояснения политической основы сионизма, силовой и "угнетательской", в качестве исторической концепции постсионизм как раз склонен затуманивать политические, идеологические и ценностные противоречия, которые столь резко проявлялись в сионизме и в израильской политике. Представление сионизма в качестве цельного монолита и перенос внимания с политики на сферу морали — важные моменты формирования "дискурса вины", не способного выносить споры, из которых может выясниться, что внутри сионизма были силы, которые противились политике угнетения и несправедливости, описываемой постсионистами. Вывод, напрашивающийся из "дискурса вины", таков: коллективистская тенденция в Израиле с самого начала морально неоправдана и пятнает всякого, кто с ней соприкасается; единственный способ избавиться от ответственности за угнетение, доступный израильтянину с моральными убеждениями, — отрицание основ этой идеологии и ликвидация общественной структуры сионизма. Освобождение израильтянина от этого бремени достижимо, согласно постсионизму, на путях приватизации его сознания.

Дискурс эффективности

В дополнение к "дискурсу вины" постсионизм культивировал также "дискурс эффективности". Постсионисты стремятся представить экономическое и социальное регулирование, лежащее в основе сионизма и "государства благосостояния" в Израиле, в качестве архаичного пережитка, который противоречит неолиберальному духу нашего времени и в качестве еще одного аспекта политики принуждения и угнетения, служащего препятствием на пути самореализации личности в Израиле. "Дискурс вины" с одной стороны и "дискурс эффективности" с другой — это две стороны постсионизма, имеющие, по сути, одну цель и действующие совместно для подрыва основ "этоса общности" в сионизме и для подготовки приватизации общества.

Поддержка приватизационной революции пересекает принятые идеологические и политические границы, разделяющие в Израиле "левых" и "правых". Поначалу постсионизм, правда, отождествлялся с либеральным крылом левого израильского лагеря. Однако спустя короткое время возникло правое постсионистское течение, которое атаковало "национальный лагерь" в целом и религиозный сионизм в частности с использованием той же системы аргументов, которую задействовал левый постсионизм в своих напаках на Рабочее движение, но в другом облачении: еврейском и консервативном. "Дискурс вины" по отношению к арабам, который культивировался левым постсионизмом, превратился, в версии правых, в историческое оправдание принципа "безальтернативности" ("нет выбора") или принципа исполнения предназначения. Согласно этой версии, сионизм и Государство Израиль возникли "в грехе", сформировались в процессе захвата, вытеснения и изгнания, и чтобы продолжать существовать, наше государство должно будет пользоваться этими средствами и в будущем. Подобным же образом правый постсионизм развивал критику в адрес сионизма по вопросам отрицания галута, бездействия в период Катастрофы, отношения к выходцам из восточных общин и к "плавильному котлу" — все эти моменты рассматривались как проявления жестоких противоречий между еврейством (иудаизмом) и сионизмом. По ходу этих дискуссий выражалось сомнение в способности сионизма служить идейной и ценностной основой еврейского государства и подчеркивалась необходимость в "новой вере". Правый постсионизм активизировал также "дискурс эффективности" и представил израильскую версию "нового консерватизма" (который в США выдвинули правые еврейские крути), оправдывающего "конкурентный капитализм" и внешнюю политику, основывающуюся на религиозной традиции. "Новый консерватизм" служит идеологической рамкой для продвижения приватизации экономики и деконструкции государства благосостояния. "Дискурс вины" в варианте "безальтернативности" или "исполнения предназначения", в сочетании с консервативной версией "дискурса эффективности", служат в руках правых постсионистов средством вытеснения сионистского начала и замены его "еврейско-иудаистским" началом, средством нейтрализации революционного, формирующего элемента сионизма и его воздействия на израильское общество, что облегчило бы утверждение этоса приватизации.

Борьба с сионизмом как источником легитимации государственного регулирования в экономической, социальной и культурной сферах образует, таким образом, общий знаменатель для левого и правого постсионизма. Две эти разновидности постсионизма вытекают, правда, из противоположных интеллектуальных традиций и определяют себя с помощью соперничающих идеологических концепций, однако в то же время между ними возникает "сходство крайностей" — подобно тому, что существует между постмодернизмом и западной "правой" в целом, — которое превращает их в политических союзников поневоле. Обе видят в "коллективизме" и в государственности, характеризующих сионистский проект, начала угнетения и принуждения, обе предпочитают рыночную стихию регулирующей силе государства. Правый постсионизм представляет капитализм в качестве "естественного порядка". Левый же постсионизм отрицательно относится и к государству, и к рынку; однако, согласно этой концепции, принуждение со стороны государства сильнее и жестче, чем со стороны рынка, поэтому левый постсионизм видит в приватизации средство освобождения от государственного угнетения.

Еще одна идеологическая концепция, которая послужила "приватизации сознания" в Израиле, — это концепция мультикультурализма, в ее приложении к политике этноидентичности. Этот подход стал идейной основой для раскола общества на секторы, каковой тоже был направлен против государства благосостояния, и, таким образом, он играл на руку группам, которые добиваются приватизации. "Государство благосостояния", утверждают сторонники мультикультурализма и политики этноидентичности, вовсе не способствовало справедливому распределению благ, а служило механизмом неравноправного распределения ресурсов. Претензии на всеобщность, универсализм "государства благосостояния", добавляют они, были на самом деле пустыми и прикрывающими преимуществом статус ашкеназийского элемента, призванными сохранить его гегемонию путем дискриминации других секторов, в первую очередь — выходцев из восточных общин. В качестве исторической критики подобные утверждения не лишены основания. Однако вся соль заключалась в политических выводах, которые следовало из этой критики извлечь: нужно поддержать деконструкцию и приватизацию общественных служб на том основании, что рыночные механизмы являются менее насильственными и тоталитарными, чем механизмы государства, и это позволит слабым слоям населения с большей легкостью переместиться в общественный "центр". Мультикультурализм, таким образом, способствовал идеализации "рыночной демократии", которая, дескать, перераспределяет силу и влияние в пользу ранее обделенных групп. При этом внимание отвлекается от эксплуатации и угнетения, связанных с рыночной системой, расширяется идейная база для разрушения "государства благосостояния" и для роста экономического и социального неравенства. Так мультикультурализм создавал психологическую почву для подчинения различных групп израильского общества режиму приватизации взамен проведения реформ в "государстве благосостояния". Итак, мультикультурализм — не что иное, как средство "приручения" жертв приватизации и инструмент нейтрализации кри-

тики и протеста против социальных зол, которые с приватизацией связаны. В таком качестве он помогает господствующим слоям населения сохранять существующее соотношение сил путем распространения ложных представлений об освобождении, иллюзий деятельности и перемен.

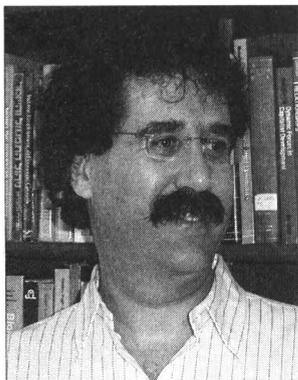
Гражданское общество

Сходное с мультикультурализмом влияние на приватизацию сознания оказывает и идеология "гражданского общества". Эта идеология в разных ее версиях описывает государство как неповоротливую и неэффективную командную систему и как инструмент подчинения гегемонистскому центру, в противоположность гражданскому обществу как пространству свободной самоорганизации, обеспечивающему эффективную и добровольную общественную деятельность. Под этой маской идеология гражданского общества снискала себе поддержку тех слоев общества, которые видели в ней средство продвижения приватизации, но также и тех групп, которые противились приватизации и по ошибке видели в гражданском обществе средство минимизации ущерба от приватизации. И те, и другие утверждали, опираясь на противоречивые аргументы, что механизмы гражданского общества должны послужить заменой институтам "государства благосостояния".

Так гражданское общество стало аргументом в пользу приватизации общественных служб и услуг и средством психологического примирения с причиняемым ему ущербом в одно и то же время. При восхвалении гражданского общества намеренно упускается из виду, что оно является неотъемлемой частью рыночного общества и конкурентной капиталистической системы, для которой характерны экономическая эксплуатация и социальная дискриминация, а ее принудительная сила ничуть не меньше, чем у государства. Более того, в противоположность услугам, предоставляемым "государством благосостояния", те, что предлагаются гражданским обществом, не являются универсальными и гарантированными, а зависят от милости и от приоритетов владельцев капиталов, которые не только могут в любой момент прекратить свою поддержку различных "проектов", но и приобретают — благодаря своим экономическим возможностям — влияние на все общественное пространство и отчуждают его от политики. Вопреки внешнему впечатлению, логика гражданского общества является антидемократической в той мере, в которой она передает власть в различных сферах общественной жизни в руки владельцев капитала и нейтрализует политическую силу широких общественных слоев. Растущее влияние идеологии гражданского общества можно объяснить еще двумя причинами: во-первых, она обслуживает интересы средних слоев и позволяет им сохранять доминирующее положение в обществе, несмотря на демографические изменения, которые существенно сократили их электоральную силу; во-вторых, она внедряется в соответствии со знакомой моделью "приватизированной общности", характеризующей процесс приватизации сознания в Израиле, и поэтому ей легко придать видимость "естественного процесса".

Именно победа приватизационной революции, сопровождаемая экономическим неравенством, отсутствием социальной защищенности и нищетой, раскрывает ее истинные цели и дает более точное представление о внутренних противоречиях, характеризующих модель "приватизированной общности". Вследствие этого процесса сбрасывания масок усиливается влияние неолиберальных концепций, которые не считают себя обязанными прикрываться соображениями общественной солидарности и меньше нуждаются в аргументах, поставляемых постсионизмом или мультикультурализмом. Вдобавок к этому пустота, которую создает разрушение этой двусмысленности, усиливает резонанс оппозиционных настроений, которые оформляются по мере того, как ущерб, вызванный разрушением "государства благосостояния", выталкивает все новые группы населения за пределы сферы социальной защищенности. Прояснение и обострение идеологических противостояний подчеркивают важность социально-экономических проблем в общественной повестке дня Израиля и создают, впервые за последние тридцать лет, перспективу для сил, выступающих против базовых принципов приватизационной революции и отстаивающих общественное равенство и справедливое распределение благ.

Перевел с иврита Марк Амусин

Дан Бен-Давид — экономист. Докторскую степень получил в Чикагском университете. Автор многочисленных работ по израильской экономике, макроэкономике, проблемам экономического роста, глобализации и международной торговли. Преподает в школе политики и управления Тель-Авивского университета.

Дан Бен-Давид

О ТУМАНЕ И ПОЛИТИКЕ*

Непонятно, в какой степени туман неосведомленности в делах общественно-политических напускается намеренно, а в какой степени он идет от глубоко укоренившейся привычки к халтуре. Но вне всякого сомнения очевидно, что "культура тумана" непрерывно и бескомпромиссно разъедает основы власти и общества в Израиле.

Латиноамериканские теленовеллы — не единственный культурный багаж, который мы с воодушевлением черпаем из бывших банановых республик.

Это начинается с недостаточной исполнительной силы законов о трудовых отношениях, транспорте, санитарных условиях, строительстве, экологии, что стало бичом нашего государства, угрожающим правам покупателя, потребителя и гражданина. А это ведь, в сущности, основополагающие права человека в свободном и демократическом обществе. Но недостаточное исполнение законов — лишь один из признаков нашего движения по "банановому" пути.

Яркий, но безусловно не единственный пример напускания тумана властями, — это область социально-экономической политики в последние два года. В основу государственных бюджетов были положены прогнозы темпов роста, которые были широко известны как нереальные. Подобным же образом были сделаны и прогнозы доходов от налогов, не имевшие никакой связи с действительностью, однако позволявшие не проводить сокращение бюджета накануне последних выборов в той степени, в какой это требовалось. Как будто этого недостаточно, правительство прибегло еще и к творческой бухгалтерии (по словам проф. Якова Незмана и многих других), чтобы представить промахи правительства перед выборами в желаемом виде.

Это только видимые глазу внешние контуры туманного облака. А внутри его делают налоги, которые мы платим, — и здесь скрыт корень проблемы. В Мини-

* Статья опубликована на иврите в газете "גלובס" 1 июля 2003 г.

стерстве финансов сидят немало прекрасных экономистов, которым приходится сталкиваться с невообразимой политической реальностью. Казалось бы, у нас есть бюджет в отпечатанном виде. Но в действительности непрозрачность всего, что связано с государственными деньгами в нашей стране, приводит нас к ситуации, когда некоторые группы делают богатство, а остальных толкают в унизи-тельную нищету.

Мы уклоняемся от "маммографии" нашего государственного организма, которая показала бы, насколько распространились злокачественные туманности. Но можно было бы и на ощупь почувствовать масштабы этого явления.

С одной стороны, сравнения, проведенные экономистами и социологами в университетах и исследовательских институтах, указывают на то, что расходы на социальное обеспечение в Израиле не выходят за рамки принятого на Западе. С другой стороны, в последнее время правительство начало безжалостно урезать эти расходы, утверждая, что они достигли таких масштабов, что государство не может больше нести их. Что же происходит?

Почему другие страны могут нести это бремя, а мы нет? Может быть, потому, что в Израиле в сфере государственной помощи некоторым секторам населения подводная часть айсберга больше видимой? У нас ведь государственных денег навалом.

Когда-то, когда мы быстро развивались, а масштабы безработицы, бедности и неравенства населения были низкими, мы и расходовали намного меньше денег — даже если не учитывать те суммы, которые тратились тогда и сейчас на оборону и на уплату процентов по государственному долгу. В 1960 — 1966 гг. эти расходы составляли только 21% от национального продукта, а в прошлом году — 40%. Как видно из таблицы, государственные расходы начали существенно расти после Шестидневной войны, и не только из-за обороны. После Войны Судного дня государственные расходы — не учитывая расходы на оборону и проценты — подскочили еще на одну большую ступень, откуда уже фактически не спускались.

Таблица: Государственные расходы в Израиле
в процентах от национального продукта

Период	Всего	За вычетом расходов на оборону и учетного процента
1960 — 1966	29,1	21,2
1967 — 1972	49,8	30,0
1973 — 1985	73,5	41,4
1986 — 2001	55,9	37,1
2002	55,1	39,8

В нашем тумане выросло много "грибов", которые нигде официально не зарегистрированы должным образом, но их признаки очень трудно утаить. Коли-

чество женщин в Израиле, выбирающих нетрудовой образ жизни, на 9% выше, чем принято в западных странах (по сравнению с 22 странами OECD — Организации индустриально развитых стран). В арабском секторе это проявляется особенно сильно. Более трех четвертей арабских женщин в трудоспособном возрасте вообще не ищут работу.

Что касается мужчин, не участвующих в трудовой деятельности, то их в Израиле на 22% больше, чем в странах OECD. Особенно выделяющаяся в этом отношении группа — мужчины-ультраортодоксы. 80% из них в трудоспособном возрасте вообще не ищут работу. (А безработными считаются те из оставшихся 20%, которые ищут.) Важно подчеркнуть, что и без мужчин-ультраортодоксов количество нетрудящихся мужчин-евреев в Израиле на 16% выше, чем принято на Западе.

Если бы в Израиле процент занятости мужчин и женщин в трудовой деятельности был равен среднему по OECD, то к израильской рабочей силе прибавилось бы более 200 тысяч человек.

Как же можно совместить такой большой разрыв между нами и странами OECD в готовности населения трудиться с такой незначительной разницей в выплатах социального обеспечения?

Одна из возможностей состоит в том, что многие трудоспособные граждане Израиля работают "по-черному". Если дело обстоит так, то это — крупномасштабный обман, с помощью которого целые группы населения уклоняются от участия в тяжелом бремени уплаты налогов и в то же время запускают руку в государственный котел в качестве мнимых нуждающихся. Закрывать глаза на оптовые нарушения закона — если они действительно осуществляются в таких объемах — значит добавлять еще один слой тумана в атмосферу, которую мы создали в своем государстве.

Вторая, столь же малопримечательная, возможность, — это что большие суммы под завесой тумана в финансовой отчетности государства текут к определенным группам населения. Эти суммы формально не регистрируются как выплаты по социальному обеспечению. Но без них невозможно устранить противоречие между не слишком высокими по международным меркам официальным расходам на социальное обеспечение — и безусловно очень высоким по тем же меркам уклонением от трудовой деятельности. Ведь факт, что и после вычета всех оборонных расходов израильские государственные расходы выше на 11% от объема национального продукта (что равняется 52 миллиардам шекелей) по сравнению с общепринятым в странах OECD. Если это идет не на оборону и не на официальное соцобеспечение, то на что же мы тратим столько денег? Действительно, наш общественный сектор очень раздут, но исключительные масштабы неучастия населения в производительной деятельности намекают на то, что в бюджете есть и туманные щели, в которые утекают очень приличные суммы.

Эта проблема становится особенно актуальной, когда государство оказывается уже не способно финансировать расходы в таких размерах. Тогда смотрят на 280 тысяч безработных и на еще 200 тысяч тех, кто даже не утруждают себя по-

исками работы, заявляют, что раздутые государственные расходы позволяют такой образ жизни, — и урезают официальные каналы социального обеспечения. Но поскольку официальное социальное обеспечение у нас и так не очень высокое по западным меркам, то те, кто не имеет дополнительных неофициальных источников дохода, действительно могут дойти до голода. Этот процесс уже начался, и есть опасность, что он еще значительно усилится.

Неужели при таком огромном бюджете нет достаточно денег, чтобы помочь действительно слабым? Почему так много стариков живут в такой бедности? Почему "бесплатное" образование детей так дорого стоит родителям? Почему "корзину здоровья" сокращают, вместо того чтобы расширять? Почему нет профессиональной подготовки, достойной своего названия и соответствующей нуждам народного хозяйства? Почему "физическая и человеческая инфраструктура" пребывают в таком безобразном состоянии? Как мы дошли до этого и почему мы на краю пропасти? Куда идут все наши деньги?

Не случайно английское слово "accountability" ("подотчетность") не имеет эквивалента на иврите. Прежде чем искать перевод, нужно привыкнуть к самому понятию.

В настоящее время от нас требуется сделать мировоззренческий выбор, а между тем решения принимаются в полном тумане. Например, продолжать ли заселять территории Иудеи, Самарии и Газы — или нет? Позволить ли целым секторам общества продолжать не работать и не нести бремени налогов и резервистской службы — или нет? Это не единственные судьбоносные вопросы, но то, как они решаются, отражает реальность, которая привела нас на край пропасти.

Например, все обсуждение финансовых аспектов поселенчества ведется не по существу. В какой степени "балуют" поселенцев — если это действительно происходит — всяческими льготами, не действующими внутри "зеленой черты", — это только верхушка айсберга всей проблемы. Истинный вопрос состоит в том, во сколько обходится нам вообще присутствие поселений и поселенцев на территориях: в плане создания транспортной инфраструктуры в малодоступных (в лучшем случае) местах; в плане строительства субсидированного жилья, чтобы привлечь людей, которые иначе бы туда не переехали; в плане искусственного создания рабочих мест в общественном секторе и субсидий для частных работодателей, чтобы у поселенцев была работа; в плане физической защиты каждого поселения, холма, шоссе или одинокого каравана — в противоположность защите всей страны с помощью оборонительной стены вдоль линии, близкой к "зеленой черте"?

Ответ: никто не имеет понятия, каковы на самом деле совокупные затраты по расселению евреев за пределами зеленой черты, начиная с 70-х годов. А почему, собственно? Народ вроде бы за, и правительства действуют от имени народа — почему же нам не сообщают всех фактов и данных, чтобы мы могли принимать рациональные решения? Почему все окутано тайной и туманом? Не существует ли опасение, что когда широкая общественность узнает, сколько на самом деле стоит заселять районы, которые никогда не смогут стать частью ев-

рейского и демократического государства, она предпочтет требовать направления ассигнований на другие нужды?

Еще одно направление, куда не хочет смотреть государство, находящееся на краю пропасти, — это оборона. Здесь напускание тумана со стороны официальных органов доходит до апогея. Стратегическая угроза со стороны Ирака исчезла. Разве это не должно сэкономить нам деньги? Но это еще не все.

Почему чиновники в военной форме, сидящие в конторах, могут уходить на полную пенсию на двадцать лет раньше, чем другие государственные чиновники? Всем ли частям армии действительно нужны армейские системы питания, лечения и связи? Что плохого в тех системах, с которыми должны жить мы, штатские граждане?

Через полгода после начала последнего экономического спада Амир Орен в "Ха-Арец" (22.5.2001) возвестил о том, что ЦАХАЛ собирается закупить джипы модели "Исузу трупер" для 230 подполковников и их жен/мужей — по 220 тысяч шекелей за машину. В конце 70-х годов подполковники ездили на обычных дешевеньких "Кармелях"...

Нет денег на развитие инфраструктур, не говоря уже о лекарствах и помощи нуждающимся, но есть достаточно денег, чтобы позволить армии расширяться и строиться на самой дорогой земле в Израиле, которая находится в самом сердце Тель-Авива и к тому же может стать главным объектом огня противника (а мы еще предъявляем претензии к палестинцам, которые прячутся среди населения и стреляют по нам). Почему бы не сдать в аренду территорию тель-авивской Кирии и не построить для Генштаба военную базу в Негеве? Может быть, тогда мы будем вынуждены наконец построить нормальную транспортную инфраструктуру, которой сможет пользоваться и остальное население Негева?

Один из примеров асимметрии между правами и обязанностями израильских граждан — это то, что все большая часть израильского общества не служит в армии. Согласно заявлению отставного генерала Гидеона Шефера, бывшего начальника отдела кадров ЦАХАЛа, опубликованному примерно год назад, примерно 42% мужчин из каждого года призыва не идут служить в ЦАХАЛе, и эта цифра неуклонно растет на 0.7% в год. С женщинами дело обстоит еще хуже. Должно быть ясно, что чем меньше молодых людей призывается в армию (при том, что нагрузка на нее немалая), — тем большее физическое бремя (не говоря уже о моральном) ложится в результате на плечи немногих, которые служат на срочной и резервистской службе. Почему общественности не демонстрируют ту несправедливость, которая вытекает из существующего распределения бремени военной службы?

Когда народу говорят, что он находится на краю пропасти, он имеет право требовать, чтобы рассеяли наконец густой туман — тогда он сам сможет понять серьезность положения и выработать истинный консенсус, основанный на четких, прозрачных и честных критериях распределения наших ограниченных ресурсов. Только так строят общенациональное согласие для болезненных уступок.

ИСТОРИЯ О ДВУХ СТРАНАХ*

Вклад евреев в науку, литературу и вообще в развитие человеческого знания непропорционально велик по сравнению с численностью евреев в семье народов. Об этом вкладе дает представление доля евреев среди лауреатов Нобелевской премии в последнем столетии. На важнейших научных конференциях еврейские фамилии выделяются как количеством, так и уровнем своих выступлений.

Еврейское государство уделило другим народам немало своего "света". Само его возникновение — вопреки всякой вероятности — позволило по-новому взглянуть на то, что может совершить горстка упорных людей (в 1948 году евреев в Израиле было всего 672 тысячи) при находчивости и самостоятельности мышления, не задавленного принятыми штампами в военной и политической области. Это государство, вместо того, чтобы утонуть в море эмигрантов, оказалось способно направить прибывающие в страну таланты в полноводные реки творчества и процветания. В то время Израиль стал страной с завидным уровнем социального равенства и одним из самых высоких показателей экономического роста на Западе.

В ключевых областях еврейское государство и сейчас продолжает "излучать свет на другие народы". Израильские университеты вносят вклад в сокровищницу мирового знания. Первоклассные исследователи воспитывают студентов, самые способные из которых поступают и с отличием учатся в аспирантурах на самых престижных отделениях за границей. Другие выпускники университетов успешно осуществили в Израиле "революцию высоких технологий", на зависть всему Западу за пределами Силиконовой долины. Израильские врачи находятся в мировой элите. Наши боевые методы заимствуются другими странами; вооружение, которым пользуется ЦАХАЛ, становится образцами для других армий.

Это государство, которое в важнейших для своего существования областях не только преуспело, но и стало символом качества, творчества, необычайного дерзания. В этом смысле оно стоит особняком.

Однако в этом же государстве есть и другие данные. С годами оно перешло в разряд западных стран с наименьшим уровнем равенства граждан. Масштабы бедности и неравенства непрерывно растут в течение десятилетий, даже без признаков замедления, а уж о переломе тенденции и говорить не приходится. Население Израиля составляет 2,2% от американского, но производит всего 1,2% от американского национального продукта (данные на 1998 год). Это значит, что в пересчете национального продукта на душу населения, отражающем уровень жизни, мы несоизмеримо ниже американцев.

Что же происходит в Государстве Израиль? Это не только академический вопрос для объяснения одной из самых больших в мире социально-экономических аномалий. Это вопрос, на который мы обязаны ответить прежде, чем пе-

* Статья опубликована на иврите в газете "הארץ" 2 июля 2003 г.

ресечем роковую черту, потеряем драгоценное достояние, которое сейчас поддерживает страну, и свалимся в пропасть, из которой уже нельзя будет выбраться.

На первый взгляд, израильское общество содержит в себе потенциал, который может превратить страну в одну из самых богатых в мире, если не самую богатую. Но мы не только не приближаемся к ведущим странам, а наоборот, все больше отстаем от них, и разрыв между нами все увеличивается. Наше государство пыталось помочь всем политическим, этническим и идеологическим секторам общества — и на этом пути не сумело установить равновесие между разнонаправленными желаниями и ограниченными возможностями.

Уклонение от принятия важных решений, вместе с несоблюдением норм и законов, ведут государство к постепенной утрате средств контроля за ситуацией, а также и шансов на ее исправление.

Почему мы производим настолько меньше американцев? Ответ заключается в двух простых фактах. Во-первых, американцы работают больше нас. Дело не в том, что они проводят на работе больше времени — средние показатели рабочих часов в неделю в 1997 году совпадали. Дело в том, что среди граждан трудоспособного возраста у американцев на 20% больше реально работающих, чем у израильтян.

Непроизводительный образ жизни в таких масштабах стоит нам очень дорого. Больше денег должно уходить от немногочисленных (по сравнению с американцами) работающих, чтобы обеспечивать многочисленных (опять же по сравнению с американцами) неработающих. Но это только один вид убытка. Мы теряем и то, что эти люди могли бы произвести, если бы работали — и это совсем не малые деньги. Если бы в Израиле участие населения в трудовой деятельности было пропорционально американскому, то дополнительные работники увеличили бы наш национальный продукт на 47 миллиардов шекелей.

Учтите, что эта добавка представляет собой оценку недополучаемого продукта при сегодняшней производительности труда в Израиле. Дело в том, что американский трудящийся значительно эффективнее своего израильского коллеги. Среднестатистический американец производит за каждый час работы на 20,5% больше, чем среднестатистический израильский работник. Не потому, что израильтяне хуже по своим генетическим качествам. Как уже сказано выше, в самых важных для процветания и обороны государства областях Израиль ставит мировые рекорды.

Проблема в том, что Израиль — это государство, душашее собственных жителей. Например, оно расселило людей на периферии, не обеспечив им минимальных средств для выживания в современном конкурентном мире: начиная с позорной "физической инфраструктуры", не позволяющей свободного перемещения работников и товаров, и кончая запущенной "человеческой инфраструктурой", при которой значительная часть населения не получает даже минимальных навыков, необходимых для трудовой самореализации. Поэтому удивительно не то, что мы так выглядим по сравнению с американцами, а то, что у нас вообще есть достижения. Но при этом мы исключаем из производительного процес-

са все большую долю активного населения, и оно превращается в обузу, под тяжестью которой постепенно рушится остальная часть общества.

Решение проблемы обязательно должно быть комплексным и преследующим две основные цели:

- 1) уменьшение масштабов бедности и неравенства в доходах брутто;
- 2) экономический расцвет.

Например, если улучшить образование на периферии, но не обеспечить развитие других необходимых инфраструктур, это приведет только к ослаблению периферийных населенных пунктов вследствие "утечки мозгов" — вместо того, чтобы укрепить их как более дешевые места, куда стоило бы вкладывать средства и где стоило бы обосновываться.

Среди тех, кто определяет политику в Израиле, до сих пор немало таких, кто еще не освободился от ложного представления, будто государство не может заниматься одновременно борьбой с бедностью и экономическим ростом. Они считают, что одно идет за счет другого, и поэтому государство должно найти оптимальную точку между этими двумя направлениями.

Откуда берется эта ошибка? Если понимать борьбу с бедностью как увеличение выплат по социальному обеспечению, то это действительно потребует увеличения налогов, а рост налогов понизит стимулы к работе, и в результате экономика на самом деле пострадает.

Но ведь это — лишь снятие симптомов. А настоящее, коренное лечение бедности представляет собой одновременно и центральный элемент вклада в экономическое процветание. Важным — но не единственным — фактором в этом контексте является образование.

Процветающее хозяйство претерпевает процесс структурных изменений, требующих все более квалифицированной рабочей силы. Поэтому чем выше уровень образования, тем выше доходы и тем выше шансы найти работу. Поскольку образование так важно в обоих этих контекстах, то чем ниже уровень образования, тем меньше количество людей, которые вообще утруждают себя поисками работы.

Например, в Израиле из населения в трудоспособном возрасте, имеющего всего 0 — 4 класса образования, 89% даже не пытаются найти работу. Из остальных одиннадцати процентов 14% не находят работы и остаются безработными. К счастью, это относительно очень небольшая группа населения. Однако связь уровня образования с доходами, безработицей и участием в трудовой деятельности должна быть ясна.

Израильское население в трудоспособном возрасте можно разделить на две основные группы: со средним или ниже среднего (до 12 лет учебы) образованием — и с высшим образованием. Эти группы почти равны по численности, но резко отличаются друг от друга по доходам и по шансам найти работу. Достаточно сказать, что средняя месячная зарплата в первой группе составляет в первой группе 4843 шек., а во второй — 7768 (данные на 2000 г.) Здесь находится один из главных ключей к решению проблем бедности и неравенства и экономическому расцвету.

Политика, способствующая переходу населения из первой группы во вторую, уменьшает неравенство тремя способами. Во-первых, те, которые перейдут в группу с более высоким уровнем образования, улучшат свое материальное положение. Во-вторых, улучшится положение тех, кто останется в первой группе (то есть со средним и ниже образованием), — поскольку их станет меньше и конкуренция между ними на рынке труда снизится. (Разумеется, мы говорим о такой стране, которая не собирается совершить самоубийство путем ввоза сотен тысяч новых конкурентов из Таиланда, Румынии и т.д. для израильтян с более низким уровнем образования). В-третьих, увеличение количества образованных людей умерит рост зарплат, которые получает эта группа. Другими словами, это будет механизм двойного действия, оказывающий влияние на обе части населения и уменьшающий разрыв между ними.

При этом процесс, способствующий росту образованности в Израиле, непосредственно повлияет и на нашу способности усваивать, применять и разрабатывать новые технологии — а это один из основных ключей к экономическому расцвету.

Будет ли достаточно рабочих мест для населения, которое повысит свой образовательный уровень? Пример Соединенных Штатов показывает, насколько хозяйство нуждается в образованной рабочей силе. В 70-е и 80-е годы количество выпускников университетов в США удвоилось. Казалось бы, в результате этого люди с университетским образованием должны были затопить рынок труда, испытывать трудности в поисках работы, и их зарплата должна была бы снизиться. Однако в действительности американское народное хозяйство нуждалось в еще большем количестве образованных людей, чем оно получило, и конкуренция между работодателями привела к тому, что зарплата выпускников выросла на 25%.

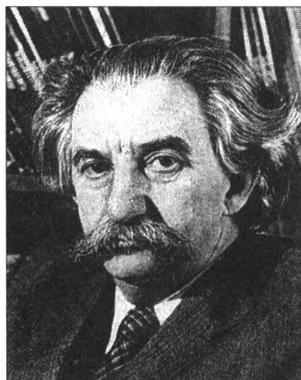
Нынешний кризис "высоких технологий" привел к временному выбросу многих образованных людей из круга занятости. Однако нужно отличать циклические колебания от долгосрочных тенденций. В конце концов специалисты по высоким технологиям найдут работу, и эта отрасль оправится, так как она является одним из краеугольных камней будущего производства. А вот кто действительно чем дальше, тем больше не будет находить себе применения в будущем — так это люди с низким образовательным уровнем. Поэтому государство должно создать возможности и условия для решения этой проблемы.

По-видимому, при нынешних обстоятельствах мы сможем прожить еще весьма непродолжительный период. Когда тем, кто несет на себе экономическое бремя, придется вдобавок брать на себя и ответственность за физическую защиту остального населения, то не нужно удивляться, если самые способные и многообещающие из наших молодых людей прочтут "надпись на стене" и извлекут из нее выводы, пока на их способности есть спрос за границей. Если они станут уезжать из Израиля не "каплями", а волнами — мы обречены. Но в любом случае, чем дольше "субсидируемая" часть общества будет расти намного быстрее, чем "субсидирующая", и чем дольше мы будем совать палки в колеса производительному процессу, тем скорее наступит момент, когда наш паровоз окончательно остановится.

Ситуация, к которой мы так уверенно движемся, отнюдь не фатальна. По потенциалу, заложенному в нашем населении, мы не уступаем ни одному региону на Земном шаре. Но самовосхваления — вместо реальной стабилизации и укрепления социально-экономических основ — не вечно смогут помогать Израилю XXI века сохранять граждан и притягивать к себе репатриантов — этому есть предел. Воля жить в государстве еврейского народа стоит денег, от которых многие из нас готовы отказаться, чтобы участвовать в строительстве и укреплении Третьего Храма. Но не будем обманывать себя, считая, будто эта воля неистошима.

Перевела с иврита Рахель Торнусман

В предыдущем номере нашего журнала была опубликована серия офортов А.Л. Каплана "Из еврейской народной поэзии". Дарование и круг интересов Каплана были на редкость разнообразны. Среди прочего он создал в 70-е годы оригинальнейшие керамические портреты персонажей гоголевских "Мертвых душ". Эти портреты были опубликованы в качестве иллюстраций в немецком издании "Мертвых душ", осуществленном в ГДР в 1981 г. (Nikolai Gogol. Die Toten Seelen. Aufbau-Verlag. 1981). Замечательный литературовед и ученый-семиотик Ю.М. Лотман, хорошо знакомый с Капланом и его творчеством, написал специально для этого издания статью "Маска в художественном мире Гоголя и маски Анатолия Каплана", опубликованную на немецком языке в качестве послесловия. Ниже приводится русский оригинал этой статьи (публикуется впервые), сопровождаемый фотографиями нескольких керамик Каплана. Статье предшествует краткая заметка Ю. Лотмана "О щедром художнике", предназначенная для книги воспоминаний об А.Л. Капане, которая так и не увидела свет. Редакция благодарит Л.М. Стротт за предоставленные ею тексты Ю. Лотмана.

Юрий Лотман (1922 — 1993) — выдающийся литературовед, историк литературы, семиотик. Основоположник советской школы структурализма. Много лет возглавлял кафедру русской литературы Тартуского университета. Автор множества книг и научных работ по истории и поэтике литературы и семиотическому анализу.

Юрий Лотман

О ЩЕДРОМ ХУДОЖНИКЕ

С Анатолием Львовичем Капланом я познакомился в 1970-х годах. Он был старше меня возрастом и был известным художником в годы, когда я еще собирался поступать в школу. Но если собрать в одно восклицание мое первое впечатление, которое не изменялось и во все остальное время наших встреч, то это будет: "Как молод этот человек!" Действительно, до последних наших свиданий этот человек сохранил черты духовной юности: щедрость рождения новых замыслов, которые он разбрасывал, как богач разбрасывает монеты, весело и беспечно; наивное доверие к людям, веселую хитрость, родственную хитрости ре-

бенка и которая на самом деле — наивность, и главное — талант. Талантов так же много, как и талантливых людей: у каждого свой талант. Но есть одно роднящее их свойство, — отсутствие берегов, вера в то, что впереди дорог больше, чем за спиной. А.Л. Каплан принадлежал именно к таким людям. Жизнь щедро оделила его трудностями. Но в душе своей он был богат. Он никогда не испытывал недостатка фантазии и чувства истощенности творческих сил.

Анатолий Львович был не только талантливым художником — он был талантливым человеком. Талантливым в жизни. Эта черта, как мне кажется, была у него от времени начала его творчества. Это было время, которое считало себя Началом, которое предпочитало в большей мере мечтать, чем помнить, и все хотело сделать заново; когда великие художники и поэты, рисуя и создавая будущее, воображали себя творцами из волшебной сказки, чьи рисунки мгновенно перевоплощались в действительность.

Но реальная жизнь не походила на волшебную сказку. Она создавала совсем другую действительность. Поэтому те, кто уцелели, дожив до преклонного возраста, оказались окруженными совсем иной жизнью. И тут сказалась одна из самых ценных сторон веселья — его мужество.

Романтическому сознанию кажется привлекательной печаль. В отчаянии оно усматривает глубину мысли. Но нам, людям, пережившим середину XX века, ясно, что веселье — единственный последний резерв, который побежденное мужество добра может противопоставить торжествующей трусости зла.

Я вижу А.Л. Каплана художником трагического веселья, таким, какова была эпоха, которую нам подарила история.

МАСКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ГОГОЛЯ И МАСКИ АНАТОЛИЯ КАПЛАНА

Мысль иллюстрировать текст поэмы Гоголя "Мертвые души" скульптурными портретами необычна и парадоксальна. Можно ли иллюстрировать литературное произведение вообще? Можно ли иллюстрировать Гоголя? Можно ли иллюстрировать словесное произведение искусства средствами скульптуры? Сомнения в возможности положительных ответов на эти вопросы высказывались достаточно авторитетными исследователями. Ю.Н. Тынянов писал: "Конкретность поэтического слова не в зрительном образе, стоящем за ним, — эта сторона в слове крайне разорвана и смутна; она — в своеобразном процессе изменения значения слова, которое делает его живым и новым. Основной прием конкретизации слова — сравнение, метафора — бессмысленны для живописи.

Самый конкретный — до иллюзии — писатель, Гоголь, менее всего поддается переводу на живопись"¹. Для нас особенно интересна ссылка Тынянова на В. Розанова, писавшего: "Ничего нет легче, как прочитать лекцию о Гоголе и дивно иллюстрировать ее отрывками из его творений. В слове все выйдет красочно, великолепно. А в лепке? — Попробуйте только вылепить Плюшкина или Собакевича. В чтении это — хорошо, а в бронзе — безобразно, потому что лепка есть тело, лепка есть форма, и повинуется она всем законам осязаемого и осязаемого"².

Таким образом, мы имеем, с одной стороны, весьма авторитетные теоретические рассуждения, доказывающие невозможность скульптурной иллюстрации к Гоголю, а с другой — не менее весомый факт существования скульптурных масок Анатолия Каплана, пластическая адекватность которых художественным образам Гоголя очевидна каждому, кто имел счастье созерцать эти поразительные скульптурные миниатюры.

Разгадка этого парадокса, видимо, кроется, с одной стороны, в особенностях художественного мира Гоголя, а с другой — в специфике артистического новаторства Анатолия Каплана. Только разобравшись в точках соприкосновения этих двух художественных миров, мы убедимся в том, что Тынянов прав — Гоголя иллюстрировать невозможно, если понимать под словом "иллюстрация" нечто привычное: жанровую сценку, бытовую картинку, преподносимую

Чичиков

читателю в качестве зрительного образа сложных метафорических смещений словесных масс в прозе одного из самых смелых фантастов XIX века. Но Тынянов (и цитируемый им Розанов) неправы, когда они возводят ограниченные возможности частной, исторически локальной бытовой иллюстрации в непреложный закон иллюстрации как таковой.

Чтобы понять, почему столь далекие друг от друга искусства, как литература и скульптура, со столь далеко разошедшейся спецификой, в данном случае соприкоснулись, надо остановиться на некоторых чертах художественного мира Гоголя, схваченных А. Капланом с глубоко проникновенной интуицией.

* * *

В центре гоголевского мира стоит не высказанный почти нигде автором прямо мир добра и красоты. Это мир потенциальных возможностей человека, его гармонической природы. Именно гармония составляет главный признак этого утопического идеала: гармония между соразмерными частями человеческого тела, гармония между душевными и телесными свойствами, гармония между неподвижной античной скульптурной красотой отдельного человека и музыкальным динамическим единством народной массы. Мир этот скульптурен и музыкален одновременно, подвижен и неподвижен, разделен на отдельные прекрасные человеческие личности и слит в единый прекрасный народ. Неподвижность и движение слиты в едином прекрасном и гармоническом идеале. Воплощение такого единства Гоголь видит в архаическом обществе гомеровской эпохи и в народной жизни современного ему Рима. Скульптурная красота человека и радость народного карнавала слиты в единую жизнь-праздник. В незавершенном отрывке "Рим" Гоголь так описал римлянку Аннунциату: "О нет, такой женщины не сыскать в Европе, об них только живут предания да бледные бесчувственные портреты их иногда являются в правильных созданиях художников. У, как смело, как ловко обхватило платье ее могучие прекрасные члены, но лучше, если бы оно не обхватывало ее вовсе. Покровы прочь, и тогда бы увидали все, что это богиня"³. Главное в этом "прекрасном человеке" (III, 243) — нераздробленная душевная целостность, полнота жизни и единство наполняющей эту жизнь страсти: "Никогда римлянин не забывал ни зла, ни добра, он или добрый, или злой, или расточитель, или скряга, в нем добродетели и пороки в своих самородных слоях

Иван Антонович

ны не сыскать в Европе, об них только живут предания да бледные бесчувственные портреты их иногда являются в правильных созданиях художников. У, как смело, как ловко обхватило платье ее могучие прекрасные члены, но лучше, если бы оно не обхватывало ее вовсе. Покровы прочь, и тогда бы увидали все, что это богиня"³. Главное в этом "прекрасном человеке" (III, 243) — нераздробленная душевная целостность, полнота жизни и единство наполняющей эту жизнь страсти: "Никогда римлянин не забывал ни зла, ни добра, он или добрый, или злой, или расточитель, или скряга, в нем добродетели и пороки в своих самородных слоях

и не смешались, как у образованного человека, в неопределенные образы, у которого всяких страстишек понемногу под верховным началом эгоизма" (там же).

Полнота жизни "прекрасного человека" выливается в музыкальном динамизме народного праздника. Гоголя привлекает римский карнавал, однако те же черты он придавал и воинственной утопии романтической Запорожской сечи: "Это было какое-то непрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой" (II, 64). Движение для Гоголя — синоним раскованности и свободы человека: "Вся толпа отдирала танец, самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо мир... Только в одной музыке есть воля человеку. Он в оковах везде.

Он сам себе кует еще тягостнейшие оковы, нежели налагает на него общество и власть везде, где только коснулся жизни. Он — раб, но он волен только, потерявшись в бешеном танце" (II, 300).

Миру "прекрасного человека" у Гоголя противостоит мир "страшного человека" и не-человека. Враждебное человеку зло имеет у Гоголя два лица. Это, с одной стороны, стихийные, страшные силы хаоса, колдовские чары, врывающиеся в жизнь человека. Они текучи и подвижны, постоянно меняя обличия (лиц у них нет). Этот мир динамичен, но, в отличие от динамизма погруженного в музыку "прекрасного народа", он лишен гармонии: здесь все может перейти во все и сочетаться со всем. Описание нечистой силы, врывающейся в "Вие" в заброшенную церковь, кажется пересказом сюрреалистической картины: предельная конкретность деталей сочетается с нарочитым расположением их в невозможных сочетаниях и пропорциях: "Он видел вначале только множество отвратительных крыл, ног и членов таких, каких никак не в силах разобрать был объятый ужасом наблюдатель. Выше всех возвышалось странное существо в виде правильной пирамиды, покрытое слизью. Вместо ног у него были внизу с одной стороны половина челюсти, с другой другая; сверху, на самой верхушке этой пирамиды, высовывался беспрестанно длинный язык, беспрестанно извиваясь. Почти под образом уселось белое, широкое, с какими-то отвисшими белыми мешками вместо ног, вместо рук белелись эти мешки, вместо глаз висели тоже белые мешки. Из них возвышалось какое-то черное, все покрытое чешуею, со множеством тонких рук, сложенных на груди, и вместо головы сверху у него

Собакевич

Коробочка

человек оказывается подхваченным все уносящим вихрем, то здесь он застывает, превращается в маску, мертвое подобие человека. Движение сменяется неподвижностью или механическими, прыгающими жестами автомата. Любимое выражение Гоголя для определения человека в таком состоянии — «окаменел». Окаменели чиновники в «Ревизоре» и в последнем акте сценического действия превратились в огромную скульптурную группу. В специальном разъяснении этого трудного для постановки места пьесы Гоголь писал: «Последняя сцена не будет иметь успеха до тех пор, пока не поймут, что это просто немая картина, что все это должно представлять одну окаменевшую группу, что здесь оканчивается драма и сменяет ее онемевшая мимика» (IV, 103).

Разные формы окаменения, застывания, кукольности заполняют бытовой мир Гоголя. Герои его перестают быть людьми — это манекены, самые движения которых — лишь псевдодвижения: скачкообразные переходы от одной неподвижности к другой. Эту особенность гоголевского «реального» мира отметил еще А. Белый: «Гоголем был осознан прием умерщвления движения с переходом жеста в застывшую мину». Тот же автор указал на созвучность такого видения мира художественному сознанию XX века: «Атом жеста, окаменев, превращает героя в неподвижную деревянную куклу, которую Мейерхольд заменил живого актера; душа превращается в мертвую, как от удара молнии; окаменевшие мертвецы присутствуют тут же при агонии»⁴.

«Бытовые» персонажи Гоголя — не люди, а «как бы» люди. Поразительно в них не то, что они отличаются от людей, а то, что, утратив полностью человече-

была синяя человеческая рука. Огромный, величиною почти со слона, таракан остановился у дверей и просунул свои черные усы...» (II, 576). В этом мире фантастического зла постоянно лишь дисгармония — внешние облики ее непрерывно меняются. Так, в том же «Вие» панночка-ведьма вбегает в виде собаки, но тотчас «это уже не собака, а панночка. Да притом пускай бы уже панночка в таком виде», как ее всегда видели, «но вот вещь и обстоятельство: что она была вся синяя, а глаза горели как уголь» (II, 204).

Однако есть другой мир зла, для Гоголя не менее страшный. Это зло обыденное, каждодневное, незаметное, пропитывающее окружающую повседневность. Если, вступая в мир космического зла,

скую сущность, они сохраняют еще известное человекоподобие. Это человекоподобие подчеркивает их глубокое отличие от гармонического идеала "прекрасного человека", который живет в душе автора, и не скрывает, а обнажает нечеловечность "мертвых душ". Собакевич настолько же похож на человека, насколько мебель и дрозд в его жилище похожи на Собакевича. С этим связана знаменитая метонимичность образов Гоголя. Гоголь не дает подробного описания внешности своих героев: он выделяет нос или бакенбарды, усы, талии и проч. Перед нами проплывают не люди, а разрозненные члены, черты внешности, части тела. Часто мы склонны считать, что Гоголь как экономный художник называет характерное

Кучер Селифан

во внешности своих героев, предоставляя нам додумывать остальное. Так Л.Н. Толстой не описывает полностью внешности Пьера Безухова или Анны Карениной, а дает нам толщину и очки одного и непокорные завитки волос на шее другой. Деталь у Гоголя имеет иной смысл: если упоминается нос, который "с выражением величайшей набожности молился", то все лицо, вся фигура этого персонажа состоит у Гоголя из одного носа — кроме носа, у него нет ничего. Если в "Мертвых душах" упоминаются "тонкие чиновники", которые имели "обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц", то очевидно, что у чиновников этих на лице ничего, кроме бакенбард или овалов, не имеется. Это не должно удивлять: ведь речь идет не о людях, а о человекоподобных существах. Ведь только одного какого-либо признака, черты внешности достаточно, чтобы придать человекоподобие той или иной бесформенной куче, подобно тому, как намек на нос, глаз или торс придает сходство с человеком какому-либо прихотливо изогнутому дереву или камню.

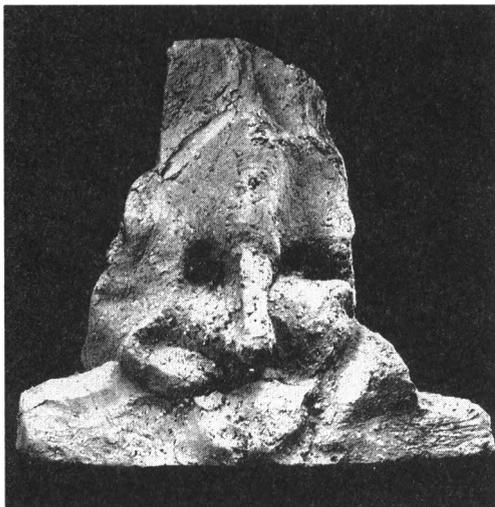
Таким образом, в самом художественном мире Гоголя — причем именно в мире его бытовых персонажей — скрыт момент пародийной скульптурности. Его герои соотносятся с застывшими и неподвижными трехмерными образами. Но эти образы — не статуи: они лишены монументальности и обобщенности, свойственных скульптуре. Это манекены и куклы, образы гротескные, притворяющиеся скульптурами, но сохраняющие всю ничтожность "существователей" и "небокопителей" — гоголевских мертвых душ.

Скульптура неподвижна. Но ее неподвижность лишь делает категорию движения наиболее значимой в структуре искусства ваяния. Неподвижность античной скульптуры отображает жизнь в ее панхронных, предельно обобщенных проявлениях: моментальное снято и отброшено как не имеющее подлинного бытия, вскрыто долговременное и вечное. Скульптура барокко создает неподвижный облик подвижного объекта. Это напряженная борьба между динамизмом художественной конструкции и неподвижностью материала. К скульптуре барокко более всего подходит гениальное высказывание Якова Бёме, что "движение — это страдание (Qual) материи".

"Портреты-маски" Анатолия Каплана, иллюстрирующие "Мертвые души" Гоголя, исключительно самобытны. Связь их с художественным миром Гоголя гораздо более органична, чем обычные отношения иллюстрации к иллюстрируемому тексту. "Портреты-маски" Каплана включены в существенное для скульптуры семантическое поле "движение — неподвижность". Однако место их в отношении к этим категориям исключительно своеобразно. Статуя барокко — это скульптурная пародия на живое тело. Несоответствие материала и объекта таит возможность целой гаммы значений — от трагических до иронических. Скульптура как бы приобретает интонацию, доносящую до нас отношение творца к своему творению.

Каплан вводит в эту систему еще один компонент: куклу, игрушку. Керамические иллюстрации Каплана — произведения сложного и необычного жанра: это скульптура, которая притворяется игрушкой, и кукла, возведенная в степень скульптуры. Между двумя крайними членами отношения "скульптура — человек" оказалась помещенной кукла. Человек превратился в куклу, и скульптура имитирует не движение, пластику, теплоту и текучесть человеческого тела, а неподвижность, угловатость, застылость, одеревенелость бывшего человека. Ирония того, что в человеке видна кукла, а в кукле — человек, порождает столь же ироническое просвечивание игрушки в скульптуре и скульптуры в игрушке. Такое художественное решение глубоко сродственно образному миру Гоголя. Тынянов и Розанов были правы в том отношении, что иллюстрация бытового текста Гоголя с помощью традиционных бытовых средств изображения невозможна: дело не только в несоответствии словесного и иконического знаков, их взаимной непереводимости, — дело в том, что быт у Гоголя только притворяется бытом, простота и наглядность его мнимая. Этому сдвинутому, рассеянному, пронизанному авторской сатирой миру может соответствовать столь же сдвинутый и необычный мир пластики. Куклы-маски Каплана корректируют Тынянова. Не в первый раз художник показывает, с какой осторожностью должен строить теоретик свое утверждение, когда желает доказать, что та или иная сфера бытия находится вне искусства, недоступна средствам данного искусства или должна быть из области искусства исключена. Одна из особенностей искусства, постоянно подтверждаемая его историей, состоит в перенесении себя в чуждую ему сферу.

Внутренняя адекватность мира масок Каплана и мира гоголевской сатиры побеждает непередаваемость слова изображением. Возникает та невозможная

Плюшкин

(VI, 8). Чтобы получить внешность своего сбитенщика, Гоголь не нуждается в такой детали, как человеческое лицо: он берет самовар, приклеивает к нему одну лишь часть человеческого облика — бороду, и человекоподобие достигнуто.

Именно на этой особенности образности Гоголя Тынянов основывал мысль о невозможности иллюстраций к нему. Но именно это роднит словесные "портреты" Гоголя и терракоты Каплана. Каплан не вылепливает всех деталей: тот или иной признак человеческой внешности торчит у него из обожженной глины, фактуру которой он тщательно подчеркивает. Иногда это какой-то ком, наделенный человекоподобием, иногда какой-то кирпич, который с помощью некоего художественного чуда одновременно оказывается и "как бы лицом".

Скульптуры Каплана, однако, совсем не карикатуры из обожженной глины. Они сродни древнему искусству, известному разным народам, — искусству игрушки из глины. От народной игрушки у них какая-то мудрая наивность, смягчающая резкую сатиру образных сдвигов. Анатолий Каплан — художник большой и органической доброты, сатира как таковая не типична для его творческой манеры. Смягчение сатиры наивностью также роднит его с Гоголем, который глубоко отличался от сатириков типа Салтыкова-Щедрина тем, что глубокая вера в примирительную силу патриархальности, наивной мудрости, идущей из глубины веков, парадоксально уживалась в нем с взглядом художника, который видел "какие-то свиные рылы вместо лиц" (IV, 93).

Родственная связь между скульптурами Каплана и культурой глиняных игрушек проявляется и в том, как следует смотреть эти маски-иллюстрации. Их надо рассматривать, вертеть в руках. Тогда происходит нечто неожиданное: мягкие тени, бегущие по грубым человекоподобным комьям лиц гоголевских персонажей, если их смотреть, разными сторонами поворачивая к свету, как бы оживляют их лица, прибавляют им человечности. Страшное отступает, вперед выдвигается смешное.

возможность, которая и составляет сущность искусства.

Выше мы приводили описание безобразного чудовища в "Вие" ("какое-то черное, все покрытое чешуею"), человекоподобие которого состоит в одной лишь детали: "Вместо головы вверху у него была синяя человеческая рука". А вот вполне бытовое описание из "Мертвых душ": "В окне помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно было подумать, что на окне стояло два самовара, если б один самовар не был с черною, как смоля, бородою"

Слияние страшного и смешного, отчаянья и надежды создает еще одну точку пересечения между текстом Гоголя и иллюстрирующими его масками Каплана.

Конечно, соотнесение разных видов искусств условно. Совпадение здесь подразумевает и расхождение. И это не недостаток, а условие существования текстов этого рода. Всякий залог успеха подлинно художественной иллюстрации связан с ее относительной самостоятельностью. Она всегда несет в себе субъективность иллюстратора. Это полностью относится и к каплановским маскам. Это Гоголь, прочтенный художником с ярко своеобразным лицом. Такая субъективность сродни субъективности режиссера, который тем ближе к автору, чем смелее выявляет свою позицию.

Ф.М. Достоевский называл свой творческий метод "фантастическим реализмом". Этот фантастический реализм корнями своими уходит в творчество Гоголя. Маски Каплана ему созвучны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ю.Н. Тынянов. Поэтика, история литературы, кино. — М., "Наука", 1977. — С. 311.

² В. Розанов. Среди художников. — СПб., 1914. — С. 279.

³ Н.В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. III. — Изд. АН СССР, 1938. — С. 476. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте.

⁴ Андрей Белый. Мастерство Гоголя. — М.-Л., 1934. — С. 161 и 162; ср.: Ю.Мани. Формула онемения у Гоголя // Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. XXX, 1971, вып. 1; Hans Gunther. Das Grotteske bei N.V. Gogol!. Formen und Funktionen // Slavistische Beiträge, Bnd 34, München, 1968.

Юрий Гусев (1939) — литературовед, критик, переводчик, в основном с венгерского языка. Автор многих работ по венгерской литературе. Живет в Москве.

Юрий Гусев

ЗНАК ОСВЕНЦИМА*

О творчестве Имре Кертеса, лауреата Нобелевской премии по литературе

“Имре Кертес — великий писатель; вероятно, Нобелевскую премию он получил бы и в том случае, если бы писал не на таком маленьком языке, как наш (венгерский. — Ю. Г.), а, скажем, по-английски”¹.

Я начал свою статью этой цитатой по одной простой причине: примерно так же я сам собирался ее начать. А поскольку Эндре Бойтар опередил меня, то мне остается лишь привести его слова.

Утверждение Бойтара можно было бы повернуть, придав ему такой вид: присуждение писателю Нобелевской премии — это как бы вручение свидетельства (диплома, сертификата) о величии. Наверное, у Нобелевского комитета бывали ошибки: там ведь, как говорится, тоже люди сидят; однако несомненная, никем не оспариваемая престижность Нобелевки тоже о чем-то свидетельствует — не в одной же солидной сумме дело!

С приведенными (и в полной мере разделяемыми мною) словами Э. Бойтара как будто не очень согласуется тот факт, что весть о присуждении Нобелевской премии Кертесу, хотя и вызвала в Венгрии фурор (ведь в его лице венгерская литература, литература — это я говорю со знанием дела — зрелая, богатая, полнокровная и во многих своих достижениях достойная того, чтобы войти в золотой фонд литературы европейской и мировой, но по несчастному стечению обстоятельств, из которых чаще всего упоминается пресловутый “языковый барьер”, все еще недостаточно известная в мире, — впервые получила столь высокое международное признание), однако в хоре откликов на это, действительно незаурядное событие звучали разные, не всегда восторженные голоса.

Начать с того, что имя Имре Кертеса не относится в Венгрии к числу самых известных и читаемых².

* Сокращенный вариант статьи, опубликованной в журнале “Вопросы литературы”, май-июнь 2003.

Правда, даже поверхностные разыскания показывают, что Имре Кертес — лауреат едва ли не всех венгерских литературных премий, в том числе премии Аттилы Йожефа и, шесть лет назад, высшей государственной премии Венгрии, премии Кошута, а также очень многих зарубежных, прежде всего немецких — например, престижной премии Гердера. И тем не менее...

В чем тут причина? Вероятно, прежде всего в том, что Кертес пишет на тему, которая нынче в наших краях мало популярна даже в среде интеллигенции. Знаю это по собственному опыту: когда я предлагал книги Кертеса для перевода и издания, реакция сводилась к тому, что, мол, ну сколько, сколько же можно об этих концлагерях!..

Пока что в Европе со своим неприглядным прошлым более или менее полно рассчитались лишь немцы. Вероятно, поэтому Имре Кертес с его "несалонной" темой больше известен в Германии, чем у себя на родине. Его произведения, кажется, до последней строчки переведены на немецкий; немцы же выдвинули его и на Нобелевскую премию. Да и живет он (оставаясь гражданином Венгрии) больше в Германии и Австрии.

Впрочем, живет он там не только потому, что там ему лучше. Но и потому, что ему хуже — в Венгрии. В интервью, данном газете "Die Zeit" спустя несколько дней после решения Нобелевского комитета, он говорит, что, собственно, чувствует себя в некотором роде изгнанником. Хотя он любит Будапешт, любит его атмосферу, его юмор, — в Будапеште ему трудно работать. Там, заявляет он, "господствует откровенный антисемитизм. (...) В средствах массовой информации открыто выступают нацисты, агрессивные националисты. (...) Это выглядит почти так же отвратительно, как в конце тридцатых годов". Кертес говорит о расколотости венгерского общества, где "непримиримо противостоят друг другу либералы и националисты"³; правда, он добавляет, что после прошедших недавно выборов ситуация, кажется, начинает меняться.

Возможно, глядя из благополучной Германии, Кертес склонен немного сгущать краски; но ведь я говорю не о ситуации в Венгрии, а о душевном состоянии писателя. Его резкие высказывания, вероятно, представляются более обоснованными, если упомянуть, что еще в 1990 г., после появления антисемитской статьи известного венгерского поэта Ш. Чоори, Кертес выступил с открытым письмом, в котором выражал гневное недовольство любыми попытками втиснуть его свободную личность (или личность любого другого человека) в тесные рамки расового, национального происхождения. "Я всегда считал своим призванием — а вместе с тем и своим писательским кредо — поиск возможности раскрыть хрупкость и ранимость моей индивидуальности перед всем миром: и перед всеми его расстрельными командами, и перед всеми чуткими сердцами, существующими в нем"⁴. И, в знак протеста против пассивной позиции руководства Союза венгерских писателей, вышел из этого союза.

Еще один факт — уже иллюстрация текущего момента. Из статей, опубликованных в "патриотической" венгерской прессе после присуждения Имре Кертесу Нобелевской премии, приведем лишь один пассаж — этакий стон души, — завершающий статью в газете "Мадяр форум": "... когда же и кто будет

первым венгерским писателем, удостоенным Нобелевской премии?"⁵ (Курсив мой — Ю. Г.)

Теперь читателю, наверное, ясно, что я имел в виду, говоря о неоднозначности восприятия венгерской общественностью известия о том, что Имре Кертес стал Нобелевским лауреатом⁶.

Думаю, уже из этого короткого, но необходимого обзора читателю становится более или менее ясно, о чем пишет в своих книгах Имре Кертес; возможно, догадывается читатель и о том, насколько сложна эта проблематика, каким непростительным упрощением было бы наклеить на нее ярлык "лагерной темы" и на этом успокоиться. Тема в литературе вообще — вещь отнюдь не нейтральная; тема — это такое шило, которое, так или иначе, обязательно вылезет из мешка даже самого формализованного анализа. А тем более такая тема, как Холокост, тема, которая взрывает любые схемы, выстроенные из самых что ни на есть прочных, легированных нарративов, заставляя литературоведа, аналитика подниматься в философские, а то и в метафизические высоты, оперировать такими не поддающимися формализации категориями, как судьба, свобода, личность, Бог, смысл жизни и т. п.

Чтобы уж закончить здесь вопрос о теме, приведу слова самого Кертеса (из его книги "Галерный дневник", вышедшей в 1992 г. и представляющей собой нечто среднее между эссе и писательским дневником): лучше, чем он, все равно не скажешь. (Запись датирована 1973-м годом.)

"Вот говорят, мол, опоздал я с "этой темой", мол, не актуальна она уже. Мол, "этой темой" надо было бы заняться раньше, лет на десять, по крайней мере, и т. д. Я же нынче снова, ошеломленный, обнаружил, что ничто меня не волнует так сильно, как миф Освенцима (Освенцим, или Аушвиц, часто фигурирует у Кертеса, да и у других западных авторов, как обобщающее понятие, как синоним слова "Холокост". — Ю. Г.). Когда я размышляю над новым романом, я опять-таки размышляю об Освенциме. О чем бы я ни думал, я всегда думаю об Освенциме. Когда я говорю как будто о чем-то другом, я все равно говорю об Освенциме. Я — медиум, посредством которого дух Освенцима обращается к людям; Освенцим говорит из меня. По сравнению с ним все мне кажется ерундой. И не только по личным причинам, я в этом уверен, абсолютно уверен. Освенцим и все, что имеет к нему отношение (а что нынче не имеет к нему отношения?), со времен креста — величайшая травма европейского человека, хотя, может быть, понадобятся десятилетия, даже столетия, пока мы это осознаем. А если не осознаем, тогда — все равно. Тогда — зачем писать? и кому?"

Таким образом, в случае Кертеса тема — это практически все: ею обусловлены и поэтика, и философия его творчества. Кроме того, сам писатель, его жизненный опыт, его отношение к миру, к самым различным его проявлениям (политике, личной жизни, творчеству и т. д.) вытекают из этой темы и возвращаются к ней. И при том у Кертеса не возникает даже тени сомнения, что тема эта в чем-то, возможно, обедняет его; если некий писатель N. пленен, скажем, морем, живет морем, посвящает все свои творческие силы морю, то у него — или у чи-

тателей, у критиков — может возникнуть мысль, что ведь в жизни есть и многое другое, не менее, может быть, интересное, чем море, — для Кертеса же тема "Освенцим" — воплощение сущностного состояния современного мира и человечества, то есть вне этой темы, вне хотя бы подразумеваемой соотношенности с ней вообще нет и не может быть ничего сколько-нибудь значительного, достойного усилий писателя.

Итак, Имре Кертес — писатель одной темы; он и тема счастливо нашли друг друга... Написав эту фразу, я чувствую, что она звучит, мягко говоря, странно, если не кощунственно — в свете тех обстоятельств, которые связали писателя с темой Холокоста (и тем не менее я не стал исправлять эту фразу: почему — выяснится в дальнейшем).

Весной 1944 г. четырнадцатилетним мальчиком Кертес, среди тысяч и тысяч других венгерских евреев, был увезен в Освенцим, оттуда в Бухенвальд и, чудом выжив там, весной 1945 г. вернулся на родину.

То, что сказано здесь в трех неполных строчках, и стало для Кертеса переживанием, которое более не отпускало его сознание. И не только в том смысле, что оставило незаживающий шрам в памяти: оно заставило его, сначала, может быть, независимо от собственной воли, а затем все более сознательно и целеустремленно изменять свое, привычное, что называется, "с молоком матери" усвоенное представление о мире, о своем месте в нем, о системе духовных ценностей, которая, с теми или иными несущественными отклонениями, для всех нас, в нашем европейском универсуме, является незыблемой основой наших вкусов, предпочтений, желаний, устремлений, действий.

Говорят: если в один прекрасный день будет неопровержимо доказано существование внеземных цивилизаций, то все наше самосознание, наш образ мысли зашатается и рухнет, человечество оцепенеет в растерянности, потому что этот новый фактор выбьет почву из-под множества постулатов, за которые мы держимся, на которые ориентируемся — пускай подсознательно... Однако не менее вероятно, что люди, во имя сохранения привычного душевного равновесия, будут тихо, но упорно отрицать очевидное.

Примерно то же произошло с человечеством, когда перед ним открылась правда о лагерях смерти (сначала гитлеровских, а затем и сталинских): поужасавшись, поахав, мы постарались если и не удалить эту ментальную занозу, то как-либо изолировать ее в сознании, окружить ее чем-то вроде чернбыльского саркофага, под которым нарыв тлеет себе, невидимо и неосязаемо: авось, при нашей жизни он и не вырвется наружу. Старая истина, которая гласит, что уроки истории никого ничему не учат, подтверждается здесь с неожиданной и трагической силой.

Имре Кертес, как показала вся его жизнь, все его творчество, относится к числу тех немногих, кто не способен ради душевного комфорта стереть из активной памяти страшную реальность, к которой он прикоснулся и в которой чудом не захлебнулся. При этом им движет вовсе не желание разделить с другими давящий на него нечеловеческий груз, тем самым в какой-то мере облегчив и свою ношу. Вероятно, банальные формулы вроде "заботы о человечестве" или

"защиты гуманных ценностей" в его случае нам мало что объясняют; точнее, может быть, сказать, что Кертес с невероятными усилиями, напрягая разум и сердце, упорно пытался и пытается понять, с чем же он столкнулся, едва вступив в жизнь, и почему то, с чем он столкнулся, воспринимается людьми как нечто едва ли не естественное, или, во всяком случае, неизбежное.

Сам по себе факт посещения преисподней еще не делает человека ни мудрым, ни талантливым: иначе к концу XX века мы были бы выше головы завалены философскими откровениями и художественными шедеврами. Имре Кертес после возвращения из концлагеря целых пятнадцать лет жил заурядной жизнью газетчика, потом рабочего: причины, которые вынудили его оставить журналистское поприще и пойти на завод, просвечивают сквозь рефлексивный стиль его повести "Английский флаг" (1991); хотя конкретики в них мало, ясно все же, что они связаны с обретением духовной зрелости и со все более острым осознанием необходимости "сформулировать" свою жизнь, а значит, определить главное дело, или, если угодно, свою миссию в этом мире. (Имре Кертесу чужда религиозность в какой бы то ни было форме. И тем не менее, как мне упорно кажется, в особенностях организации его духовного мира, в том, как он подчиняет всего себя высшей задаче — "завету", — брезжит некая древнееврейская, ветхозаветная традиция пророческого служения: должны же ведь в чем-то сказываться древние, до поры до времени дремлющие гены!)

Книга "Галерный дневник" открывается записью:

"1961. Год назад я начал писать роман.

Нужно отбросить все.

Я гулял в парке, по истлевшей прошлогодней листве. Поодаль от дорожки, меж деревьями, еще зеленела трава, на ней валялись рыжие, желтые опавшие листья, остальные пока висели на дубах, словно опущенные бессильно руки. Я чувствовал: если я буду к себе терпелив, чудо должно свершиться" (9).

(Если бы пророк Моисей вел дневник, он, вероятно, записал бы в нем что-нибудь в таком же роде — перед тем, как выйти к евреям и позвать их в сорокалетние странствия в поисках Ханаана.)

Работа над романом "Без судьбы" потребовала десять лет. Еще пять лет рукопись валялась по издательским портфелям: необычность этого текста нельзя было не почувствовать, но, наверное, именно это обстоятельство и будило в душе ответственных товарищей инстинкт самосохранения.

Приведу еще одну запись из "Галерного дневника":

"Апрель 1975 г. "Без судьбы" напечатана. Я честно заглянул в себя: свобода и пустота. Ничего не желаю, не чувствую. Разве что некоторый стыд — за суету, с какой я этого добивался. Трубы молчат. "Победа!" — вздохнул полководец и умер" (34).

(Как хотите, но мне опять видится тень Моисея...)

Таким образом, с момента возвращения из лагеря смерти до момента, когда Кертес приступил к работе над романом, прошло полтора десятка лет; причем это были годы, когда человек, в полном смысле слова, становится взрослым: из-

бавляется от детской наивности и непосредственности, обретает способность видеть себя со стороны, трезво ценить вещи и явления, отделять видимость от сути. Но процесс взросления не был у Кертеса чисто стихийным, спонтанным: создавая книгу, писатель — это видно по записям в том же "Галерном дневнике" — напряженно работал над осмыслением мира, погружаясь в лабиринты новейшей философии и человековедения: Кант, Шопенгауэр, Ницше, Кьеркегор, Дильтей, Адорно, Лукач и другие фигурируют в этих записях так же, как Достоевский, Кафка, Камю, Томас Манн, Пруст, Сартр и т. д.

И вот ты открываешь первую страницу романа "Без судьбы" и читаешь бесхитростные строчки:

"Сегодня в школу я не ходил. То есть ходил, но только чтобы отпроситься. Отец дал мне записку, мол, просит отпустить меня "по семейным обстоятельствам". Классный наставник поинтересовался, что это за семейные обстоятельства. Я сказал: отца забирают в трудовые отряды; больше классный наставник ничего не спрашивал."

Где там Шопенгауэр с Кьеркегором! Дискурс повествования — на первый взгляд — недалеко ушел от уровня какого-нибудь школьного сочинения на тему "Как я провел каникулы". Или, в лучшем случае, от идиллических романов, в которых обращались к поре золотого детства с его трогательными радостями и смешными горестями Л. Толстой, С. Т. Аксаков, А. Н. Толстой и т. д.

Однако недаром, видимо, среди писательских имен, мелькающих в "Галерном дневнике", чаще всего встречается Кафка. Кафка как мастер представить обыденность жизни так, что она, во всех своих скучновато-привычных деталях, незаметно оборачивается абсурдно-зловещей антиреальностью. Так коммивояжер Грегор Замза, проснувшись утром в своей постели, видит знакомые стены, распакованные образцы сукон на столе, портрет дамы в меховой шляпе и с муфтой, — только в привычном этом антураже он обнаруживает, что над его хитиновым животом, "коричневым, выпуклым, разделенным дугообразными чешуйками", копошатся "многочисленные, убого тонкие по сравнению с остальным телом ножки".

Кафка, проживший жизнь в общем тихую, прозаическую, "на редкость бедную событиями, во всяком случае теми, что выделяют человека из неприметного серого ряда"⁸, — генерировал жуткие, абсурдные ситуации, которыми полны его произведения, только мощью собственной фантазии, обладавшей уникальной способностью сгущать общее, растворенное в мире неблагополучие в фантастические, зловещие образы и ситуации, символизирующие надвигающийся — или, точнее сказать, наползающий — апокалипсис.

Имре Кертесу не было никакой необходимости напрягать фантазию: апокалипсис входил в жизнь вокруг него вполне конкретными реалиями. Метаморфоза, которая постигла Дюри Кёвеша — так зовут юного героя (нарратора) книги "Без судьбы", — столь же незаслуженна им, столь же несправедлива, что и превращение Грегора Замзы; разница лишь в том, что в метаморфозе Дюри нет ничего фантастического: основанием для нее служили юридически грамотно сформулированные законы, декреты и т. п. Но суть в том, что поведение Дюри Кёве-

ша совершенно аналогично поведению Грегора Замзы: ни тому, ни другому и в голову не приходит сопротивляться фактору, который столь катастрофически изменил их экзистенциальную сущность, их место в мире, оба воспринимают этот фактор (Грегор — облик насекомого, Дюри — желтую звезду) как не подлежащую сомнению, даже обсуждению данность.

"Утро было солнечное, совсем теплое для начала весны. Мне даже захотелось расстегнуться, но я подумал: все-таки ветерок дует, хоть и несильный, еще распахнет куртку, откинет на сторону полу — и закроет желтую звезду на отвороте, а это против правил. Нынче в некоторых делах надо быть осмотрительнее". Почему надо быть осмотрительнее? Для того, чтобы (здесь вполне можно повторить ход мыслей Грегора Замзы) "своим терпением и тактом облегчить семье ("семью" в данном контексте можно понимать и в самом широком смысле: круг знакомых, даже общество в целом, общество, которое "мудрыми" законами поделено на людей нормальных и людей с желтой звездой, то есть почти что и насекомых. — Ю. Г.) неприятности, которые он причинил ей нынешним своим состоянием (или: может причинить, если, из каких-либо деструктивных побуждений, не захочет принимать "нынешнее свое состояние" как должное. — Ю. Г.)".

Здесь, вероятно, самое время обратиться к понятию "судьба", которое в системе взглядов Имре Кертеса играет важную, даже ключевую роль: недаром же оно фигурирует в заголовке его главного произведения.

Читателя, привыкшего к выражениям вроде "волею судеб" (что в широком словоупотреблении равнозначно другому подобному выражению: "по воле рока"), "судьба играет человеком", "от судьбы не уйдешь (не спрячешься)" и т. п., — роман "Без судьбы" в каком-то смысле ставит в тупик: если тебя объявляют человеком третьего сорта, обозначив твою третьесортность особой, бросающейся в глаза нашивкой, затем, выхватив из толпы на улице, отправляют, вместе с такими же обездоленными, в специальное, огороженное колючей проволокой место, предназначенное для уничтожения — может быть, после рациональной утилизации твоих сил (а то и — уж совсем рациональной — утилизации твоей кожи, волос и т. п.) — подобного лишнего человеческого материала, — то можно ли сказать, что ты лишен судьбы?

Пускай не очень внятно, но, скажем, в русском языке существовало, да и сейчас, наверное, существует различие в значениях слов "судьба" и "рок"; первое понятие связано было с неким высоким предназначением, часто исходящим от Бога, тогда как второе ассоциируется с темной, неразумной силой, со случаем. "Не рок слепой, премудрыя судьбы!" — приводится, например, у Даля. Моисей, которому Богом поручено вести евреев в землю обетованную, не слепо и бездумно подчиняется высшей воле: он сознательно берет на себя великую миссию. Подобных примеров и в Ветхом, и в Новом Завете — множество, и самый красноречивый из них — подвиг Христа, выполнившего свою судьбу, то дело, которое судил ему, во имя гармонии на Земле, Отец Небесный.

Как бы там ни было: связаны ли представления Имре Кертеса какой-либо преемственностью с древнееврейской, библейской традицией или независимы от нее, — понятие "судьба" в его произведениях носит специфический харак-

тер. Судьба — это волевое, активное выполнение человеком своего предназначения в жизни; как ни странно, но понимание это близко по сути марксистскому положению о "познанной необходимости", то есть представлению о свободной, суверенной творческой личности, которая в своем противостоянии обстоятельствам и реализует себя как личность. В подобных представлениях нет — в отличие, скажем, от того же Кафки — и намёка на романтизм; разве что унаследованное от романтизма уважительное отношение к личности, нежелание растворять ее в массе, в коллективе. А следовательно, нет и розовых, упрощенно-бесконфликтных иллюзий относительно возможностей гармонического бытия человека в обществе. Напротив, достойный модус бытия неотделим от конфликтов, внутренних и внешних, от трагедийности.

"Что я называю судьбой? — записывает Кертес в "Галерном дневнике" в самый разгар работы над романом "Без судьбы". — Во всяком случае, возможность трагедии. Однако внешняя детерминированность, стигма, которая втискивает твою жизнь в некую ситуацию данного тоталитаризма, в некое абсурдное состояние, лишает тебя этой возможности. Таким образом, если выпавшую на твою долю детерминированность ты проживаешь как реальность, проживаешь вместо необходимости, которая вытекает из твоей собственной — пускай относительной — свободы, то это я и назвал бы ситуацией без судьбы" (15).

Пятнадцатилетняя дистанция, отделяющая вернувшегося из Бухенвальда подростка от взрослого писателя, который взялся изложить на бумаге то, что ему довелось пережить, находит выражение и во внутренней структуре романа. Кертес сознательно дает возможность своему герою, Дюри Кёвешу, говорить от первого лица, как бы синхронно передавая свои впечатления, наблюдения, ощущения. Сам же писатель остается незримым (кажется, к такому случаю подходит термин "имплицитный автор"): он не просто позволяет нарратору максимально возможную степень непосредственности, но зачастую сам отождествляется с ним, разделяя и его наивные надежды, и его недоумение, растерянность, когда надежды и иллюзии лопаются, производя в неокрепшей душе подростка болезненные, часто непоправимые разрушения. Собственную, "взрослую" позицию Кертес обозначает лишь изредка и очень тонко, преимущественно в форме иронии, которая в первом приближении как бы имитирует простодушие Дюри Кёвеша, но на самом деле слишком глубока для него: будь Дюри способен на такую иронию, он не был бы Дюри Кёвешем, то есть или не попал бы так легко, как кур во щи, в лагерь смерти, или погиб бы там в первые же дни.

Позиция Кертеса, таким образом, это позиция наблюдателя, маскирующегося под объект своего наблюдения. И он тем тщательнее скрывает свою особость, что выводы, которые ему предстоит сделать на основе этих наблюдений, имеют решающее, судьбоносное значение — не столько для объекта наблюдения, Дюри Кёвеша (у того, как можно судить по самому факту воспоминаний, самые страшные испытания позади: вспоминать о пережитом способен ведь только тот, кто, как минимум, жив и, как максимум, сохранил себя как субъект в мире), сколько для самого автора и, в его лице, для всего человечества.

Следя за Дюри Кёвешем, за его хождением по мукам (которое отличается от страстей Господних не тяжестью унижений и испытаний, но прежде всего тем, что они лишены высокого смысла, ради которого шел на муки Спаситель, лишены вообще какого-либо логического смысла, если не считать таковым параноидальные мании безумцев, получивших в свои руки безграничную власть), Кертес, конечно, ищет возможность определить предел физических и психических страданий, порог, отделяющий жизнь от смерти, человеческое существо от пассивного, обладающего лишь примитивными рефлексами комка плоти, годной только для крематория. Сама по себе эта задача, по-видимому, небезынтересна; тем более что писателю с почти неправдоподобной, гипнотической достоверностью удастся зафиксировать момент, когда его "герой" (какой странный эвфемизм! ведь речь-то идет о самом Имре Кертесе, пускай и прожившем с тех пор полтора-два десятка лет) практически утрачивает связь с жизнью. Чтобы закрыть этот аспект темы, приведем небольшой отрывок из романа "Без судьбы".

Дюри Кёвеш повествует, как его, вместе с другими солагерниками, уже не способными принести пользу на заводе, возвращают — "так отсылают назад, отправителю, письма, не нашедшие адресата" — в Бухенвальд. На станции назначения всех их, и еще живых, и умерших в пути, выбрасывают из вагона на землю, чтобы рассортировать этот жалкий груз. "Мне... казалось, что лежал я долго, мирно, покойно, не испытывая ни любопытства, ни нетерпения, там, где меня положили. Ни холода, ни боли я не чувствовал; скорее разум, чем кожа позволяли мне ощутить, что на лицо мне сыплется что-то колючее, среднее между дождем и снегом. О чем-то я размышлял, что-то разглядывал — что попадало, без лишних движений, без утомительной необходимости поворачивать голову, в поле моего зрения: например, серое, непроницаемое небо, а если говорить точнее, свинцовые, лениво ползущие зимние тучи, которые это небо от меня закрывали. При всем том тучи иногда разрывались, и в серой их массе то там, то здесь неожиданно возникали, на долю мгновения, щели, просветы, и это было что-то вроде внезапной догадки о некой бездонной глубине, откуда в такие моменты на меня словно падал быстрый пронизательный взгляд; там чудились чьи-то глаза, неопределенного цвета, но, несомненно, светлые — они напоминали глаза врача, который меня осматривал когда-то давным-давно, еще в Освенциме. Непосредственно возле меня находился неуклюжий предмет — башмак с деревянной подошвой; с другой стороны — серая шапка, похожая на мою, и два торчащих выступа: нос и подбородок — с темным провалом меж ними. Дальше смутно виднелись другие головы, другие предметы, другие тела; я понял, что это — остатки прибывшего транспорта, или, если употребить более точное слово, отбросы, временно сваленные тут, на обочине".

В этой цитате (что там ни будут говорить редакторы, я не соглашусь ее сокращать) более или менее начитанный человек рано или поздно уловит нечто очень-очень знакомое. Я, тоже более или менее начитанный, не стал (бы) исключением. Но буду честным: я не успел дойти до конца цепочки, меня опередили. И мне лишь оставалось с досадой хлопнуть себя по лбу, когда конец цепочки об-

наружился в статье венгерского критика Дёрдя Вари⁹... Но дело в конце концов не в первенстве: важнее то обстоятельство, что в этой сцене, конечно же, выявляет свое присутствие тот имплицитный автор, который так успешно прятался за беспомощной, чуть-чуть суетливой фигурой Дюри Кёвеша. Разумеется, не сорванный со школьной парты подросток, а журналист, переводчик, писатель способен наметить такую явную аллюзию на знаменитый эпизод "Войны и мира", эпизод с князем Андреем Болконским, который, будучи тяжело ранен в Аустерлицком сражении, на краю небытия ощутил блаженную отрешенность от всего земного, бренного. "Над ним не было ничего уже, кроме неба, — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. "Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, — подумал князь Андрей, — не так, как мы бежали, кричали и дрались; (...) совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видел прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу...!" (24, IV, 354). И уж точно сам Кертес решает это сопоставление в иронически-пародийном ключе, хотя пародия эта — пародия горькая, черная: князь Андрей в своей полурастворенности в небытии увидел Наполеона, "своего героя"; Дюри Кёвешу мимолетный просвет в тучах напоминает лишь равнодушный взгляд лагерного врача из Освенцима. Князя Андрея французский император, отдавая должное доблести русского офицера, велит поскорее снести на перевязочный пункт; Дюри слышит, как кто-то из лагерных санитаров, обнаружив, что в одном из лежащих рядом тел еще теплится, вопреки всему, воля к жизни, вяло удивляется: "Was? Du willst noch leben?" ("Что? Ты еще жить хочешь?"). Князь Андрей, прикоснувшись к вечности, со всей страстью желает, чтобы стоявшие над ним люди — среди которых Наполеон — "помогли ему и возвратили бы его к жизни, которая казалась ему столь прекрасною, потому что он так иначе понимал ее теперь" (367). Дюри Кёвешу стон соседа, протестующего против того, чтобы его считали мертвецом, представляется противоречащим порядку вещей: "в самом деле, желание это, желание жить, в ту минуту и мне показалось странным, не поддающимся объяснению, в общем даже нелепым. Тогда я решил про себя, что не буду, пожалуй, поступать столь же глупо".

Таким образом, имплицитный автор недвусмысленно демонстрирует нам: в том, что его герой оказался не в числе превращенных в золу, а в числе выживших, нет ни грана его собственной воли. Только слепое стечение обстоятельств, только случайное решение санитаров способствовали тому, что бессильное тело его оказалось на грубо сколоченной тележке, среди других, еще не остывших тел, и его куда-то повезли. "Одна вещь меня занимала; одна мысль, один вопрос, всплывший в этот момент в сознании. Возможно, это моя вина, что я не знал на него ответа; я никогда не был настолько предусмотрительным, чтобы поинтересоваться, каковы здесь, в Бухенвальде, обычаи, каков порядок, принятый метод, иными словами, как здесь это делают: газом ли, как в Освенциме, или, может быть, с помощью какого-нибудь лекарственного средства, о чем я тоже там слы-

шал, или пулей, или еще как-нибудь по-другому, одним из тысячи других способов, для которых у меня просто не хватает знаний. Во всяком случае, я надеялся, это не будет больно..."

Едва ли не более красноречивым, чем это равнодушие, выглядит то обстоятельство, которое в какой-то мере пробудило в угасающем самосознании Дюри Кёвеша если не волю, то некий слабый интерес к жизни. С вершины холма, с дороги, по которой его везут, Дюри видит склон, расчерченный проволочными изгородями, рядами барачных, мощными лагерными улицами, по которым целеустремленно движутся по своим делам группы лагерников. И вот — "откуда-то донеслось металлическое погромоухивание, словно знакомый с детства колокольный звон, который ты слышишь иной раз даже во сне, и ищущий взгляд мой вскоре обнаружил отряд с шестами на плечах и с висящими на шестах парящимися котлами, и по кислотоватому запаху, долетающему оттуда, я догадался: никакого сомнения, это был суп из кормовой репы. Догадался — и тут же пожалел о своей догадке: зрелище это, аромат этот пробудили в моей, уже бесчувственной, казалось бы, груди щемящее чувство, взбухающая волна которого сумела выдавить из давно высохших глаз несколько теплых капель, смешавшихся с холодной влагой, оседающей на лице. И — что там все доводы разума, здравый смысл, трезвый расчет — в душу мне прокралось, прокралось исподволь, что-то вроде тихого, но ни с чем не смешиваемого желания, что-то вроде упрямой, хотя и стыдящейся своего безрассудства мечты; я понял: мне хочется, мне очень хочется еще немного пожить в этом прекрасном концлагере".

Возможно, если бы Кертес ничего больше не написал, кроме этих страниц, на которых он так бесстрастно и точно (потому что — со знанием дела, на основе личного опыта) изображает угасание, редуцирование человеческой личности, человеческого самосознания, на этом уровне мало чем отличающегося от "самосознания" земляного червя или даже травы, — его имя все равно бы должно было войти в число лучших знатоков человеческой души, человеческого естества. Но основная сфера интересов Кертеса — в другом. Наблюдая за тем, что происходит с его героем, Дюри Кёвешем, на различных этапах его страшного пути, от желтой звезды до товарных вагонов, в которых, подобно дровам, перевозят человеческий материал, до рационально организованной структуры лагеря, где этот материал так или иначе утилизируют, до лагерных лазаретов, где из него отсеивают то, что еще может на что-то сгодиться, — писатель пристально следит, где, как, в каких условиях проявляют себя, прорываются те или иные черты человеческого, то есть возвышающего существо *homo sapiens* над всем остальным органическим миром, и чем это кончается.

Все-таки, судя по всему, перед Имре Кертесом — во всяком случае, в те годы, когда он работал над своим романом "Без судьбы" — постоянно витал зловеще-фантастический образ гнусного хитинового уродца из "Превращения": в поведении Грегора Замзы он видел пример того, как человек по собственной воле пытается "детерминацию, выпавшую ему по какому-то случайному раскладу, преобразить в собственную судьбу" (15). Путь этот — губителен; но губителен и другой путь — бунт против детерминации, ибо в обоих случаях "на-

вязанная извне детерминация (то есть сугубо внешний произвол, который ты должен принять как естественное начало, зная при всем том, что теоретически он подчинен твоей человеческой власти — и что ты все же не властен его изменить) воспринимается как реальность, в то время как детерминирующая сила, эта абсурдная в своей сути власть, торжествует над тобой одним-единственным способом: она находит для тебя имя, которое твоим именем не является, и делает тебя своим объектом, хотя родился ты для другого" ("Галерный дневник", 16).

Сложные эти размышления выливаются в простой (во всяком случае — однозначный; до простоты тут еще расти и расти: как человеку в марксистской антропологии расти и расти — да и дорастешь ли? — до идеального состояния "человека, равного самому себе") вывод: восставая ли против внешней детерминации, смиряясь ли, сосуществуя ли с ней, человеческое существо должно оставаться суверенным, самодостаточным.

Одним словом — личностью.

Вместе с тем, конечно же, нет нужды особо останавливаться на том, что личность — отнюдь не одинокий, изолированный от общественного, исторического контекста, плавающий в некоем абстрактном пространстве пузырек. Личность — это сплетение нитей, тянущихся от различных контекстов: исторического, социального, национального, профессионального, семейного и т.п. Даже Грегор Замза в облике насекомого остается в какой-то степени коммивояжером, сыном, братом и т. д.; хитиновая оболочка отделяет его от привычных жизненных контекстов, но не обрывает внутренних связей с ними. Наличие этих связей — как некая система опор и стяжек — облегчает бытие, и это особенно очевидно, может быть, не в фантастической, а в реальной, слишком даже реальной ситуации, в какой оказался Дюри Кёвеш.

Но останемся пока что на уровне индивидуального опыта, индивидуального бытия. Тектонические толчки и оползни, в 40-х годах XX века слившиеся в катастрофический (не только для венгерских евреев и далеко не только для Венгрии) катаклизм, обострили вопрос о социальной и национальной принадлежности человека. Национализм и особенно его экстремистская составляющая, нацизм, вытолкнули на авансцену, поставили под удар прежде всего евреев. Что, в свою очередь, и от евреев потребовало особого поведения: сплочения, укрепления солидарности или по крайней мере сочувствия и взаимопомощи.

Беда — или счастье? — лишь в том, что человек очень часто ощущает себя шире, больше той ячейки, в которую заталкивают его даже самые неодолимые обстоятельства. Дюри Кёвеш, родившись и выросши в еврейской семье и, более того, безропотно носящий на отвороте куртки желтую звезду, дальше этого отождествиться со своей (расой? породой? нацией? — тут и точного понятия-то не подберешь: настолько различны люди, которых объединяют понятием "евреи")... скажем так: с другими евреями не может и не хочет. Между тем реакция, естественная для преследуемого сообщества, предписывает ему именно это. Такого рода импульсы он ощущает и в семейной среде: отец, мачеха, ближайшее окружение — все смотрят на него по-особому, ожидая от него каких-то специальных

эмоций, слов, поступков. Не вполне понимая, что именно от него требуется, Дюри реагирует на эти импульсы так, чтобы не огорчать и без того подавленных людей. Но вот появляется некто дядя Лайош, дальний родственник, который, как бы выполняя негласное поручение всего сообщества, проводит с мальчиком доверительную беседу, с целью объяснить тому положение вещей, открыть глаза на суть происходящего, указав тем самым единственно верную линию поведения. "Отныне — так он говорил — ты тоже участник общей еврейской судьбы; потом он растолковал все это подробнее, упомянув, что судьба эта — тысячелетиями продолжающиеся непрестанные гонения", которые однако евреями "должны приниматься со смирением и жертвенным терпением, ибо удел этот назначен им Богом".

Воспитанный в духе почтения к старшим, Дюри отвечает дяде Лайошу послушным "да". И лишь в своем нарраторском внутреннем монологе добавляет к этому "да": "Хотя я не совсем точно понял его (дяди Лайоша. — Ю. Г.) ход мысли, особенно то, что он говорил о евреях, об их прегрешении и об их Боге".

Эпизод этот, как бы даже, в контексте повествования, проходной, изложенный в будничном тоне, на самом деле играет в романе ключевую роль. Ведь дядя Лайош (характерно, что его имя — самое заурядное венгерское имя, в нем ничего еврейского нет, и этот штрих лишний раз подчеркивает объективность его мнения) в своих незатейливых рассуждениях выражает суть той чудовищной констелляции, в которой сошлись в новом времени людоедская жестокость различных разновидностей тоталитаризма и внутренняя готовность едва ли не большинства евреев стать жертвами этого людоедства — во имя некоего древнего, ветхозаветного мифа, где идея избранничества (не очень для нас, современных людей, логично) сочетается с готовностью к поголовной гибели.

Миф, ставший частью сознания и проникший в подсознание, обрекал миллионы и миллионы людей, верящих в божественное провидение или давно не верящих в него, покорно идти в гетто, в концлагеря, под расстрел, в газовые камеры. Дядя Лайош, открывая Дюри Кёвешу глаза на его еврейскую судьбу, на самом деле отнимает у мальчика право на судьбу, "дает ему в руки готовую схему осмысления себя и своей жизни, дает ему готовое сообщество. Проблема лишь в том, что таким пониманием индивида и истории он, если и не поддерживает морально, то, тем не менее, придает событиям легитимность, признает их. Поскольку же он способен воспринимать Холокост и (будущие) жертвы в одном нарративе, то внутри этого нарратива он оставляет (...) совсем незначительное место сопротивлению"¹⁰, — пишет венгерский исследователь Д. Капоши (и, если не считать понятия "нарратив", которое здесь топорщится как-то особенно неуклюже, я с ним полностью согласен).

Надо отдать должное писательскому такту и чувству меры Кертеса: "имплицитно" управляя своим героем, он не делает из Дюри Кёвеша какого-то плакатного борца сопротивления. Дюри в общем-то сам не знает, куда ему приткнуться, в какое сообщество влиться, чью судьбу разделить. Правда, еврейский "нарратив", или, лучше сказать, еврейский миф ему явно претит: находясь в гетто, затем в концентрационных лагерях, среди массы евреев, он не уподобляется

им. Недаром, столкнувшись с группой особенно упорных ревнителей еврейской идентичности (почему-то их зовут в лагере "финнами"), он слышит такое презрительное замечание: "Di bist nist ka' jid (рискну перевести это так: "Никакой ты не еврей!"). Однако не следует видеть тут какой-то, скажем, брезгливости, или тем более проявления такой отвратительной вещи, как еврейский антисемитизм. Дюри просто-напросто шире, разностороннее своего еврейства, как, скажем, русский способен быть шире и богаче узко понимаемой "русскости", как человек в принципе шире и богаче, чем человек такой-то нации. Отношение Дюри Кёвеша к еврейству станет более понятным, если вспомнить отношение к своему еврейству самого Имре Кертеса. В цитированной выше статье 1990 года, заявляя о своем выходе из Союза венгерских писателей, Кертес, в довольно не свойственном ему эмоциональном тоне, писал: "Не желаю терпеть, чтобы меня лишали моей индивидуальности; не желаю терпеть, чтобы, по прошествии тюремных десятилетий тоталитаризма, меня заталкивали — евреи ли, не евреи ли — в дефиницию "еврейства". "Еврейства" — если не считать словарного понятия — просто не существует. А если и существует, я об этом не знаю. Никогда не отказываясь от своего происхождения — этой случайности, определенной в небесах, — я не стану терпеть ущемления, совершенного из-за моих метрических данных. (...) Я не прятался и не прячусь ни в какую расовую, национальную или групповую идентичность; ни от одной расы, нации, группы я не прошу полномочий, чтобы стать ее рупором, чтобы ее именем судить, отвергать, предавать анафеме"¹¹.

Имплицитный автор — опираясь на тот очевидный факт, что его герой, как это ни невероятно, выжил, — с некоторым даже академическим любопытством всматривается в печально-гротескную эволюцию самосознания Дюри Кёвеша, в этапы "воспитания" его чувств (Э. Бойтар метко называет "Без судьбы" анти-Bildungsroman'ом, — см. цитированную статью). Конечно, есть определенный элемент черного юмора (или: черной иронии) в эпизодах, когда Дюри, движимый естественной для подростка, почти еще ребенка, потребностью "прислониться" куда-то, к чему-то большому, надежному, пытается видеть в сокамерниках подобие семьи, о которой пекутся умные, по-отцовски заботливые, умеющие все предусмотреть, устраняющие хаос и беспорядок, корректные, внушающие симпатию люди — эсэсовцы.

Кертес не переоценивает возможностей своего героя: лагерный распорядок, рассчитанный на что угодно, только не на укрепление здоровья и психики свеженных сюда людей, перемалывает Дюри Кёвеша: проблематика судьбы, свободы, личности отходит далеко на задний план, когда Дюри (в данной ситуации "нарратор" — слишком высокое для него слово), узнав в лагерном лазарете о приходе американцев и услышав слова об освобождении, реагирует на них неадекватно — или, наоборот, сугубо адекватно тогдашнему своему состоянию: "Но напрасно я напрягал слух: в этом объявлении (объявлении, звучащем по лагерному радио. — Ю. Г.), как и во всех предыдущих, я слышал только про свободу — и не слышал никакого намека, никакого упоминания о том, почему не несут баланду".

Заключительные главы романа "Без судьбы" дались Кертесу, думается, нелегко. С одной стороны, он должен был, ради художественной цельности, сохранять имплицитное авторское присутствие, то есть не демонстрировать, не выпячивать своего превосходства над нарратором, разделяя, в частности, его беспомощность, его косноязычие в попытках выразить, для себя и для других, то страшное знание, которое тот вынес из лагерей смерти. С другой стороны, надо же было и сформулировать некоторые выводы — для того, чтобы жить, с бременем этого знания, дальше. А главное, чтобы сделать свой опыт приемлемым и для других.

Может быть, способ, который писатель нашел для решения этой сверхтрудной дилеммы, нельзя признать единственно возможным; но он, мне кажется, в данных условиях оптимален. Кертес сохраняет достоверность образа своего героя. Возвратившись в Будапешт и встретившись — не с родными (отец Дюри погиб в Маутхаузене, мачеха вышла замуж, судьба других неведома), а с двумя стариками из круга прежних знакомых, Флейшманом и Штейнером, Дюри Кёвеш пробует поделиться с ними хотя бы частью обретенного им опыта — и обнаруживает полное свое бессилие. Оба старика, которых случай, удачное стечение обстоятельств уберегли от смерти, не способны понять путаных рассуждений Дюри: отчасти потому, что он, шестнадцатилетний, неизмеримо старше их по пережитому опыту, отчасти же по той простой причине, что опыт этот отнюдь не добавил ему духовной, интеллектуальной зрелости. Высказывания мальчика (например, на совет Штейнера постараться забыть "все эти ужасы" — ведь "нельзя начинать новую жизнь с таким грузом, — Дюри с искренним удивлением отвечает, что "памяти-то своей он приказать не может"; "и вообще, сказал я, я не заметил, чтобы там были какие-то ужасы") вызывают у стариков недоумение и даже раздражение.

И не только у стариков.

Вероятно, со стороны Кертеса это гениальный прием: он не вкладывает в уста нарратора все объясняющие догадки, понимая, видимо, что они звучали бы — на фоне всего романа — ходульно. Это ведь только Павел Корчагин, сделанный из закаленной стали, может подарить читателю чеканную, но совершенно ни на что не пригодную сентенцию насчет того, что "жизнь должна быть прожита так, чтобы не было мучительно больно...", ну и так далее. Мысли и выводы Дюри Кёвеша сбивчивы, противоречивы, темны; в них скорее — интуитивное нащупывание пути к истине, чем логические шаги к ней. Они как некие коварные камни на дороге, о которые читатель спотыкается, даже набивает шишки, — чтобы в конце концов задуматься об их смысле, чтобы долго — в оптимальном случае: никогда — не забывать их.

Но среди этих загадок и зацепок особенно выделяется одна, специально, видимо, прибереженная Кертесом на самый финал романа "Без судьбы". Приведу этот фрагмент почти полностью.

"... Когда я огляделся на этой тихой вечерней площади, на этой полуразрушенной и все же полной обещаниями улице, я ощутил, как растет, как копится во мне готовность: я буду-таки продолжать свою, не подлежащую продолжению,

жизнь. Меня ждет мать, она наверняка будет мне рада, бедняжка. Помню, когда-то она мечтала, чтобы я стал инженером, врачом или кем-нибудь в этом роде. Так оно наверняка и будет, так, как она захочет; нет такой нелепицы, которую мы бы не пережили совершенно естественно; на пути моем, я знаю, меня подстерегает, словно какая-то западня, счастье. Ведь даже там, у подножия труб крематориев, было, в паузах между мучениями, что-то, что походило на счастье. Все спрашивают меня об "ужасах", о трудностях; а для меня самым запоминающимся останется именно это. Да, об этом, о счастье концлагерей, надо им рассказать в следующий раз, когда они спросят.

Если спросят. И если я сам этого не забуду."

Мне кажется, в этом абзаце Кертес не просто оставил интригующую загадку, которая не оставит читателя в покое: он решается здесь на некий эпатаж, на провокацию (хотя для него, человека скорее замкнутого и скованного, эпатажного поведения ожидать трудно). Конечно, известны феномены вроде тоски моряка по океану, полярника — по льдам, фронтовика — по окопам. Однако во всех этих ситуациях экстремальные условия служат предпосылками для проявления лучших человеческих сил; в концлагере же, как это убедительно демонстрирует роман "Без судьбы", человеческое только подавляется, вытравляется, убивается.

Пометавшись в расшифровке этого феномена, царапающего логику, здравый смысл, чувство меры, даже, если угодно, вкус, — этого странного словосочетания, "счастье концлагерей", попытавшись найти ответ у других литературоведов, писавших о Кертесе (удивительно, как авторы, лихо оперирующие нарративами, антинарративами и т. п., робко обходят этот, лезущий на глаза вопрос!), я пришел к выводу, что выход тут один: нельзя прочесть "Без судьбы" — и ограничиться этим. Кертес и его тема тут только начинаются.

Еще раз позволю себе сослаться на древнееврейскую духовную традицию, которая, возможно, подспудно, где-то на генетическом уровне, работает в творческом сознании Имре Кертеса. Я имею в виду вот что: в еврейском культурном континууме есть главный алмаз, шедевр, полный мудрости, но изобилующий и загадками — Тора. И вокруг Торы — множество толкований, комментариев, дополнений, объединенных в Талмуд (возможно, я в чем-то неточен: да простят меня ортодоксальные евреи).

Если "Без судьбы" сравнить с Торой, то последующие романы и эссе Кертеса — это до сих пор пополняемый, дописываемый им Талмуд.

"Галерный дневник" (1992) я уже не раз упоминал и цитировал. Небольшую повесть "По следам" (1977 — 1997) мне довелось перевести на русский; это, кажется, единственная вещь И. Кертеса, написанная от третьего лица: некий безымянный "путешественник" приезжает, спустя много лет (возможно, влекомый той самой "ностальгией"), в те места, где когда-то познал страшную, извращенную, разочаровывающую в самой идее гуманизма сторону современной истории; видя благоустроенный, чистый, гордый своими культурными традициями городок (в нем легко узнается Веймар) и благоустроенный, чистый музей на месте барачных и крематориев концлагеря (Бухенвальда), путешественник испыты-

вает одновременно и облегчение, и разочарование, даже опасение: не превратится ли позор XX века в заурядный туристский аттракцион?

Роман "Фиаско" (1988) — одна из самых сложных книг Кертеса. Здесь он, разделив имплицитного автора и нарратора из романа "Без судьбы", материализует их в отдельные, в какой-то степени самостоятельные фигуры. Дюри Кёвеш, спустя много лет после освобождения из концлагеря, принимается писать свой роман. Но этот бывший нарратор существует внутри другого романа, создаваемого бывшим имплицитным автором, который здесь фигурирует как Старик. Размышления обоих этих персонажей — это печальная рефлексия о том, как бесплодны любые попытки передать людям свой душевный опыт, как этот труд изнашивает и изнуряет автора-творца, который, создавая книгу, создает тем самым и собственную жизнь, сознавая, что плод его усилий будет стоять на полке среди множества других книг, "ожидая, что на него, может быть, упадет когда-нибудь блуждающий взгляд редкого покупателя". Оба персонажа терпят в сущности то же фиаско, которое потерпел Дюри Кёвеш в романе "Без судьбы", когда попытался объяснить то, что он понял в итоге своего хождения по мукам, Флейшману и Штейнеру. Недаром доминирующей в "Фиаско" становится фигура Сизифа, чей камень в конце концов сотрется от бесконечного вкатывания на гору, "и однажды Сизиф обнаружит, что давным-давно уже, рассеянно насвистывая, пинает в пыли перед собой серый голыш".

Больше всего ответов на загадки, оставшиеся в романе "Без судьбы", можно найти, пожалуй, в романе "Кадиш по нерожденному ребенку" (1990); правда, и эти ответы чаще всего неоднозначны: писатель как бы все более утверждает в мысли, что определенных, четких ответов в жизни вообще не существует. Еще во время работы над первым романом Кертес записал в "Галерном дневнике": "Я никогда бы не смог стать отцом другого человека" (16). "Кадиш..." — это его (опять же не буквально понимаемое) объяснение тому, почему он так и не решился взять на себя ответственность за судьбу ребенка, не только наделив его определенным характером, но и "облагодетельствовав" такой чертой, в современном мире подчас играющей роковую роль, лишаящей человека собственной судьбы, как — национальность ("пятый пункт", по нашей трогательной советской терминологии). Зато в этом романе я нашел довольно ясные — глубоко продуманные и прочувствованные — высказывания на другие, такие важные для Кертеса темы.

Безыллюзорно-стоическое представление писателя о современном мире, окрашенное, обусловленное полученными в ранней юности (когда большинство людей отдаст дань розовым надеждам) впечатлениями, к этому моменту — Кертесу уже далеко за пятьдесят — утрачивает зыбкость, расплывчатость. Его отношение к духовным ценностям, на которые ориентируются в жизни самые разные люди, теперь настолько четки, что он высказывает свое мнение о них в форме, почти афористической. В центре его мировосприятия — по-прежнему Освенцим (как широкое понятие): о, как он не согласен с теми, для кого концлагерь — надоевшая мысль о неприятном! "...Просто-напросто мы не в состоянии, не способны забывать, так уж мы сотворены, для того мы и живем, чтобы знать

и помнить, и может быть, даже скорее всего, даже почти наверняка — для того знаем и помним, чтобы было кому стыдиться за нас, если уж он нас сотворил; да, да, вспоминаем мы для него, кто или есть, или нет: в конечном счете один хрен; суть в том, чтобы мы помнили, чтобы мы знали и вспоминали, чтобы кому-то — неважно, кому — было стыдно из-за нас и (может быть) за нас".

Впервые, пожалуй, Кертес со всей определенностью высказывает здесь свои взгляды на добро и зло, протестуя против модного в наше время — потому что уж очень удобного! — представления об иррациональности зла, так свободно гуляющего в мире. "Бросьте вы наконец твердить, что Освенциму нет объяснения": у любого зла есть рациональные мотивы, любые гнусности и злодеяния можно вывести, как математические формулы, из рациональных слагаемых, из рациональных мотивов.

Напротив, нерационально в этом мире добро. "Вот почему меня давно уже, — решительно говорит Кертес, — не интересуют вожди, канцлеры и прочие сановные узурпаторы; сколько бы вы ни твердили о том, как интересна их душевная жизнь, меня уже давным-давно интересует только жизнь святых, потому что ее нахожу я интересной и непостижимой, для нее не нахожу чисто рационального объяснения".

И тут в тексте "Кадиша..." следует вставная мини-новелла, которая в творчестве Кертеса является единственной в своем роде: она бросает свет на многие из загадок его творчества.

Речь идет об одном из заключенных Освенцима, которого другие называли "господином учителем" и который выполнял крайне важную для любого подобного "учреждения" функцию: делил в своей десятке полученный паек. Рассказчика, который как раз заболел, отделили от группы, чтобы затолкать в другой вагон, и он, оставшись без пайки, сколь ни крохотной, но все же дающей шанс выжить, уже мысленно попрощался с жизнью. "И — что я вижу спустя пару минут? Крича, беспокойно шаря вокруг взглядом, ко мне, шатаясь, спешит "господин учитель", и в руке у него — моя пайка, и, увидев меня, он подходит и быстро кладет пакетик мне на живот; и я что-то пытаюсь сказать, но, видно, удивление и так написано у меня на лице, потому что он, хотя уже рвется назад — не оказавшись он на месте, его тут же забьют до смерти, — в общем, он, с возмущением, ясно отразившемся на его сморщенном, маленьком, уже готовом к смерти лице, говорит: "Да как ты мог подумать?.." Рассказчик больше всего потрясен тем, что "господин учитель" не оставил — хотя все этому способствовало — пайку себе: ведь ему она удвоила бы шансы на выживание.

Итак, Имре Кертес (или его альтерэго, что в данном случае все равно) становится к зрелому возрасту законченным идеалистом. И с позиций этого идеализма осуждает, отвергает любой тоталитаризм, любого: коричневого ли, красного ли — цвета (повести "Английский флаг", 1991; "Протокол", 1993).

Быть идеалистом в наше время — некомфортно, неудобно. Имре Кертес живет не на родине, вероятно, не только потому, что он еврей, но и потому, что он идеалист. "Моя страна — изгнание" (36), — записывает он еще в "Галерном

дневнике" (отмечено 1975-м годом). Более того, он и свое еврейство воспринимает только с одной-единственной стороны: как дополнительный моральный долг, как обязанность снова и снова, одержимо напоминать человечеству, что Освенцим был — и что "после Освенцима не произошло еще ничего, что его опровергло бы. В моих произведениях Холокост никогда не представлял в прошедшем времени"¹².

Имре Кертес всегда был уверен — уверен и сейчас, — что в XX веке человечество переступило какой-то роковой порог. Этот порог — легитимность лагерей смерти, куда включаются и Освенцим, и Гулаг. Своим творчеством Кертес постоянно напоминает об этом людям, идя во многом против общих настроений, отказываясь от лавров популярности. Еще в 1975 году, когда наконец вышел его первый роман, он записал в "Галерном дневнике": "Без судьбы" — гордое произведение, и этого ему (да и мне тоже) не простят никогда" (50).

И, возвращаясь к решению Нобелевского комитета, подчеркну лишний раз: присудив сейчас, по завершении XX века, премию Имре Кертесу, писателю Холокоста, писателю Освенцима, Комитет подтвердил правоту Кертеса, согласившись, что в минувшем веке самыми значимыми для человечества, его самочувствия, его литературы были эти явления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Bojtár E. Sziszuphosz teli utazása // "2000", 2003. január, 40. o.

² Социологический опрос, проведенный вскоре после того, как была обнародована отрадная весть, показал, что лишь 62% опрошенных знают такого венгерского писателя, Имре Кертеса. "Neti Valasz", 8.XI.2002, 11. o.

³ Цитируется по газете: "Nepszabadsag", 18.X.2002.

⁴ Цитируется по статье Э. Бойтара (см. сноску 1), с. 43.

⁵ "Magyar Forum", 17.X. 2002.

⁶ Не останавливаясь подробно на том, как освещалось это событие в российских СМИ, скажу лишь, что — за редкими исключениями — это был поток неряшливой, нередко развязной, с массой ошибок, информации. Даже в респектабельных "Известиях" утверждалось, что премией Кертес обязан прежде всего своей трагической судьбе (то есть: Нобелевская премия — как бы компенсация за моральный ущерб — пребывание в лагерях смерти). Некоторые авторы с достойным лучшим применением упорством настаивают, что фамилию "Кертес" следует произносить как "Кертеш"; кто-то называет его болгарским писателем... "Бедный Йорик!" — театрально вздыхал я, роясь в этом мусоре.

⁷ Kertész I. Galyanapló. Budapest, 1992, 26 — 27. o.. В дальнейшем ссылки на это издание обозначаются номером страницы в тексте.

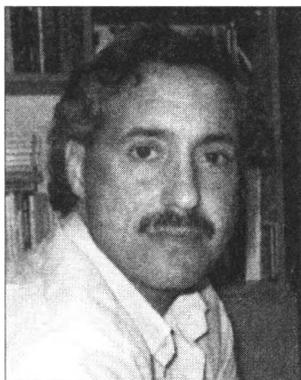
⁸ Д. Затонский. Предисловие // Кафка Ф. Замок. Роман. Новеллы и притчи. Письмо отцу. Письма Милене. М., 1991., с. 6.

⁹ Vari Gy. Buchenwald fölött az ég. "Magyar narancs", 17.X. 2002.

¹⁰ Kaposi David. Narratívatlanság // Az értelmezés szüksegesege. Tanulmányok Kertész Imréről. Budapest. 2002, 42. o.

¹¹ Цитируется по статье Э. Бойтара (см. сноску 1), с. 43.

¹² "Эврика!" Стокгольмская речь. Перевод В. Т. Середы.

Михаил Юдсон (1956) — писатель. Автор книги "Лестница на шкаф" (2003). Работает в журнале "22". Живет в Тель-Авиве.

Михаил Юдсон

ЗООЛУШКА, ИЛИ ПИСЬМА НЕОЛЮБВИ

**(О книге Нины Воронель "Без прикрас",
издательство "Захаров", Москва, 2003)**

На обложке — Нина и Александр Воронели. Красивые, улыбающиеся, в обнимку. Что ж, обложка отражает содержание. Книга — прежде всего о них. Этикие веселые мемуары Золушки — провинциальной девочки, встретившей своего бедного, но прекрасного принца (см. обложку), и как они полюбили друг друга и прочее, и прекрасный принц (далее — Прпр) умыкнул ее в Москву (дав кругалю через Саранск), и там они скитались без прописки, питаясь бесплатным хлебом с горчицей и ночуя на Центральном телеграфе, а иногда и живя в ледяных норах в земле, — но постепенно покорили столицу, сделали себя сами, и Прпр стал известным физиком, доктором наук, а Золушка испекла знаменитый перевод Уайльдовой баллады, родила сына и закончила Литинститут, и все было, казалось бы, хорошо — ан нет, жили-то они по-прежнему у злой мачехи Софьи Власьевны, и все было плохо, и снова Прпр увез Золушку — после увлекательных мытарств и приключений, — и они улетели оттуда по небу, и взошли на Холм Весны, где живут и сейчас — в любви и согласии.

И Нина в своей книге как бы пишет письма. Кому?

А той четырехлетней девочке, висящей над канализационным люком на слабых детских руках и непостижимым усилием воли вытаскивающей себя наружу, той девятилетней девчонке, до полусмерти избитой во дворе и с трудом выжившей, той девятнадцатилетней девушке, вышедшей замуж за однокурсника харьковского физмата Сашу Воронеля, той юной двадцатитрехлетней женщине, которая, экспериментируя над англоязычными созвучиями, вдруг озаренно вывела классическую формулу: "Ведь каждый, кто на свете жил, // Любимых убивал".

И Корней Иванович Чуковский радостно потирал руки: "Ох, эти провинциальные еврейские девочки! На что только они ни способны!"

Нина Воронель, повторяю, пишет письма — рассказывает, как они жили-поживали-выживали. С кем виделись, куда ходили. Какие погоды стояли, какая музыка звучала. "Самое интересное, что я читал, — чужие письма" (Бабель). Давайте прочитаем, заглядывая через плечо.

Временами там — при описании писателей или путешествий по горам, по долам и хождений по инстанциям и водам — уморительно смешно. Порою, когда, по Шкловскому, шуба выворачивается смехом внутрь — сесть, процесс идет, — возникают многия печали (моя, правда, — светла). Иногда господствует гротеск — вельми скоморошья баллада "Памяти павших мордовских коров" — по соседству с опальным Бахтиным в Саранске (как он, смеховой культуртрегер, деликатнейше говаривал в тамошнем педе аборигенистым недорослям: "Я позволю себе напомнить вам Вергилия..."). Вот именно, Нина Воронель тоже напоминает нам Вергилия — ведет нас по кругам, рвам и злым щелям тогдашней жизни — или ада сушь, или рая тишь — мы список кораблей прочли до середины и очутились в сумрачном лесу, где наша Золушка усердно собирала хворост, а случай классически разжигал костер...

Есть такое понятие — "притяжение текста", неземной магнетизм, когда читатель, охнув, прилипает и не может оторваться — принимает собрание пестрых глав, мысленно аплодирует ("Автора, автора!"), гладит гляцевую кожу книжки и даже издателя зовет из-за кулис: "Ах, Захаров! Ай да молодец!" Это тот случай.

На спинке книги — издательская татуировка: "Корней Чуковский и Лиля Брик, Борис Пастернак и отец и сын Тарковские, Андрей Синявский и Юлий Даниэль, Марья Розанова и Лариса Богораз, Давид Самойлов и Алла Зиминая, Михаил Гробман и Илья Кабаков... Если вас интересует частная, а порой и тайная жизнь этих и еще многих других знаменитостей уходящей, но все еще загадочной эпохи, если вас не пугает шокирующая правда того времени — эта книга для вас. Активная участница тех событий Нина Воронель талантливо и изящно, остроумно и безудержно рассказывает то, что другие пытаются скрыть, а большинство не знает вовсе..."

Конечно же (а как же!) в природе водится и Суровый Читатель (в дальнейшем сокращенно — Суч). Хотя с виду он вполне может быть пушистый и кругленький — розанчик. Узнается он по запаху — от него немножко пахнет землей и дохлятиной. Его наверняка будет раздражать, что в письмах-новеллах Нины Воронель персонажи — живые. Пусть некоторые, к сожалению, уже там, за Речкой, но в этой книге они живут всюю — шевелятся, острят, влюбляются и ругаются, выпивают и закусывают, пишут и рисуют — ученые установили, что так-ва жизнь. Но знаем мы заранее, что Суч будет бурчать: "И белковые тела какие-то не те, разнuzданные! И способ существования сомнительный!" И вообще — "Нэ так все это было!" — как скромно заметил отягощенный злом товарищ Сталин, посмотрев кино, где он совершает революцию.

Возможно, для тех, кто уверен, что процесс Синявского — Даниэля был во времена Синдбада-морехода, для них и Суч — соловей. И его кряхтения, что и он там был и на манжете все записывал, могут восприняться снисходительно-ласково — ври, ври дальше... В конце концов (в начале начал) и такие авторитеты,

как Лука, Иоанн, Матфей и Марк тоже записывали за своим паханом — и тоже разночтенья уже пару тысяч лет... (Потому что — оптический обман-с. Хармс.) Но мы-то ведаем, мы-то все определяем по Мастеру! Таланту лучше знать. Потому и Нина — канонична.

Да, на сказке, безусловно, сказывается, что она показана нам глазами Нины: "Я перестала верить в сладкую легенду, что человек по природе добр". Сия книга — небольшой зоосад (Zoo) в бумажном багаже. Пробежимся же, по-хлебнически быстро, вдоль клеток: мохнатый паук с огромными прозрачными глазами Александр Межиров; усатый морж в берете, он же старый петух, Павел Антокольский; печальный ангел (такое пугливое пернатое) Андрей Тарковский; жабые лицо Аверелла Гарримана; лиловый монстр с зелеными щупальцами внутри Ларисы Богораз; и на прощанье, на десерт — оскаленные волчьи морды "эзэсовцев" Володи и Вади, "рожи Родины".

Немного готические воспоминания-то! Метаморфозы! Но тут же — непрерывная самоирония, всепобеждающее вино жизни, источающее сократовскую истину, — хождение по мукам и радостям: "Голодно, но молодо и головокружительно звонко" — это звенящее "о-о!" той Москвы... Серебряный клубок магендавидов (с его мистическим смыслом вам предстоит познакомиться), из которого Нина выдергивает по нитке.

И вообще — замечательная художественная проза, чистый, чудесный язык. Игривое издевательство над нудным Суровым Читателем — мне скучно, бес! Без прикрас!

— А где же крылышки у великих? — горячо гневается Суч, словно спрыгнув со сковородки. — Где арфы у известных? Где благодать разлита?

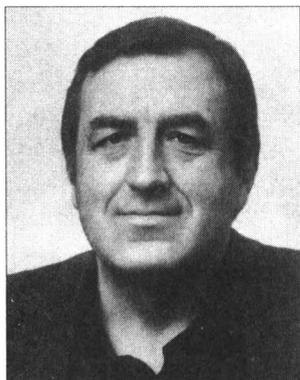
А арфы там же, где и рояль, и все, все, все... В огне, так сказать, страстей.

"Человек, слава Богу, человекообразен", — успокаивая, учит Нина. И учение ее достаточно вечно, потому что оно, наверное, верно.

Объясню еще раз: книга "Без прикрас" — это своеобразная семейная хроника, прежде всего — история веры, надежды, любви. Это письма неолюбви — необыкновенной, вечно новой, постоянной (возможно, измеряется в микроворонелях). Нина и Александр, их тандем, дивное единое существо — НинаАлександр Воронель — вот главный герой произведения! Автору глубоко и проникновенно удалось раскрыть этот симбиозный образ. Все же остальные образа и образки — знаменитые и не очень — это те, кто встретился Нине и Александру по дороге на Холм Весны. Они и сейчас там — их дом среди клумб и хвойной зелени, и с ними два источника, две составные части счастья — талант и любовь.

"Да, мир довольно жесток, но временами и добр, и ежедневно интересен", — утешает нас Нина Воронель в своей книге. Да, она так увидела ту жизнь и этих людей (от прибора, и от того, как и на кого он кладется, тоже зависит картина наблюдения — вспомните незабвенный алмазный катаевский!..).

Нина Воронель так написала свою книгу. Я так прочитал ее. Читайте же и вы по-своему, радуйтесь, не соглашайтесь, восхищайтесь, возмущайтесь, творите в ответ (пусть и подметные письма — кому что дано), но главное, для чего и создано чудо книги — читайте!

Валерий Попов (1939) — ленинградско-петербургский прозаик. Автор многих книг, среди которых "Жизнь удалась", "Две поездки в Москву", "Новая Шехерезада", "Любовь тигра", "Грибники ходят с ножами" и др. Лауреат нескольких престижных литературных премий. Живет в Санкт-Петербурге.

Валерий Попов

МУТНАЯ ПОЛЯНА

Когда в 1970 году (в прошлом тысячелетии) меня приняли в Союз Писателей, помню, я был поражен. Отнюдь не все там писали замечательно, скорее — наоборот, но жизнь там шла удивительная! И это — в те времена, что считаются самыми глухими, застойными! Вспоминаю литературные происшествия тех лет с восторгом и ужасом. Конечно, то была не Ясная Поляна, где жил и творил Лев Толстой, но название "Мутная Поляна" подойдет в самый раз. Впрочем, и сейчас закулисная литературная жизнь порой потрясает. Даже не знаю, когда писатели жили более затейливо: тогда или сейчас.

Только не думайте, что я хочу что-то или кого-то разоблачить, как это модно — наоборот, эта жизнь кажется мне хоть и не всегда достаточно благообразной, но вполне достойной внимания и даже увлекательной.

Чемодан с горохом

Конечно, первым моим литературным учителем был отец. И мой литературный вкус сложился на почве многочисленных его житейских баек, совершенных по форме, неожиданных по содержанию, глубоких по мысли.

Однажды он ехал из родной деревни в институт, и вез с собой чемодан гороха, которым рассчитывал прокормиться до весны. Поезд уже тормозил, когда отец вдруг заметил, что какой-то тип схватил его чемодан с горохом и понес по проходу. Сначала он двигался весьма резво — иначе в их работе нельзя — но когда отец все же нагнал его на платформе, тот уже двигался с некоторым напряжением. Тяжелее гороха ничего нет — может быть, только золото. Наверное,

мысль о золоте и заставляла вора упорно тащить этот сверхтяжелый чемодан. Отец сначала хотел сгоряча сразу отнять свою собственность, но потом, поглядев, как вор, весь перекорячась, волочет эту тяжесть, вдруг решил: а пусть себе несет — мне ж как раз в эту сторону! Они вышли в город и пошли по улице — вор, обливаясь потом, отец належке. Несколько раз вор злобно оглядывался, понимая, в какую ловушку он попал, но бросить украденное ему не позволяла профессиональная честь. Так они шли довольно долго — и то ли вор был невезучий, то ли отец везучий — но им все время было по пути. Дороги их разошлись лишь у самого отцовского общежития. "Извини — мне сюда!" — сказал отец вору, кивнув на вывеску общежития. "Твой, что ли?" "Извини", — сказал папа, забирая чемодан. И вор, скособочась и прихрамывая, ушел.

История эта не так проста. Иногда стоит не суетиться и подумать: а может быть, твой чемодан несут как раз в нужном тебе направлении?

Жертвы рифмы

То, что литература — дело ответственное, и за нее приходится отвечать, понял я еще в ранней молодости, в восьмом классе. Как и многие, я писал тогда любовные стихи, хотя любовью тогда совершенно еще не мучился. Но — стихи о любви писал, нормальное дело — только относился к этому, очевидно, с большей добросовестностью, чем все. Не зря наша классная воспитательница, Марья Сергеевна, умиленно произносила: "Нет добросовестнее этого Попова". К занятиям литературой — которая, как я уже чувствовал, станет моей клеткой навеки, я относился добросовестно вдвойне.

И как положено — ответил за это. В очередном стихе никак не подобрать было рифму к слову "невинна". Только — Инна. И беда в том, что Инна была у нас в классе всего одна, и при этом — крайне мне не нравилась. Так же, как и я ей. Но — поэзия сильней. Уже не мы диктовали стих, а он нам диктовал. "Он ей пишет стихи!" Куда денешься? Не мог же я написать стих и спрятать — тще славию, свойственное любому творцу, не позволяло.

И мы стали "ходить"! Я провожал ее из школы до дома, потом мы на лестнице долго и с отвращением целовались. Жертвы рифмы, мы, однако, вызывали зависть у многих: "Вот это любовь — он даже стихи ей пишет!"

Это не я писал ей стихи — это стихи писали нас! Что характерно, несмотря на долгие поцелуи на лестнице, взаимное отвращение не проходило. Но кому до этого дело, если рифма удалась! "Инна — невинна". Это как приговор.

К счастью — ее родителей — военных перевели в Норильск, и тяга к поэзии не успела отбить у меня навсегда тягу к женщине.

Но потом отвечать за легкомысленно удавшиеся строчки приходилось еще не раз.

Советская литература — мать гротеска

Однажды я шел по пляжу в Солнечном, и вдруг увидел, как группа моих знакомых безумно хохочет, а один из них читает толстую, солидную книгу. Я подошел,

поглядел — это была книга знаменитого советского классика-современника, начальника и орденоносца. При таких регалиях он явно ничего несерьезного не мог написать. Рехнулись, что ли, друзья мои? Видимо, перегрелись, валяясь на солнце?

Я подсел к ним, и через минуту хохотал всех громче. Героем романа был секретарь обкома из Сибири, наш крепкий, крижистый мужик, в которого безумно влюбилась итальянская красавица-графиня-миллионерша — стоило ему на пару дней заглянуть в Италию.

— Скажите, из какой ткани ваш костюм? Вы шили его в Париже? В Нью-Йорке? — ластилась к нему она.

— Нет, — холодно отвечал он, — костюм мой пошит из ткани нашей районной фабрики!

Несмотря на столь холодный прием, графиня потеряла голову окончательно, и устремилась за нашим обкомовским героем в Сибирь, где упорно преследовала его по всяким сибирским заимкам, падам и запоням, сначала умоляя жениться на ней, потом соглашаясь просто так, а в конце она умоляла его хотя бы взять у нее ее постылые миллиарды. На это он, в конце концов, хмуро согласился, при условии, что все эти средства будут вложены в местную деревообрабатывающую фабрику. На что графиня, в отчаянии, согласилась, и не заслужив в ответ даже доброго слова, без копейки за душой и без каких-либо надежд вернулась в Италию. Уверю Вас, я ничего не выдумываю, а абсолютно точно пересказываю содержание романа одного из главных столпов литературы восьмидесятых! Вот так надо поступать с их сестрой!

Графиней, понятно, дело не ограничилось. Сердце и простой русской дивчины тоже дало слабину перед суровыми чарами секретаря обкома.

Понятно, он не давал ей никаких надежд, тем более на работе (она работала в аппарате обкома), но несмотря на это, дивчина млела. И после ряда суровых производственных сцен маститый автор решил "подпустить человечинки".

Секретарь, измотанный делами, едет на черной "Волге" по лесной дороге, и вдруг, сказав водителю "Стой!" уходит, как простой смертный, босиком по росе, неся ботинки из спецраспределителя на прутике за спиной. Далее — слезы умиления душат нас — он, как простой смертный, снимает рюкзачок, ставит палатку, ладит снасть для утренней зорьки. Вдруг чьи-то вкрадчивые шаги по лужам настораживают его. "Чай, Хозяин балует! — думает герой (хозяином в тайге называют медведя), всаживает в ружье жакан, и сдвигает полость. Перед ним стояла Она!" Далее следует образ, исполненный художественной и сексуальной мощи: "Она была в длинных брюках, но босой. На животе ее свисала банка с червями". Приступ хохота в разгар лирической сцены свалил нас, хоть и был неуместным. Ясное дело, против червей на животе даже сам секретарь райкома не смог устоять. Впрочем, особой воли автор себе не дает (партийная дисциплина), и вся эротика уместается в одной фразе: "Всю ночь лил дождь". Вернувшись, герой-любовник собирает бюро, и говорит взволнованно: "Надо девушку спасти!" — и ее отсылают учительницей в глухое село.

Ясно, что после таких писателей могли появиться писатели только веселые. Советская литература — мать гротеска, породившая нынешний стиб.

На той же самой почве начал писать и я. Однажды, будучи уже инженером, я, выдвинув ящик стола, читал в рабочее время детектив. И вдруг меня потрясла фраза: "Грохнул выстрел. Петров взмахнул руками и упал замертво. Сергеев насторожился". Вот это да! Вот так надо писать: друга его застрелили у него на глазах, а он всего лишь "насторожился". Вот это выдержка. И тут же, задвинув ящик стола, я написал первый в своей жизни рассказ — о шпионе, который прячется в горе творага, и милиционеры съедают ее, после чего шпион перелезает в масло. Советская литература — мать гротеска. Что бы мы делали без нее?

Как мы пережили застой

В советское время у меня выходила одна книга в пять лет, а есть хотелось ежедневно.

— Как же вы не умерли? — изумляются знакомые.

Как? Ну, например, блуждая одиноким и голодным по городу, я забрел в какой-то романтический сад, скрипели голые деревья, кричали вороны. Одиночество, грусть, безнадежность. Впрочем, как часто бывает в жизни, конец ада оказывается, на самом деле, началом рая. Я рассмотрел старинное монастырское здание за деревьями и побрел туда. Что, собственно, можно было найти в этой глуши? В этой глуши, в этом грустном монастырском здании оказался городской комитет комсомола. Вот такой я человек — даже заблудился удачно.

После этого я много раз брал в этом горкоме путевку, творческую командировку — помогая и им вести работу с творческой молодежью, то есть со мной — и уезжал куда-нибудь в Лодейное Поле, изучать жизнь. Впрочем, обычно я ставил штампы в местном райкоме и возвращался в родной город, где и изучал жизнь на эти командировочные. Однажды, находясь как бы в Выборге, а на самом деле — в Питере, я изучал жизнь слишком бурно, и командировочные кончились до срока. Куда податься? Тут меня нет, я уехал. Но... пошел все-таки в горком.

— Так ты не в Выборге? — грозно воскликнул инструктор.

— Нет, я не в Выборге... — вздохнул я — но хотел бы не быть еще и в Киришах!

— Что ты со мной делаешь! — вскричал он... и выписал путевку еще и в Кириши.

В юности я был скромным и больше чем в двух местах одновременно никогда не бывал. Впрочем, если считать еще, что я был и дома — то получается — в трех.

Как мы крепили дружбу народов

Один мой друг, молодой писатель, устал от бедности и неопределенности и решил покончить с этим и поступить на службу. Тем более, что и служба была тут же, в Союзе писателей, в отделе дружбы с народами СССР. Что может быть лучше?

Однажды, придя в дом писателей в надежде покушать, я увидел моего друга за столом ресторана с каким-то важным литературным баем, похоже, откуда-то из Средней Азии. Стол ломился, но дружба народов почему-то шла явно со скрипом, выглядели они оба мрачно. Увидев меня, друг кинулся ко мне, как к спасителю.

— Слушай! Придумай что-нибудь! Я ему говорю — музей, а он мне — давай бабу! Я ему — в театр, а он мне — бабу! Где я ему бабу возьму? У тебя нет?

Я задумчиво посмотрел на стол.

— В общем — садись. Ешь, пей, но кумекай! Мало ему гарема дома — здесь еще захотел.

Появление мое за столом бай встретил довольно мрачно. Ему, наверное, показалось, что он не приближается к цели, а удаляется от нее. Знал бы он, что это еще только начало!

— У меня нет, — выпив и закусив, шепнул я другу. — Но вот есть Петька, режиссер, у того — точно.

Появление Петьки бай встретил уже довольно злобно, но и Петька оказался не сахар.

— Я художник! — заносчиво произнес он, выпив и закусив. — Есть у меня Фимка, администратор, может быть, у него?

Фимка сообщил, что у него баб нет, но у его друга-фотографа — есть. Бай постепенно терял надежды и силы. За длинным столом сидели исключительно мужики, выпивая и горланя, и кажется, совершенно забыв, зачем их позвали. Я, как человек добросовестный, пыгался напоминать им о главной цели. И вот, в дальнем конце стола, который можно было разглядеть только в бинокль, появилась Она, ради которой было истрачено столько сил, столько съедено и выпито! Особа, впрочем, была вертялая и довольно противная, но на нашем фоне она устало баю приглянулась. Он велел подогнать такси. Все мы устремились за ним, прихватив закуски и выпивку — не могли же мы бросить его в столь важный момент? Все кончилось довольно быстро — войдя в номер, бай удалился с гостьей в спальню, и сразу же оттуда донесся звук пощечины, и возмущенная особа выскочила из спальни и покинула нас. Бай так и не появился, видимо, прилег отдохнуть, а мы долго еще праздновали дружбу народов, иногда, правда, забывая, за что пьем.

Два бойца

Однажды в доме творчества в Комарово подрались два писателя-антисемита — и ясное дело, из-за евреев, из-за кого же еще? Один из бойцов утверждал, что евреев нельзя пускать в литературу, а другой — что вообще никуда. Бой был долгим и кровавым. Из номера переместился в холл, из холла — во двор. Все, впрочем, проходя по своим делам, глядели на эту битву века довольно равнодушно. Вот прошел критик Р. И даже зевнул.

— Мы тут за них кровь проливаем, а они нос воротят! — обиделись бойцы.

Заоблачные связи

Ленинградский писатель Д., широко известный своими связями с правоохранительными органами, однажды во время писательской поездки в Индию, потрясенной древней культурой, так напился, что потерял паспорт и пришел в аэропорт без него. Индийцы, впрочем, его выпустили: им-то на фиг такое добро? Но как встретит его суровая Родина? Я волновался, а он принял еще стакан и легкомысленно заснул. Тем временем в атмосфере начались какие-то катаклизмы, и нас вместо международного Шереметьева посадили в Домодедово, где вообще не было тогда ни пограничников, ни таможни. Проснувшись, Д. оценил происшедшее и надменно сказал мне:

— Ну?... Понял, какие у меня связи?

Трубоч

Знаменитый инструктор райкома Б. довольно долго курировал культуру. А знаменит он был тем, что свои обязанности выполнял хорошо, давил крепко, но время от времени дико напивался, и почему-то обязательно мочился на водосточную трубу, желательно при скоплении народа, и на одной из центральных улиц. Как ни странно, это сходило ему с рук, иногда казалось даже, что его за это повышают. Завотделом журнала — труба — главный редактор киностудии. Труба — и директор филармонии. Труба — и художественный руководитель всемирного фестиваля. И вдруг — труба — и полное падение — даже на прежнюю должность инструктора его не взяли. В чем же дело? — мучились мы. — Чем же эта труба отличалась от прочих?

— Видно, нашел трубу, достающую до неба, — предположил критик С.

Стукач-романтик

В зарубежных поездках, несмотря на то, что он довольно сильно хромал, он всегда бежал впереди.

— Смотрите, смотрите! Это божественно! — восклицал он у очередного шедевра, добежав первым.

Действительно — за границу он любил страстно, поэтому все относились к нему почти с любовью, хотя он слишком уж увлекался порой.

— Спать в Париже? Да вы что? Это же преступление! — восклицал он, и, восторженно хромая, вел нас на какую-нибудь темную улочку, глядеть запрещенные груди и зады. "Неужто по работе, чтобы потом заложить?" — в это не хотелось верить, особенно — глядя в его вдохновенное лицо.

Видимо, закладывал он не круто, потому что мы оказывались с ним все в новых поездках, но что-то, видно, докладывал, раз ездил снова и снова? Все уже привыкли к нему. "Где ж наш романтик блуждает? Ужин стынет!" — переживали мы. И романтика и погубила его. Однажды на таможне в чемодане у него был обнаружен искусственный орган нереальных размеров. "Зачем он вам?" Тогда

считалось криминалом, особенно на такой-то должности. И его перестали пускать — чем он, впрочем, очень гордился, особенно когда пришла свобода, и он стал одним из видных лидеров ее.

— Я сделал свой выбор еще тогда! — говорил он гордо.

Международный провал

Однажды после выступления я шел по городу Мюнхену и страдал.

— Как мало пришло народу на выступление! Нет, не любят русских писателей за рубежом — ох, не любят!

И денег мало дали — а я мечтал дубленку купить... Какая уж там дубленка!

Впрочем... Тут я увидел скромную витринку, за ней висели дубленки — ну как раз мне по зубам! Не новенькие конечно... но в самый раз, по моим деньгам.

Я вошел, подскочил к вешалке, снял крайнюю и стал одевать.

Да — не любят русских писателей за границей — продавщица, вместо культурного сервиса, вдруг подскочила и стала дубленку срывать. Да, не любят здесь русских!

Хотя это потому, может, что дубленка-то действительно — маловата! Зато вот эта!... Эту она вообще вырвала у меня из рук, не дала даже прикинуть — и вытолкнула меня на тротуар! Вот это сервис! Да — не любят тут русских писателей, не любят! Я шел по Мюнхену, и лишь минут через десять просек, что это была, по-видимому, химчистка.

Вам так не гулять!

— Конечно, — говорил мне слегка выпивший руководитель Союза писателей, когда власть их кончалась, и приходили мы, — власть вы возьмете, и получите... кое-что. Но запомни: так гулять, как мы гуляли — вам не гулять! — он надолго сладко зажмурился, потом открыл сияющие глаза. — Просыпаюсь утром в юрте, не помню ни хрена. Вспоминаю — дни Ленинграда в Казахстане, я — руководитель. А брюк нет! Пиджак есть, ордена на месте, слышу — сигналит машина: министр культуры Казахстана приехал за мной. Мечусь по юрте — брюк нет. Министр сигналит — министры не любят ждать! Открываю холодильник — брюки там, в морозильнике, аккуратно сложенные, все в инее... Нет — вам так не гулять!

От ужасов социализма к ужасам капитализма

Помню, когда зарубили мою книжку — и главное, непонятно, кто, меня надоумили попытаться прорваться к секретарю обкома по идеологии (за точность термина не ручаюсь). Меня он слушал, не поднимая глаз от каких-то важных бумаг. Когда мое красноречие кончилось, и я умолк, он поднял от бумаг красные, измученные глаза и спросил:

— А о бесстойловом содержании скота не хотите написать?

Тридцать лет спустя я разглагольствовал так же красноречиво о роли литературы — и в частности, моей книжки, уже перед совсем другим слушателем

— молодым и румяным президентом то ли трастовой, то ли консалтинговой компании. Сначала он тоже слушал меня, не отрывая глаз от каких-то ценных бумаг на столе, но постепенно его "доставало": все-таки — свободная страна, новые люди! Не зря мы боролись, столько лет! Окончание моей речи он уже слушал, не сводя с меня глаз, и когда я с надеждой умолк, он сказал, дружески улыбаясь:

— Вы так замечательно говорите! Не хотите ли рекламировать кофе "Чибо" по телевизору?

Неудачная вербовка

После знаменитого вечера в доме писателей в 1968 году, на котором выступали Бродский, Довлатов, Городницкий, Уфлянд, Галушка, Купман, Марамзин и я, а вел этот вечер Гордин — мой телефон на следующий день разрывался от звонков друзей — все ликовали. Вот телефон снова затрещал, и я радостно произнес: Алло! — Вам звонят из Комитета Государственной Безопасности! Необходимо с вами встретиться и поговорить! — Конечно, конечно, разумеется! Встретимся, обязательно!

На том конце провода повисло молчание. Видно, они привыкли к другой реакции на свои звонки, и мой ликующий тон несколько сбил их с толку.

— Вы поняли, откуда вам звонят? — Произнес тот же мрачный голос.

— Ну конечно! — радостно повторил я. — Слушаю вас!

— ...Давайте встретимся сегодня... в четыре часа.

— У вас?

На этот раз мой энтузиазм сбил их с толку надолго. Наконец, все же послышалось:

— Нет. Не у нас. Давайте встретимся на углу Литейного и Петра Лаврова. Как я узнаю вас?

Ну и профессионалы! — подумал я. — Даже не знают, кого видеть хотят!

— Давайте... я буду держать в руке цветок!

— Нет, — последовал мрачный отказ. — Я буду стоять с газетой.

— Отлично. С какой? — горячо заинтересовался я.

В ответ послышались гудки. Видно, мой разговор их утомил — не привыкли они еще, что с ними уже могут разговаривать так!

Опоздал я всего минут на пятнадцать — звонки, звонки! — но моего "абонента" узнал сразу, и даже не по газете. Несмотря на тщательную конспирацию, они резко выделялись из обычных людей. Мой был приземист, темноволос и почему-то сильно небрит. Видно, дома не ночевал, разрабатывая операцию. Мы поздоровались, почему-то не за руку. Далее он предложил пойти с ним в "одно место" (хорошо, что не в два). Трудно было отказать ему. Мы перешли Литейный и вошли в скромную гостиницу. На втором этаже коридорная молча протянула ему ключ, и мы вошли в самый обычный номер и сели почему-то за маленький столик у кровати. Я достал ручку и блокнот, положил на стол. Почему-то это ему не понравилось.

— Вы что, хотите записывать?

— Все! — с энтузиазмом воскликнул я.

— Тогда запишите мой рабочий номер! — сказал он, и продиктовал, букву и цифры (тогда номер состоял еще из буквы и цифр).

Я записал. После этого он глухим голосом и как-то без огонька стал говорить о том, что враг в нашей стране поднимает голову, особенно в связи с "пражской весной" и знаменитым письмом чешских диссидентов "Две тысячи слов". Поэтому — долг каждого сознательного гражданина сообщать органам о всех случаях подобного рода. Он говорил еще долго, я старательно кивал, но мысли мои улетели далеко, к более приятным темам.

— Что вы делаете? — вдруг рявкнул он.

А что я делаю? Я глянул в мой блокнот... Да — не совсем... пока я его слушал — слушал, конечно, относительно, унесясь мыслями далеко — превратил букву телефона и цифры в бабочек, птичек и зверьков... Да — позвонить по этому номеру будет трудно!

— Я понял, — произнес он, — как вы собираетесь мне звонить. Идите!

Где мой тот блокнот? Хорошо бы увидеть, особенно сейчас!

Подарки

Недавно я в мрачнейшем настроении сел в метро — но через минуту уже ликовал, впрочем, вместе со всем вагоном. Вместе со мной вошли два усталых человека, рухнули на сиденья и отключились. Но не просто отключились! Один спал, подняв высоко правую руку, и в руке той была не бутылка, не нож, а шариковая ручка. Второй сполз почти в проход, но при этом крепко сжимал в руках журнал с наполовину заполненным сканвордом. То есть сон сразил ребят как раз посередине их интеллектуального подвига: вот сейчас передохнут маленько, и продолжат свое нелегкое дело! Вагон с любовью и надеждой смотрел на них.

Пока писатель живет посреди своего народа, такие подарки ему гарантированы, успевай только фиксировать, и счастьем твою не будет конца. Оно — бесконечно... Недавно подошел ко мне субъект в шляпе:

— Чисто нервно хочу спросить...

Жить среди такой роскоши, событийной и словесной... что тебе нужно еще?

Каменный гость

Путем хитрых карьеристских ухищрений мне удалось следующее: я живу в квартире, в которой жила и умерла Ирина Одоевцева после переезда к нам из Парижа. Кроме того, мне удалось прожить несколько лет в будке Ахматовой в Комарово — правда, она там теснилась одна, а теперь там ютятся две семьи, восемь человек. Единственное, что меня пугает, что возникнет вдруг передо мной Николай Гумилев и рявкнет:

— Отстань от моих баб!

Мой вклад в борьбу с тоталитаризмом

Нынче все говорят, что боролись с тоталитаризмом. Я тоже боролся. Но на том участке, который мне был ближе всего.

После веселых шестидесятых наступили грустные семидесятые, скучные восьмидесятые, даже когда в кабаки нас перестали пускать — даже в ресторан нашего Дома писателей. Получающие твердые оклады чекисты из расположенного поблизости Большого дома полностью покорили сердца наших официанток, и все чаще наши двери оказывались закрыты для нас. Вывешивалась пошлая табличка "Проводится мероприятие", и попасть нам в наш дом было невозможно. Мелочь, казалось бы, но было ясно, что таким способом нас стирают в порошок. Проглотим это — проглотим и все.

И однажды я вспылел. Я подошел к Дому писателей с московским критиком, который собирался написать про меня, и явно приглядывался: "А стоит ли?" И в очередной раз увидев за собой запертую дверь, я сказал: сейчас или никогда! Я стал дергать дверь. Стекло задребезжало. За второй дверью появилась администраторша, и, увидев меня, небрежно отмахнулась: Иди, иди! Тут рядом с ней появились и гуляки: встречали, видимо, кого-то своего. Увидев, как я бьюсь в дверь, они, будучи веселы, всячески усмехались, а один сделал неприличный жест. Это его и погубило. Я разбил большое стекло на первой двери, пролез через дыру, потом разбил стекло на второй двери, влез, и окровавленными руками стал трясти моего обидчика за грудки. Он вырвался и убежал, и вообще боевистости они не проявили. Может, чувствовали некоторую свою неправоту? Вскоре появилась милиция. Посадив меня в машину, они первым делом забинтовали мне кровоточащие руки, потом повезли. И вообще, резкого осуждения мойих действий они не высказали, скорей, были веселы и довольны. Меня подержали в камере и вскоре повели к следователю. Открылась дверь, и я вошел в залитую солнцем комнату. За столом сидела красивая рыжая женщина. "Вы следователь?" — изумленно воскликнул я. "А что? Не похожа?" — улыбнулась она. Моя простодушная реакция явно польстила ей. "Так вот, — она перешла к делу. — Я должна вам сказать, что вы абсолютно правы. Вы пришли в свой дом и в то время, когда он должен быть открыт для вас. Вы поступили абсолютно правильно, как настоящий мужчина. А эти мальчишки из Большого Дома много позволяют себе, и об этом я напишу специальную записку. Можете идти!"

Не веря своему счастью, я выскочил на улицу. Помню пыльную вывеску "Следственный отдел", на ней я написал пальцем: "Ура!"

В мой родной Дом писателей я вошел теперь свободно: двери были вдребезги разбиты (кажется, мной?) и распахнуты. Я был встречен, как герой. А наша очаровательная секретарша шепнула мне: "Один наш писатель... из руководства... просил передать вам, что вы молодец! И что на вашем месте он поступил бы так же!"

Хорошо, что он был на своем! Однако борьба не закончилась. Скорее, я бы сказал, мы повсюду проигрывали. Нас стали не пускать в лучшие кабаки уже вполне официально. Рядом со швейцаром обычно стоял человек в штатском, и

если в толпе иностранцев оказывался местный, они хватали его и выдворяли на улицу. Не мог я с этим мириться! Однажды, помню, я все же проник в свой любимый бар, полностью оккупированный теперь иностранцами "Иди, иди, — сказал мне бармен, — а то дружинников вызову, и ты пожалеешь!" Кстати, обслуживали тут за наши деньги. Но не нас. С какой это, интересно, стати я не могу выпить в заведении, расположенном на территории моей страны? Я долго ходил за барменом вдоль стойки, но он полностью игнорировал меня. Он стал готовить какой-то сверхсложный коктейль для заморского гостя, наливал в высокий бокал из маленьких пузатых бутылочек. Яркие облачка жидкостей, причудливо смешиваясь, создали картину, не уступающую закату. Бармен полюбовался своим творением и поставил его на подносик, собираясь нести клиенту. Я взял с подносика бокал и выпил... ничего особенного. Бармен оцепенел. Ничего не сказав мне, он ушел и вернулся с дружинниками, двумя мужиками простецкого вида — один постарше, другой помоложе. Они отвели меня куда-то вниз, в неказистую комнатку, где они сидели. И я взволнованно рассказал им все! И они, абсолютно неожиданно, полностью поддержали меня! Сказали, что сами они с завода турбинных лопаток и что здешний порядок им тоже не по душе. "Что ж это делается? — проговорил пожилой — Русскому человеку и выпить не положено? Второй сорт?" "Пойдем, — сказал молодой — за нами там столик числится, посадим тебя. Заодно и сами поспрадуем!"

Бармен, увидев меня "с охраной", обомлел. Что праздновали мы? Видимо, наступающую свободу. Процесс пошел.

Крах карьеры

А ведь было время, когда меня выбирали в руководящие органы и даже приглашали на ужины в иностранные консульства! Тогда почему-то казалось, что именно оттуда, из консульств, и обрушится на нас главное счастье.

Однажды меня пригласили на ужин в консульство — мне бы не хотелось уточнять, в какое именно. Показав приглашение благожелательному охраннику, я по мраморной лестнице поднялся в холл. Походил там. Похоже, явился рановато: к столу, поражающему изобилием, еще не зовут. Тогда я раскланялся пока со знакомыми дамами: одна из Смольного, две — главные редактора газет. Мы и так, в общем-то, были знакомы, но тут принято так: мы раскланялись и даже обменялись визитными карточками; я дал им свои, они мне — свои. Ну — пора, наверное, приступать?!

— Консул, консул идет! — пронесся шепот.

Консул шел через зал, все кланялись ему, представлялись, протягивали визитки, он читал их и благосклонно кивал. Ч-ерт, а у меня, кажись, и визитных карточек не осталось, раздал знакомым дамам, бабда! Лихорадочно шаря, нашел-таки в нагрудном карманчике три визитки, и когда подошел консул с двумя сопровождающими, скромно поклонился, пожал руки, и дал каждому по визитке. И тут же удивился: почему же это они разного цвета? Консул и сопровождающие лица изусленно смотрели в мои визитки, потом ошарашенно перегляну-

лись, показали визитки, что у них были, друг другу, и изумились еще больше. И несколько даже испуганно пошли дальше — там все пошло путем. Наконец я особразил, что представляясь, вручил им три женских визитки, причем на разные имена! Было им чему удивиться!

С той поры в консульства меня не звали, да и карьера пошла на спад. Но это, может, и хорошо.

Тайна мастерства

Однажды мне один молодежный журнал дал аванс, чтобы я написал им о жизни рабочего общежития. Я сходил к коменданту, потом — к председателю комитета их комсомола, потом — к председателю их профкома, но очерк почему-то не шел. Был я тогда молод и неопытен. "Видно, не знаю я какой-то тайны мастерства!" — сокрушался я. Когда до срока сдачи осталось два дня, я, отчаявшись, слегка выпил и пошел в это общежитие на танцы, стгоряча пригласил какую-то не ту девушку, и меня побили. И тут же я горячо про это написал. Вот и вся тайна мастерства! Но те, кто на это не способен, уверяют нас, что все намного сложнее — но я-то уже знаю, как надо: без драки не обойтись. Правда — очерк, который я написал, в молодежный журнал не взяли, но это не особенно меня огорчило: главное — я узнал тайну мастерства.

Помощь ниоткуда

Недавно я набрел на слова Пруста: "Гротеск — это единственное, что остается от литературы в веках!" Точно! Ну, и здорово же я устроился, сразу просек, как надо писать. Тем более, чего-чего, а гротесков в России — навалом, благодаря им и живем.

Помню — грустный вечер в унылом Купчино. Безденежье, тоска, пучина застоя. Откуда может придти помощь? Да ниоткуда!

И вдруг — звонок! Врывается разъяренная женщина, и, сметя нас с женой с пути, врывается в нашу спальню, отшвыривает одеяла, срывает простыни, пододеяльники, наволочки и, связав все узлом, направляется к выходу.

— В чем дело, простите? — наконец, произношу я.

— А в том! — грубо отвечает она. — Вам в прачечной мое белье выдали! И торжественно уходит.

А где же наше белье? Это абсолютно неважно! Мы начинаем хохотать. Грусти как не бывало. Гротеск — это единственное в нашей жизни, что нам не изменит, единственное, что никогда не подведет. Наши ужасы, беспорядочно нагромождаясь, в конце концов вызывают смех. Гротеск — самый короткий путь от отчаяния к веселью, удар молнии, насыщающий жизнь озоном. Но гротеск может и отрезвить. Однажды, помню, мне нужно было опустить несколько важных писем, но я не успевал — мне надо было ехать в Пулково, чтобы лететь за рубеж.

— Вот и хорошо, опущу письма в Пулково, в международном аэропорту, — томно подумал я. — Это будет элегантно — лечу за рубеж, и в международном

аэропорту опускаю важную почту — в других местах мне просто некогда ее опускать!... Да это и не так изысканно, как в аэропорту!

Чуть не опоздав, измятый и разодранный, я добрался в аэропорт в вонючем автобусе, кое-как вырвался, оправился. И увидел на здании почтовый ящик... ага! Это я в аэропорту, отправляясь за рубеж, опускаю важную почту! Я подошел к ящику, и, солидно брякнув крышечкой, опустил письма.

Неторопливо повернулся, сделал два шага... и увидел все мои письма, лежащие передо мной на асфальте! Что такое? — не понял я — неужели я промахнулся мимо ящика? Мистика какая-то!

На второй раз я тщательно вставил письма в щель, пропихнул... громыхнул крышечкой. Вот так! Повернулся, удовлетворенный, пошел... и увидел все мои письма на асфальте!

Жанр требует, чтобы я опустил письма в третий раз, и, наверное, так оно и было. И опять — письма оказались у меня под ногами.

Я стоял, пораженный этой загадкой. Потом, одолев оцепенение, решил потрогать дно ящика... дна не оказалось! В международном аэропорту просто и неприятно висел почтовый ящик без дна! Вот такая у нас жизнь. Очень-то не зазнавайся!

Лариса Рудштейн — программист. Окончила Минский институт иностранных языков. В Израиле с 1971 г. Живет в Иерусалиме. В 1992–1993 гг. ее юмористические миниатюры печатались в "Бесэдере". Проза публикуется впервые.

Лариса Рудштейн

ПЫЛЬ ДА ТУМАН

Зачем я сюда приехала, думала Малая. Рупор на столбе — га-ва-рит Мас-ква. Чахлый лесок турбазы, неведомые деревья с трудом растут в вытоптанном песке. Растут, потому что посадили. Приехала, потому что приехала. Хотела в Самарканд, изразцы, мол, голубые с золотом, но с кем? Одна в Москве, другая на байдарке, третий ни с того ни с сего решил давать уроки математики — жить ему, видите ли, надо, а в книжной витрине вдруг плакат — суздальские луковичцы, голубые с золотом. Ну как не поехать к Владимиру Красное Солнышко, неважно, кто там в Киеве, кто в Володимере, лети вперед, паровоз. И полетела. На верхней полке. На нижней храпел здоровенный в майке, ночью вдруг сквозь спящие глаза черное окно с красноватыми искрами еще больше почернело, что за холера? А это в майке, оказывается, уже стоит на всех четырех, сзади хвост, большой, чешуйчатый, и сопит. Готовится. Давно едет, небось, накопилось. Да ты ш-ш-то? и ногой его, вот именно. Иди душ холодный прими, жлоба кусок. Рвануть окошко, голову под адский ветер с сажей, в сердце такой колотун, чего доброго, Кондратия схватишь от страха. А тот ничего, слетел, шмякнулся, вымастерился, но больше не лез, к утру вообще зник. Эх, дороги.

То ли луковичка, то ли репка, но с этим вот яблочком что делать? Зина, кажется. С шиньоном. Увидела у Малой книгу, расхохоталась — ты что, читать сюда приперлась? Что за наказание с ними, почему они так ненавидят книги, ведь читать все умеют, неинтересно им, что ли? И унеслась на танцы, сияя. Но я-то зачем сюда приехала? Книжки читать лучше дома на диване. Хотя как сказать. Мама плохо переносит, когда дочка все дома да дома. Что ты сидишь надутая, как старая дева, надо же, а мне проходу не давали, я всегда хохотала. Устроила вместе с конкуренткой-подлизой вечеринку класса, надеясь свести еврейскую девочку с еврейским мальчиком, сыном подлизы. Приготовила голубцы. Подливали не слишком противный самогон, голубцы попались не мамины, протухшие, но еврейский мальчик пошел-таки провожать еврейскую девочку, на лавочке за-

говорили про Мастера и Маргариту, мальчик-то в Москве, оказывается, вырос, осмелел, перестал сморкаться за парту, зато девочке самогон ударил в голову, нет, хуже — в желудок, и ее рвало и рвало за лавочку, природа, бя. Не доросла ты еще до самогона с голубцами. Вернулась домой часа в три ночи, увы, совсем не то, что вы думаете. Затем и едешь. За туманом.

Все-таки не то же самое. Все-таки Суздаль, и синие луковицы — еще ярче, чем на плакате, пузатые, шероховатые, и бесконечная стена вечно ремонтируемого монастыря, и крутые переулочки, и соленые огурцы в меду — обыкновенные вялые соленые огурцы в обыкновенном приторном меду, а вот поди ж ты! Запомнилось. И змейка-Судогда, бездонная, ледяная, ныряла в нее со столетнего дуба, во-во, для этого ехала, побыть русалкой часок-другой, на неведомых дорожках. Чайковский на ветвях сидит и насвистывает свой Первый концерт. А вот взлетел и превратился в облако, яркое, пышное. Конечно, не без Федиколи — оба тоже ныряли, ждали на берегу, загорелые, блестящие, в черных трусах, и небо тоже ярко-синее, подавали веснушчатую руку, говорили о футболе, но на ярко-русском. Федя уже в гости приглашал, хоть ты и еврейка, но мать у меня хорошая. На Клязьму в поход удалось пойти без обоих, уйти в предрассветный туман — вот и туман, а что я говорила? — ничего не видно, Женя — слава Богу или жаль, что — женатый, с сыном, хороший мужик — разжигает маленький костерок, треск и дым, прекрасно. Не только хаханьки, Зинуля. Ей как раз нравился Федя, долетело до уха, шепотом — заколдовала тебя жидовочка, что ли? Да бери его даром, ради Бога. Но поговорить-то не с собой тоже надо, или как? Вторую неделю тренирую Окуджаву в уме, что на свете происходит — Бог весть.

Малая и есть. Не зря так прозвали, не только за рост. В шестом классе появилась одна еще ниже, но прозвище не переключивало, нет, бойкая, визгливая, там, где имела, всегда ее было много. А Малой мало, мышки такой. О чем думали, когда называли? У китайцев, кажется, ребенку сначала дают временное детское имя, потом смотрят, какой получается, и соответственно. А тут имя дали на вырост, на десять размеров больше, а Малая возьми и не вырасти, что же делать? До поры до времени обходилась ласкательным, потом уменьшительным, теперь надо на полное переходить, какой ужас, иногда уже и называют так, но это не я, хочет сказать Малая, это высокая полная дама, блондинка, в голубом бостоновом пальто. Но, конечно, молчит, только ежится и краснеет. Малая и есть. Тут, конечно, сразу стали называть по паспорту, не объяснять же, да и пора привыкать, но трудно. Не я, не я, не я. А я кто же?

Ну ничего. Будет что вспомнить, а то и рассказать. Комнату отдыха во Владимире, например. Приехала туда из Москвы поздно вечером, в Суздаль автобусов уже не было, дали место в колыбели в комнате матери и ребенка. Ноги-руки высовывались за решетку, но если сжаться ежом, свернуться котом, пожалуй, не замурычишь, но провалиться на пару часов можно, несмотря на зверский храп на материнской койке. А там и перламутровый рассвет, фонари пронзительно горят, видны со звезд, и звезды видны, и пахнет казенными простынями. Гаварит Масква, бодренький голос. Надои, посева. Унылые подъемные краны над

микрорайонами. Рядом садится молодой жлоб, смотрит с интересом, Малая отворачивается к окну. Сейчас скажет — Девушка, почему вы такая злая? Нет, молчит, слава Богу. Странно. Краем глаза — спит, бедняга, уморился где-то. Спи себе, но зачем на моем плече? Пытаешься сбросить, он только еще удобнее устроивается. Черт с ним? Пусть спит? А рука почему уже на колено ползет, тоже во сне? И не пересядешь, все места заняты, вот наказание, стоя ехать тоже не стоит. Опять сбрасываешь голову, руку, парень открывает глаза и наконец-то: Девушка, почему вы такая злая? Сразу бы так.

Еще неделя (много!), и домой, ладно, что-то все-таки повидала.

Зачем радио так громко включили, заразы, орет на всю турбазу.

Что?! Что она га-ва-рит?!

Сегодня, 21 августа 1968 года, советские войска пришли на помощь братскому чехословацкому народу...

Вот тебе и на. Стоит отвлечься от мировых дел, и все отбивается от рук. Как же так? В мире черт знает что творится, а тут ничего не узнаешь. По радио вранье, в газетах вранье, да и привозят газеты на три дня позже, целую неделю еще маяться, кошмар! Представляю себе, что передают по Би-би-си. Занесло же дуру сюда, Господи, как это выдержать, молчать, ни бум-бум, или поехать домой? То же жалко, есть еще экскурсии, деньги опять же плочены. В полном недоумении Малая машинально доела опротивевшую манную кашу и оглядела столовую, по привычке надеясь увидеть что-нибудь смешное. Смешного не было, но у дверей стоял немолодой незнакомый человек, прижимая к уху небольшой транзистор. Малая вытаращила на него глаза — из наших? Откуда он взялся? На вид интеллигент, явно городской житель, но здесь же сплошная мелюзга, впрочем, какая разница, неспроста он слушает приемник. Мужчина с транзистором повернул голову и внимательно посмотрел на Малую. Э-э-э. Извините, вы...? Быстрое взаимное обнюхивание — можно ли доверять? Стоит ли рискнуть? Сядутся на лавочку, из транзистора еле слышно доносятся звонкие квинты и кварты Биг Бена. Свой.

Его звали Евгений Борисович, пятьдесят с хвостиком, весьма в форме, преподаватель физики, конечно, все читал, все слышал, возмущен и в ужасе. Какие сволочи, но чего ожидать? А ты — сразу ты, в отцы годится, глупо возражать, наверное — откуда, куда, как зовут, сразу начал звать ласкательным, ну да, потечески, не поправлять же. Да-да, мерзавцы, прекрасная погода, покатаемся на лодке, хочешь? Теплая вода, жарко, Евгений Борисович осторожно, деликатно трогает каплю пота, стекающую из-под подмышки. Точные прохладные пальцы. Когда собираешься домой? У меня в Москве пустая квартира. Не знаю, бормочет Малая, разморенная солнцем, в голове видится гулкая высокая комната, полно книг и безделушек. Жены, похоже, нет. Сходим в музей, впрочем, решай сама. Диван и кофе. У вас — у тебя? — у вас — есть Окуджава? Конечно, какие ты песни любишь? Ваше величество Женщина, напевает он негромко. Вот это угадал! Малая восторженно смотрит на него. Да он все еще красивый, и наверняка опытный, не чета Феде-Коле. Федя хватает ее за руку, когда она пытается незаметно проскользнуть в свою комнату. Ты что с этим старым хреном связалась? Коля курит и молчит. Что ему сказать? Из комнаты выска-

кивает расфуфыренная Зина, что-то шепчет Коле, идем, резко говорит он Феде, права она была. И шелестит — жида.

Жиды так жиды. Жалко немного Федю, славный паренек, ласковый, получается, что Малая его обманула, использовала, что ли, но ведь ничего и не обещала, даже не целовались еще. Теперь антисемитом станет, много ли надо. Ух, еще четыре дня, а завтра поездка к знаменитой церкви Покрова на Нерли, и Евгений Борисович тоже едет.

Вот это действительно колдовство. Беленькая, неземная, в воде колышущийся двойник. Мелкие волны набегают на пологий бережок, тишина, покой, вдыхай все это, ведь уедешь, сначала домой, потом за тридевять земель, больше не увидишь, не повезет — даже во сне не явится, замуровывай в памяти навсегда душистый воздух, свет красноватого уже светила, траву, волну, тонкий туман, людей не обязательно, дядя отошел, умница, не трещит, не мешает.

По дороге назад заехали заправиться в какой-то поселок, стоит толпа, тип в костюме вещает про Чехословакию. Реваншисты... Империалисты... Руку помощи... Вопросы будут? У меня вопрос, говорит Малая, и опытный спутник откакивает в толпу, там же избранное народом правительство, откуда империалисты? Лектор чересчур внимательно смотрит на юную дуру, Евгений Борисович, видит она затылком, ломает руки. А вы откуда, девушка? Из Москвы, смело врет Малая, вокруг быстро углубляется воронка. Тут подал сигнал автобус, дядюшка схватил свою протезе за руку и поволок, что-то отчаянно шепча. Она уже знакома с сионистами, почти не боится, но он-то еще после культа не опомнился, фигу в кармане — максимум, на что способен. Усаживает ее на место и вдруг — У тебя изумительная мимика! И в глазах, кажется, интерес уже к ней, а не просто интрижка.

Мимика? Правду говорит или просто комплимент? Пару лет назад один художник заявил, что детские лица трудно рисовать, они, мол, неоформленные. Что же теперь, оформилось лицо?

В Москву, в Москву! Остаться у него или поехать к дяде, как предполагалось раньше? Лучше наставника не найти, главное — хватит ума и опыта не довести до аборта, о страшных последствиях которого уже лет пятнадцать предупреждает Малую журнал Здоровье, но как избежать одного, говорит мало и непонятно. Опять представляется гулкая высокая комната, темные занавеси, статуэтки из полированного дерева, книги до потолка. Но не страшно ли? И как же любовь? Суженый? Дорогое самое?

О Господи. Ладно, доедем до Москвы, там решим.

Покупает мороженое, явно возбужден, небось, уже мечтает. Но не торопит. Прикасается якобы невзначай. Толково прикасается, мурашки. Рискнуть? Будет ли еще такой шанс? Узнаешь наконец что-то не из книг, а любовь... Будет и любовь, когда-нибудь. Хорошо пахнет, зараза, Шипром, прохладно.

К дяде. Дядя, конечно, есть, но ничего ему не писала, Бог знает, дома ли он, явиться как снег на голову тоже небольшое удовольствие, здравствуйте, я ваша племянница. От единственного визита дяди остались чудесные карточки Малой с котом, без кота, огромные теплые глаза, взъерошенная головка под сиренью,

платице с крылышками, красное с белыми и желтыми кругами. Куда все это пропало за десять лет? Худенькая, правда, но глаза в два раза меньше, грудь, бедра, рост чуть ли не тот же. Такой она будет, когда вырастет, говорили и казалось. И хвост поклонников. Как же. Не хвост, а рожки да ножки, жлобы, был один, клялся в любви, через месяц женился на бывшей невесте, пригласил на свадьбу, первый вальс танцевал с Малой, как же, мол, так? А так. Невеста тоже, бедняга, улыбалась через силу. Чего-то Малой явно не хватает, они это чувствуют, как-то на улице паренек окликает, симпатичный, москвич, на машине, кинооператор, поедет за город? Дура согласна, в лесу он говорит — Ну? Что ну? — отвечает Малая — лес нежен, задумчив, красота до слез, задохнуться можно. Раз так, поехали назад, говорит кинооператор. Ей и в голову не пришло, что можно вот так сразу и что такой славный и скромный на вид мальчик не собирался ни разговаривать с ней, ни ухаживать, ни цветы преподносить — ничего. Евгений Борисович между тем не умолкает, мечет комплименты — твоя улыбка! Глаза! Брови! Платье! Платье? А ведь приятно, хоть и понимаешь, что ему тоже наверняка нужно не так уж много, про любовь не говорит, но хотя бы соблазнить пытается по старинке, по-человечески. О Господи.

Приехали. Решай. Сейчас ко мне, оставим вещи, потом пойдем в ресторан, решительно говорит ловелас. Чемодан в камеру хранения, оставляет себе Малая тылы. Если что — сумку хватать и деру. Сказать ему, что я девица? Успеется.

Действительно, высокая, запыленная комната, повернуться негде из-за книг, вещей, вещичек. Располагайся, сейчас сделаю кофе. Здорово тут, картины хорошие, ковры, на полу свалены газеты. Ты куда хочешь завтра пойти? кричит он из кухни. А может, я его полюблю? Бывает ведь и такое. На папу не похож, правда. Малая нагнулась над сумкой, чтоб вынуть туалетное барахло, и вдруг внутри трусиков разлилась знакомая до ужаса вязкая теплота. Не может быть, еще дней пять до срока, почему, откуда!? Из кухни уже выплывал с подносом сияющий Дон-Жуан. Это что-то другое, отчаянно кричала она себе, летя в сортир, Господи, спаси и помилуй! Но это было именно то.

В прохладной ванной, замывая и пряча — еще счастье, что в сумке была ва-та — Малая лихорадочно пыталась найти какой-нибудь выход. Проклятая природа в который раз подставила подножку. Теперь только бежать. Улучить момент и выскользнуть из квартиры. Например, когда он в свой черед зайдет в сортир. А кофе можно и выпить. Но Евгений Борисович, вероятно, обладал весьма вместительным мочевым пузырем и в туалет так и не пошел. В какой ресторан ты хочешь? Не знаю, я очень устала, и вообще мне пора к дяде. Вот покушаем, и отвезу тебя к дяде. Пошли. Ладно, в конце концов, поесть тоже надо, может, в ресторане удастся удрать, выйти и не вернуться, как часто бывает в фильмах. Нет, так нечестно. Что же делать, Боже ты мой!

В сияющем ресторане, уставленном зелеными кадками, среди солидных белофартовых официантов, она решила прежде всего просто вкусно поесть. Евгений Борисович выпил, начал рассказывать про своих знаменитых друзей, обещал познакомить ее с тем, и с тем, и с тем, физики, поэты, художники. Как все могло быть хорошо. А если сказать ему правду? Какая гадость. Но после потря-

сающего цыпленка табака вся ситуация показалась ей фантастически смешной. Представляю себе, какую рожу он скорчит, когда. Ничего-то не подозревает, старый идиот! Тоже мне соблазнитель. А ведь ничего такого никогда не слышала и не читала! Нет еще книжки про нашу любовь. Жалко его немножко, но ничего, сумеет утешиться. Но как же я ему скажу?

И что скажу?

Казанова оставил щедрые чаевые, Малая сунулась было со своим кошельком, что ты, милая, даже и не думай. Старичок все-таки устал, да и близость осуществления мечты давала себя знать, глаза его покраснели, он явно хотел поскорей добраться домой. Ну все, больше тянуть нельзя.

Я поеду к дяде, слотнув для храбрости, заявила девушка. Да-да, завтра, небрежно бросил он, не останавливаясь. Нет, сейчас. Евгений Борисович медленно повернулся к ней, у него был вид птицы, которую подстрелили на лету, и она постепенно начинает это понимать. Что? прошептал он. Я сейчас поеду к дяде, повторила она, перепугавшись. А вдруг убьет? Они же в зверей превращаются, если им не. Глаза его полезли на лоб, лицо надулось, он схватил ее за руку, ах ты засранка, сучка, такая маленькая, а такая... шептал он, страшная злость клубилась над ним вместе с запахом коньяка. Или сам умрет, что тогда? Малая метнулась, пытаясь вырваться, но он прижал ее к стене дома. Было темно и пусто. Твердое толстое колено вдвинулось между бедер. Над недоступными крышами клубилось волшебное розовое зарево. Помогите, шепотом завизжала Малая, противная вялость разливалась по ногам, по рукам. Вдруг раздался смех. Какая-то компания двигалась в их направлении, гогоча и топоча. Старый конь борозды не портит, сказали громко. Евгений Борисович опомнился, отпрянул. Отдавай тогда деньги, паскуда, прошипел он. Какие деньги? в ужасе спросила Малая. Десять рублей, за обед, нажралась за мой счет, блядь!

В комнате матери и ребенка на сей раз повезло — койка матери пустовала. Запах казенной постели теперь показался успокаивающе-знакомым. Уединившись с зеркальцем, наброситься на ни в чем не повинные нос, лоб, тонкая изысканная боль обволакивает пухом взбесившиеся нервы. Потом баю-баюшки баю, не ложися на краю. Сходила в большие, так сказать. Придет серенький волчок, схватит дуру за бочок. Свернуться ежом, котом. Не доросла ни до самогона с голубцами, ни до ничего, Евгений Борисович периода вторжения в Прагу трогал капельку пота, Федя-Коля упрямо отворачивались. Вот тебе и эх, дороги, пыль да туман.

НИЧЕГО НЕ ПРОИЗОШЛО

Вот комната, в которой ничего не произошло, просто работала там приятная женщина средних лет по имени Мира, иногда кое-что делала, больше думала о всяких своих делах. Комната была вполне приемлемая, обычно в ней пребывали трое. Мира сидела на лучшем месте, у окна, переместившись туда после нескольких лет у двери, где считалось неудобно и непрестижно. Даже в таких делах есть свой престиж. Чтоб устроиться у окна, надо было дожидаться ухода, пе-

рехода, выхода на пенсию, а то и смерти той, которая занимала заветное место. К счастью, никто не умер, служащие, как геологические пласты, тоже иногда сдвигаются, и Мира в конце концов заняла желанную позицию, твердо решив, что ее-то оттуда вообще ничто никогда не вытолкнет. Но не об этом речь.

А о том, что в начале 90-х годов, когда на Израиль обрушился тайфун переселенцев из Советского Союза, одна из соседок Миры переехала куда-то и на ее место посадили новенькую — быструю черноглазую Лиду. Мира, надо сказать сразу, во всех аспектах жизни предпочитала котов, к людям в лучшем случае привыкала, поэтому переменам отнюдь не была рада. Лида же была растеряна и отчаянно пыталась понять, кто с кем и во что здесь играет. Зная, что мурло, но стараясь не демонстрировать это слишком откровенно, Мира приняла новенькую приветливо, терпеливо помогала ей с ивритом, сразу предложила перейти на ты, но та почему-то заупрямилась. Ну ладно, успеется. И жизнь опять потекла по утоптанному руслу.

В ее спокойном фарватере имелась точка, где по неписаной и неизвестно кем введенной традиции члены комнаты по утрам по очереди мыли три чашки. Когда Лида обзавелась внушительной белой посудиной с рубчиками, на следующее же утро Мира, встав, взяла свою чашку, еще одну, принадлежавшую третьей женщине, о которой ничего не будет сказано, и Лидину, и неторопливо прошествовала в кофейный уголок, где тщательно вымыла все три части этого случайного сервиза, вытерла их бумагой, ложечки тоже, и, вернувшись в комнату, мягко поставила на бумажный лист у подножья пузатого чайника, известного своим нахальством — кипел, когда хотел, а не когда надо. Лида взметнула на Миру черные глаза и захотела что-то сказать, но не сказала. Мира выпила кофе и забыла о чашках.

Согласно вышеупомянутой традиции, на завтра чашки должна была мыть Лида, но она не поняла или забыла и с утра сидела, вперившись в экран. Мира подождала полчаса, ей хотелось кофе, взывал бутерброд с сыром, она внимательно посмотрела на Лиду, та не отреагировала на телепатическое Ну. Мира взяла все чашки и пошла их мыть. Когда она вернулась, Лида все так же сидела, уткнувшись взором в экран, слегка пошевелилась, ничего не сказала, через десять минут приготовила себе кофе.

Когда та же история повторилась несколько раз, Мира начала посматривать на Лиду с интересом, сдобренным раздражением. Что она себе думает, думала Мира, ей что, всегда домработница мыла чашки, ведь не первый день работает. Могла бы, например, сказать, мол, не надо мыть, если не хочет. Или помыть сама. Много есть вариантов, думала Мира, но молчала, потому что не могла придумать, что сказать взрослому малознакомому человеку, который таким дурацким образом нарушает регламент. Видно было, что с каждым утром Лиде все неприятнее становился чашкомоечный ритуал, она ежилась или делала вид, что не замечает, иногда открывала рот, как бы пытаясь что-то вымолвить, но тут же закрывала, и на лице у нее появлялась некая покорность судьбе.

Помимо возни с чашками, Мира и Лида неоднократно в течение дня пересекались по делам службы, и утренняя взаимная злость изредка давала себя

знать то чрезмерной предупредительностью, то чуть-чуть слишком долгим молчанием, когда требовался немедленный ответ. Но посторонний человек ничего бы не заметил.

Между тем накапливались дни, утро которых проходило в безмолвной злобе, и слой этой злобы ощутимо нарастал. Мире хотелось нечаянно разбить проклятую белую чашку, иногда она с упоением представляла себе, как мерзкая посуда выскальзывает из намыленных пальцев. Лиде хотелось, чтоб Мира нечаянно подавилась своим неизменным бутербродом с сыром и затем захлебнулась чаем. Эти красочные картинки плотно висели в воздухе комнаты, двигались, сталкивались, разлетались по углам. Дышать становилось все тяжелее.

Но Мира крепко держала белую чашку, а Лида, мечтая, одергивала себя и заменяла казнь на внезапный приступ лени — ведь стоило только Мире один раз не помыть ее чашку, как весь ритуал рухнул бы, как вавилонская башня.

Мечты, однако, не помогали. Прошел месяц. Однажды утром Лида взглянула на Миру, копавшуюся в сумке, и увидела, что та уже целый месяц терпеливо и безмолвно моет ее чашку, ничего не получая взамен. Без единого слова. Без малейшего ропота. Вокруг головы Миры колебался светлый нимб. Она святая, с ужасом подумала Лида, она... Этого не может быть, но я позволяю этому быть. Даже, можно сказать, споспешествую. Лида любила заковыристые слова и страдала от своего крайне убогого иврита. Она у меня на глазах вознесется в рай. За спиной Миры зашуршали крылья. Лида вскочила, ей было страшно. Она схватила свою чашку, преодолев отвращение к чужой посуде, взяла Мирину, на которой было написано Самой лучшей маме, и быстро вышла. Мира не успела даже удивиться.

Через десять минут Лида вернулась, поставила обе чашки на бумагу у подножия чайника и села на свое место. На Миру она не смотрела. Ей все еще было противно. Теперь так будет всегда, обреченно думала она. Сегодня я, завтра она. Всю жизнь. Но нимб вокруг Миры слегка потускнел. Она смотрела на Лиду, потом отвела глаза.

На следующий день Мира протянула было руку к Лидиной чашке, но пальцы сжались и отвернулись. Она взяла свою и медленно, не глядя на коллегу, прошла к двери. Внутри, где-то в пищеводе, казалось ей, торчал кусок плохо прожеванной бумаги. Попью кофе — пройдет, бесцветно думала она.

Еще через пару дней, когда от крыльев остались только жесткие ростки, Лида сказала ей ты.

ТИХИЙ УГОЛОК

Вы замечаете, что жить становится все труднее. Ваш тихий уголок, где вы с огромным трудом несколько лет назад, мит грыне верым, извиняюсь за неаппетитное выражение, означающее на идиш зеленых червей, появляющихся при рвоте... ваш тишайший уголок, где вы мит грыне верым столько-то лет назад построили себе домик, который теперь уже вам велик, вы стали меньше в два

раза, дети, что называется, вылетели из гнезда, тем самым позволив вам по вечерам блаженствовать в полной тишине и относительной темноте, слушать то Баха, то Щербакова, равно гениально, никакой секс не может сравниться, во всяком случае, ваш секс, да наверняка не только ваш, хоть по всем каналам торжествует блядство и вас пытаются заставить заниматься сексом день и ночь, или хотя бы думать о сексе день и ночь, а главным образом покупать всевозможные аксессуары, от одежды до еды, все для секса, все для победы... Но не об этом речь, а о вашем тишайшем уголке, забытом Богом, прогрессом и муниципалитетом — так вы думали столько-то лет назад, впервые попав на эти петляющие улочки, где сами собой, то есть, конечно же, каждый мит грине верым, растут домики разных мастей, нарушая устав муниципалитета и никак не укладываясь в финансовые возможности владельцев, известные налоговому управлению. Здесь только лаяли собаки — какие самозабвенные концерты они устраивали именно тогда, когда вы сворачивались уютным клубком, на животе, подогнув одну ногу и подложив руку под подушку, запрещенная поза при ваших проблемах со спиной, утром вы вставали с великим трудом, но как счастливы бывали ночью на своем чердаке, в своей мансарде, следя за неясными бликами на потолке от неярких огней далеких улиц и немногих проезжавших машин. Вы взобрались на чердак, куда вам не разрешали залезать, потому что потолок еле держался, крыша протекала, лестница стояла плохо, и только один раз вам удалось туда залезть и постоять с колотящимся сердцем у маленького запыленного окошка, и вот уже папа лезет за вами, с колотящимся сердцем. Выплыли на чердаке по тем океанам, где когда-то загадочно светилась Тайна Двух Океанов, какая тайна, о чем тайна — давно забыто, но неважно. Вы говорили о собаках. Да. Собаки заливались на все лады, минор, мажор, дорийский, китайский, они дразнили эхо, вольготно жившее тогда в близлежащем вади, оно прыгало по откосам вади и передразнивало собак. Первыми все-таки уставали псы, ложились наконец спать в своих тенистых дремлющих дворах, а эхо еще долго ворчало и взывало в высоченных зарослях бешено растущего тростника. Будь там хоть крошечный ручеек, завелись бы и роскошные нимфы, валялись бы на траве, как на обложке блядского журнала, кверху персиком, кося хихикающим оком. Но ручейков между весенним и осенним равноденствиями у нас не бывает, и возможно, что скоро не будет и между осенним и весенним. Тем не менее по ночам кричат гуси, хрипло и заносчиво, неизвестно где. Но вы отвлеклись, вы далеко отвлеклись, на много лет и еще больше верст, вернитесь же на вашу еще недавно тишайшую улочку, которую сейчас и отныне навеки захватил огромный оранжевый саблезубый трактор, каждый день он жадно откусывает большие ломти земли и не жуя бросает их в кузов угодливо притулившегося рядом самосвала, и оба грохочут, и оба пускают длинные шлейфы желтой пыли, и пыль эта оседает на ваших столах, шкафах, глазах, обволакивает хлеб и помидоры. Вы живете в состоянии перманентного медленного извержения вулкана, из-за того, что оно медленное, оно считается не извержением вулкана, а просто заменой труб, но вот стоит торжественный, белый, не разложимый на цвета радуги луч, в нем клубится Сахара, вставшая на дыбы, ее протуберанцы

вылетают за пределы луча в поисках подходящей поверхности. Полежав несколько дней, пыль теряет золотой блеск и превращается в грязный песок, который вы, кашляя и обливаясь потом, выметааете, выметааете и никак не можете вымести ни из дома, ни с крыльца, ни со ступенек лестницы. Там, где ваша рука редко вмешивается — на крыше шкафов, например, — пыль быстро приобретает геологические атрибуты — толщину, плотность, солидность, там, возможно, начинают образовываться новые элементы, алмазы, каменный уголь, неизвестные формы жизни. Вчера ваш ясновельможный кот схватил странную розовую ящерку, толстенькую, коротколапую, недалеко яростно извивался тоненький полосатый червячок, судя по окраске и прочей схожести — ее хвост, который застыл в тот же момент, когда божественный хищник довел ящерку до разрыва сердца и бросил, как и положено богам. Даже не съел. Вам хочется думать, что и ящерка, и ее хвост самопроизвольно возникли из пыли, что на ваших глазах творится нечто параллельное привычной, любимой и надоевшей вселенной, и что оранжевые динозавры не сегодня-завтра ухнут в ими же самими вырытую черную дыру. Начитались же вы новейших открытий в космологии на свою голову. Нет, не ухнут. Вам отключают воду на день, еще на день, навсегда, вы заранее наполняете водой кастрюлю и пару бутылок, что будет, когда кончится? не стоит и думать, все равно конец света. Или преддверие конца. На улице тем временем заодно с новыми трубами вешают на столбе новый фонарь, свет которого решительно вторгается в вашу укромную опочивальню на чердаке, ночью проникает вам в глаза через крепко сомкнутые вежды и творит дикие, изматывающие сны. Сосед напротив тоже вешает на ворота фонарь небывалой мощности, 5000 свечей, не меньше, чтоб ворам было лучше видно, как залезть к нему в дом, который при малейшем прикосновении этих воров или гигантских летучих тараканов поднимает неопишумый гвалт, визжит и рыдает и мечется, вырывая на себе розы, растущие на балконе, неизменно глубокой темной прекрасной ночью, хозяина нет дома, вы наглухо закрываете все окна, но все равно слышите вой разъяренного строения, заодно начинаете задыхаться, меж тем как и муниципальный, и частный фонари пылают, как сверхновая звезда. Господи, куда деваться. У одного из соседей есть ключ от обезумевшего дома, он просыпается, ничего не понимает, встает, писает, одевается, все еще не проснувшись, начинает искать ключ, не находит, ключ всегда лежал в корзиночке на тумбочке, теперь его там нету, где он, еби его мать, кос иммо, фак ит, плюс персидские и индийские синонимы, он был в Индии, где его укусила бешеная собака, а персидские унаследовал от папы, но они невозпроизводимы, тем временем все вскочили, где ключ?!!! ты его сам куда-то засунул в прошлый раз?!!! О Боже, Боже, под кожей лба справа начинает прорастать бамбук, сантиметр в час, нет, баобаб, его корни толстеют, опоясывая планету черепа и сжимая ее, как гигантская анаконда, которую вы как-то видели в Эйлате, тогда вас сильно развеселили пикантные детали интимной жизни чудовища, теперь же оно вам мстит за ваш смех и тесную клетку, в которую было заключено такими же, как вы. Но вдруг тишина. Сосед нашел ключ и укротил взбесившееся здание. Оно все еще немного ворчит, кажется вам, как собака

после приступа особо злобного лая. Но мигрень теперь долго не успокоится, таблетки тоже вряд ли помогут, вас тошнит, вы вспоминаете зеленых червей, нет, лучше не надо, вы лежите на спине, как свежий, еще не остывший труп, медленно дышите, стараясь не задеть мигрень дыханием, ночь тиха. Пустыня внемлет Богу. И звезда с звездой говорит.

ПРОГУЛКА

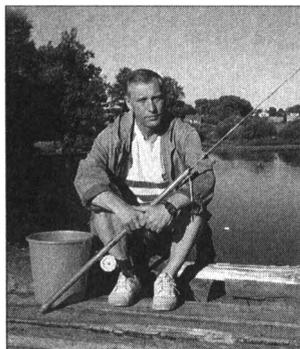
Вот вы идете гулять со своей мамой, старой и полоумной. С утра вы решили предложить ей прогулку, потому что не желали приглашать ее к себе на картошку с селедкой, потому что накануне были в гостях, выпили и переели, и вообще чувствовали себя отвратительно, ноги опухли, приливы превратились в цунами, но все же жалко ее, сидит одна в душевой квартире, окна не открывает, боится ли, забывает ли, какой-то специфический запах, противный, напоминает майских жуков, как только вы входите к ней, вас с головой покрывает приливом. В общем, легче пойти погулять, чем звать ее к себе, идти за ней, она не помнит, где вы живете, хотя пять шагов, но недавно вдруг явилась в семь часов утра за лекарствами, которые вы должны были получить для нее через две недели, предварительно позвонила, в половине седьмого, вы не слышали, были в душе, а муж догадался, что это она, и не поднял трубку. Пришла в зимнем теплом халате и тапочках, хотя жара, вы ее успокоили, усадили, чаем напоили, отвели домой, потом сердце екало при каждом стуке с улицы и вы быстро выглядывали — а вдруг опять идет? То есть хоть и знает, где вы живете, но на самом деле не знает, не может себе представить, надо идти за ней, ждать, пока она оденется, найдет юбку, туфли, за это время потеряет расческу, терять она мастак, в мгновение ока вещь исчезает бесследно, вы начнете искать под столом, где стоит большой таз с каким-то цементом, под кроватью, где стоит завязанная в платок кастрюля с деньгами, в туалете, на кухне, заодно поднимете бумажки, пустые бутылки из-под растительного масла, пустые коробки от печенья, быстро всунете все это в мешочек, надеясь выбросить незаметно от нее, чтоб хоть немножко меньше хлама стало в квартире, но она тут же заметит, нет, нет, оставь это, я еще посмотрю, может, это не мусор, она хранит использованные флакончики от глазных капель, говорит, когда их много, мне легче. Вы уже давно с ней не спорите, пусть легче, но расческа пропала, соседка украла, торжествующе заявит она, я знаю, она заходила недавно, сука, просила деньги на уборку лестницы, а кейвер аф ир (чтоб ей сдохнуть). Дома тем временем картошка давно сварится, сын придет, будет ждать, муж будет злиться. Ясно, что лучше погулять. Но очень жарко, у вас болит голова, вообще упадок сил, вы вчера переутомились, руки-ноги умоляют — ляг! Вы ложитесь на диван с газетой, руки-ноги блаженно проваливаются. Лежать бы так дня три. Какие прогулки. Тут приезжает дочка, надо встать, встретить, две недели не виделись, расспросить, как да что. Накормить. Соскучилась по домашней еде. Сегодня, слава Богу, в духе, вы говорите с ней о работе, о возможном знакомстве, о занятиях живопи-

сю, а не о том, что было две недели назад, когда была не в духе. Уже четыре часа, память тук-тук-тук — вы хотели погулять с мамой, сидит одна, как сыч... Сейчас. Через полчаса. Заведу стиральную машину и тогда. Нет, сначала поем. Выпью чаю.

Звонок. У меня что-то плохо с сердцем, надо выйти, но одной неудобно. Не можете же вы теперь отказать. Голова болит, лоб залит потом, туфли не налезают. Ладно, пойдем. Дочка неохотно идет с вами. Вы ждете на улице полчаса, потом поднимаетесь к ней. Она в сотый раз запирает дверь. Дверь не запирается, утверждает. Дверь запирается, ключ чуть-чуть заедает. Вы пытаетесь убедить ее, что никто не взламывал ей дверь. Вы сбегаете вниз. Она живет на четвертом этаже без лифта, ни одышки, ни слабости, идет медленно, правда, но верно. Неделю назад умерла одна из ваших любимых подруг. На десять лет моложе ее. Рак. Три года назад умер муж этой подруги. Пять лет назад умерли два двоюродных брата вашего мужа, сорока с чем-то лет. Пятнадцать лет назад умер ваш отец, потом его брат, две сестры. Вы мрачно думаете — кого следующего она переживет? Грех так думать, вы поспешно отгоняете от себя эти мысли. Она все время говорит, у вас острый слух, вы не в состоянии не обращать внимания, она говорит уже о том, что в мире есть Хозяин. Высокие благородные тополя в парке повернули к ветру серебристую изнанку листьев, она восхищается красотой. С этим вы согласны, даже говорите что-то, мол, да, действительно. Она думает, что это цветы. Нет, это нижняя сторона листьев. Она уже забыла про тополя и говорит про пальмы. Они погибают, куда смотрит власть? Нет, просто засохли нижние ветки. Это всегда так было? А почему я не помню? Плохо дело с моей головой, надо пойти к врачу. К врачу уже ходили, вяло говорите вы. И что он сказал? Что надо принимать лекарство. Уже больше года вы каждый день напоминаете ей о лекарстве, которое якобы замедляет процесс. Она каждый день принимает таблетку, но в упаковке их меньше не становится. Лишь бы хуже не было, смиренно заявляет она. На лужайке перед вами вдруг россыпь сиреневых, розовых, синих — низенькие, почему-то не скошенные кустики вербены цветут так весело и беззаботно, что и вы вдруг способны сказать: смотри, какая красота! И какая-то твердая подошва в душе немного смягчается, вы переводите дух. Солнце все еще бьет вам в угол правого глаза, несмотря на шляпу и темные очки. Она не носит шляпы, ей ничего не мешает, она думает, что вы идете с ней к вам домой, и громко кричит — разве сюда? Мы просто идем гулять, ты же хотела гулять, медленно, терпеливо объясняете вы. Вы ведете ее к просторной зеленой лужайке, где пять лет гуляли со своим любимым песиком, с каким восторгом он носился по траве, валялся в дерьме, знакомился с собаками! Погиб год назад от совместных усилий собаки-дьявола и ветеринара. На лужайке сидят две молодые семьи, в каждой беленький мальчик лет шести-семи. Отцы начинают играть с детьми в футбол. Мальчик помладше, бойкий и нервный, весело, нетерпеливо прыгает в ожидании мяча, но пропустив гол, бросается на траву и рыдает. Родители не обращают внимания. Воспитывают. Вы сидите с мамой и дочкой на каменном бортике. Смотри, говорит мама, мы на них все время смотрим, а они на нас ни разу не посмотрели. Точность замечания вас одновременно раду-

ет — все-таки мозги еще работают — и раздражает. Ей хочется, чтоб на нее смотрели. Годами после смерти отца она утверждала, что за ней ухаживают врачи, водители автобуса, директор больницы, где она до сих пор работает доброvolкой. На луг приходят люди, собаки, некто в коричневой шапочке с высокой белой собакой, похожей на козу. О Боже, это действительно коза. Вернее, козел. Молодой белый козел с грустными светло-янтарными глазами и голубыми пятнышками на прозрачных ушах. Рогов нет, но бодаться умеет. Толстый мальчуган, очень похожий на некто, наверное, братишка, сшибается с козликoм лбом, потом с гримасой боли потирает лоб рукой. Козлик не щиплет траву, а подбирает с дорожки явно несъедобную труху. Неподалеку замер в позе статуи еще один некто в серой шляпе и трусах, не сводя с козла изумленных глаз. Обе футбольные команды, включая детей, не смотрят на вас, не видят ни вас, ни козлика, ни обоих некто, как будто находятся в своего рода параллельном мире. Но вы их видите. Козел и некто в коричневой шапочке прощаются и уходят. Футбольные мальчишки так ничего и не заметили. Ваша дочка тоже уходит. Вас кусают мухи, болит спина, надоело. Вы еще хотели пойти в кино. Пойдем? предлагаете вы. Мама ни с места. У вас чешутся ноги. Прибегают двое детей, один обычный мальчик с самокатом, другой — прелестная почти черная девочка, не эфипка, похожа на индианку, в нарядном синем платьице, с сережками. Стреляет яркими черными глазками, не улыбается. Какими красивыми были ваши дети много лет назад, какой прекрасной должна была быть их жизнь. Еще одна собака, большой пушистый колли, бросается на спину, потом устраивается на траве. Мама сидит как в кино, луг, деревья, людей, собак видит в первый раз в жизни, каждый день все видит в первый раз. Солнце заходит, вы проголодались. Наконец мама встает. Не знает, как дойти домой. Вы доводите ее до дома и так спешите удрать, что забываете сказать ей, что завтра в доме отключат газ. Вспоминаете только к вечеру следующего дня, хотя в объявлении у входа в ее дом рекомендовалось каким-то особым образом проверить газ, прежде чем начинать им пользоваться. Вы приходите домой. Ваш муж лежит на диване, прикрыв глаза. Он сочиняет стихи о той. Вы не хотите их слушать. Вы не устраиваете ему сцен ревности, не следите за ним, тем более что измены или страстной любви как таковой вроде нет, но он пишет стихи о той, и вы не хотите их слушать. Он же требует, чтоб вы выслушивали и хвалили или делали замечания по существу. Он говорит, что стихи не о ней, а вообще о женщине. Но вы цепенеете от этих стихов, немеете, хотите оглохнуть. В кино уже поздно. Вы ложитесь на диван, вам больше всего хочется распасться на какие-нибудь невидимые крупички и слиться с этим диваном. Муж осведомляется. Вы рассказываете ему о прогулке с мамой. Он слушает и сочувствует. Потом советует написать об этом рассказ. И вы пишете рассказ.

ИЗОБРАЖЕНИЯ

Александр Адонин (1949) — художник. Родился в Ново-Айдаре. Учился в Краснодаре. В Израиле с 1991 г. Работы А. Адонина экспонировались на индивидуальных и групповых выставках в Израиле, России, США, Канаде, Германии. Живет в Иерусалиме.

Александр Адонин

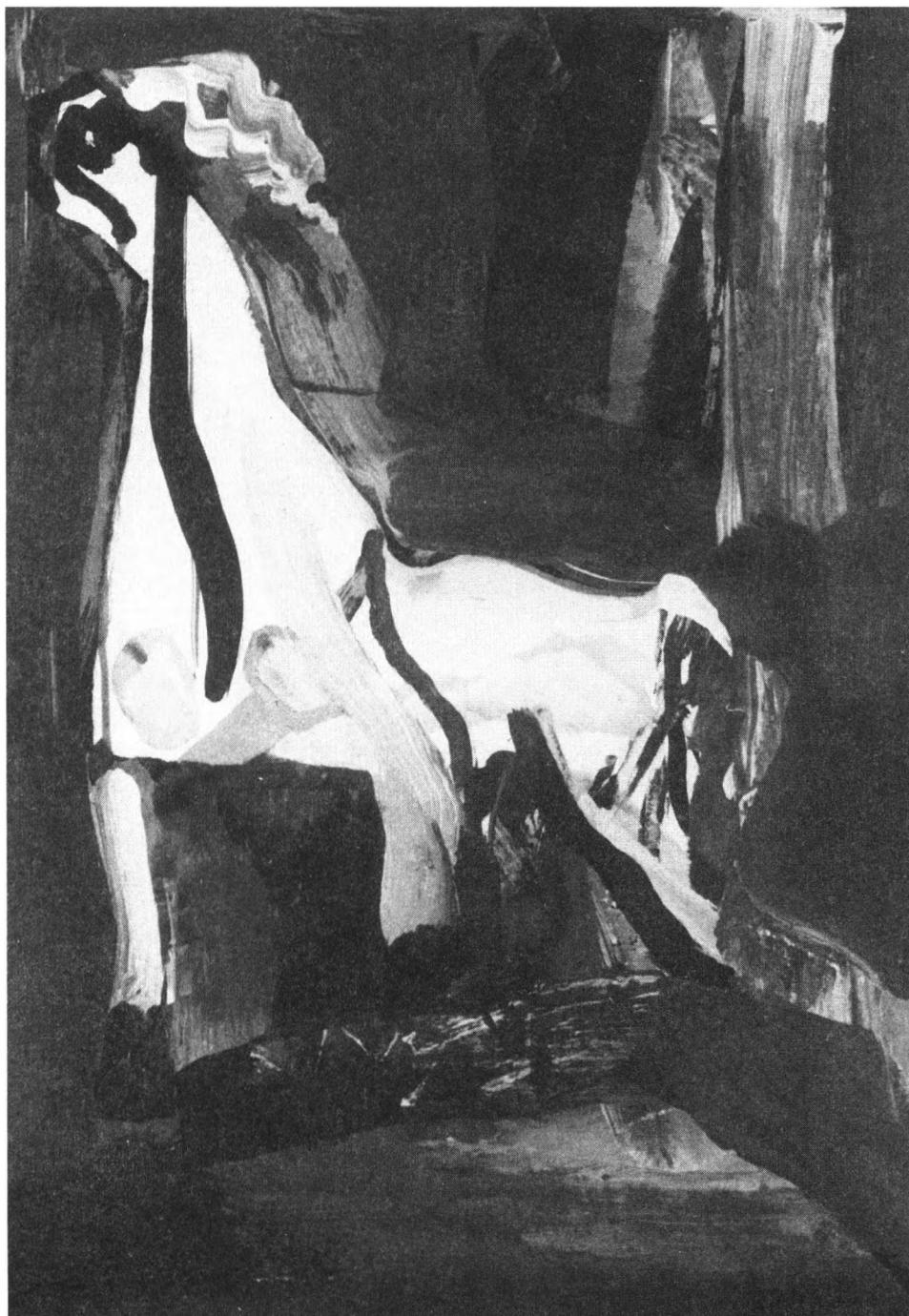
МОТИВ И ОБРАЗ

Улица в Тель-Авиве

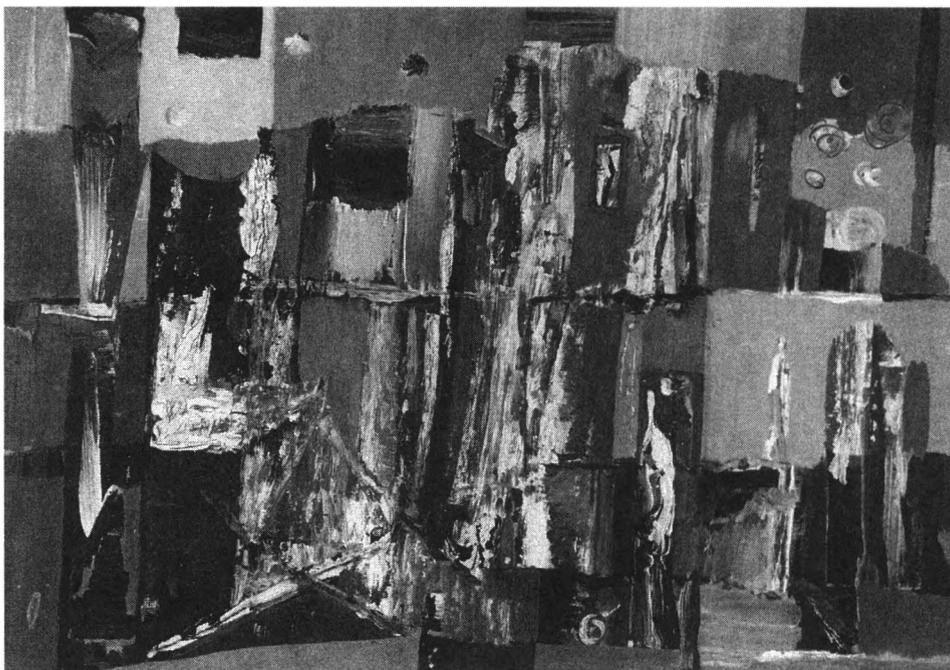
Ночной пейзаж

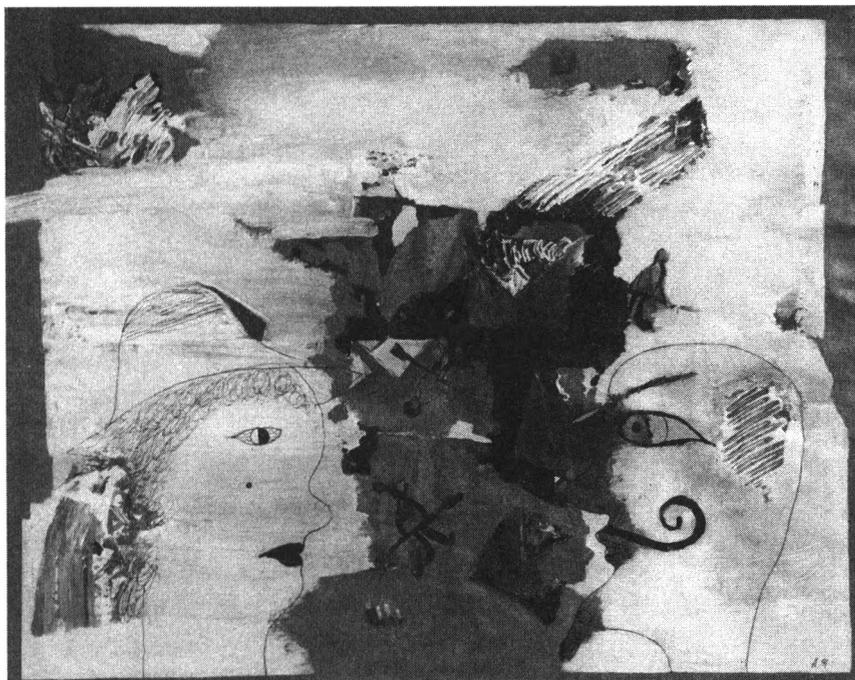
Кентавр

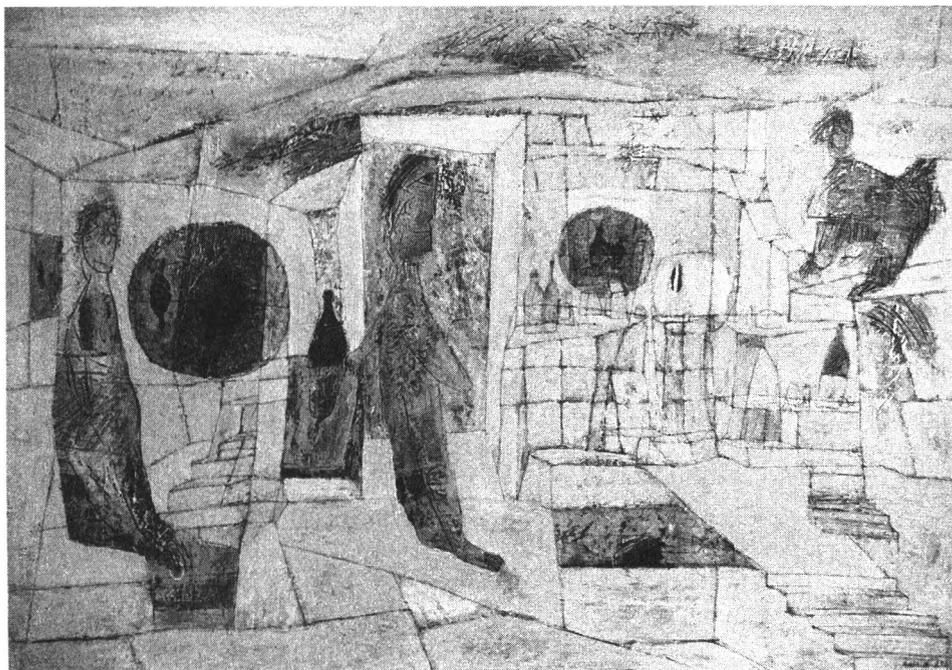
Иерусалим

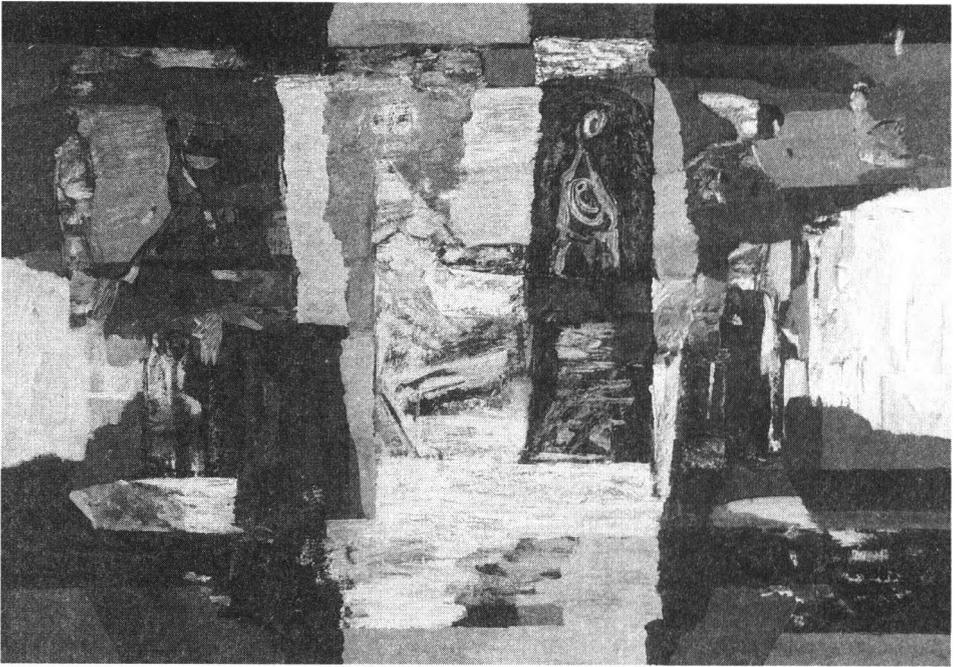
Осенний мотив

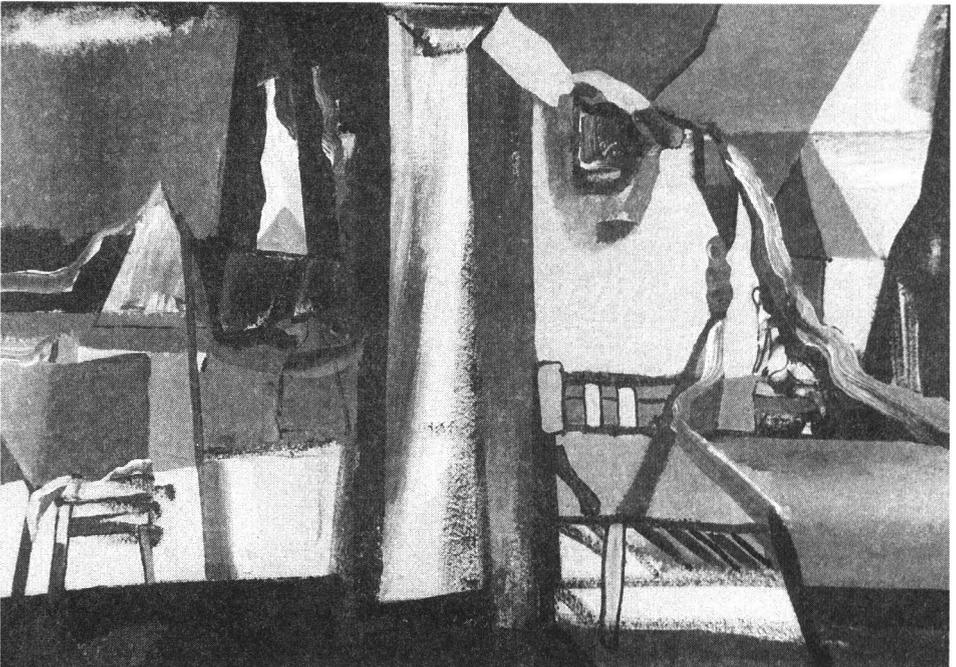
Письма из детства

Прогулка

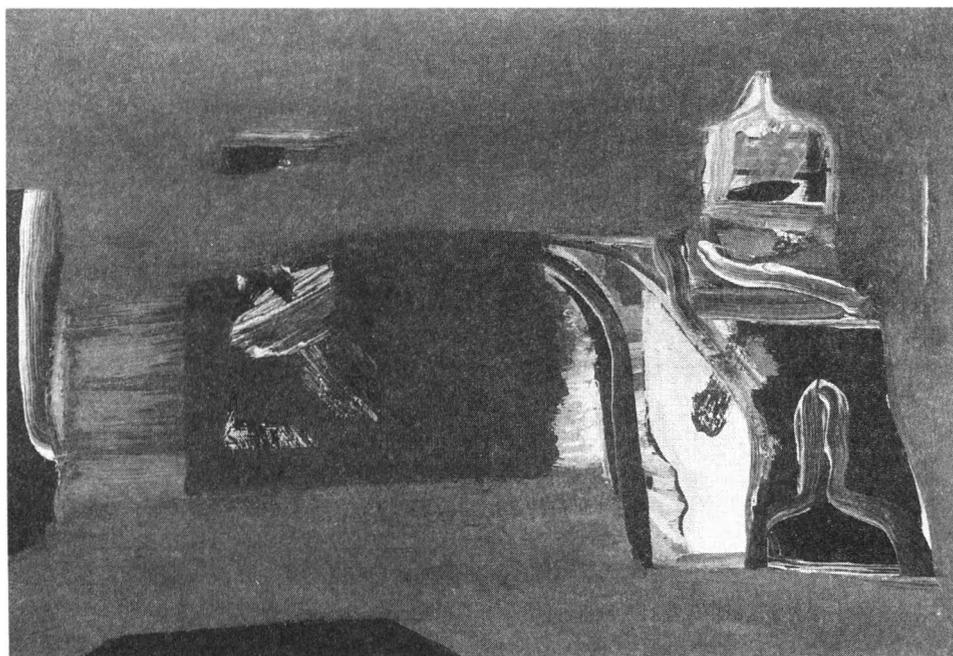
Сон

В студии

Композиция

Вечерняя молитва

Модель

RESUME

ISRAEL AND EUROPE

Gasan Gusejnov. *The foreign policy of Germany and the Israeli situation.*

New priorities in the foreign policy of Germany, especially in the context of the last Iraqi war, are analysed in the article. In addition to this the author discusses the attempts to strengthen the status of Germany in European Union and also the "eurasian" tendencies of certain German politicians and ideologists.

SUPERMARKET OF IDEAS

Irina Kachur. *Between two worlds.*

The interrelations between the Herman Cohen's neo-Kantian philosophy and the Jewish religious tradition are analysed in the essay. The author shows that Cohen's concept united the Jewish heritage and the modern European thought under the sign of radical transcendency of God. Two famous disciples of Cohen, Boris Pasternak and Frantz Rosenzweig, while both were strongly influenced by their teacher, drew rather different conclusions from his doctrine.

Natalia Daragan. *Function and its limit.*

The author criticizes the concept, presented in A. Eterman's article "Theses on the nature of human morals", published in the previous issue of the journal. N.Daragan considers morals as belonging to the realm of sacred and supporting the absolute world order prescribed from above.

ACTUAL PAST

Evgeny Movshovich. *Stalin and Jews: the course of political evolution.*

The essay presents a critical response to the book "Secret Stalin policy: power and antisemitism" by G. Kostyrchenko. E. Movshovich, while acknowledging the factual richness and helpfulness of the book, notes at the same time that Kostyrchenko tends to soften the acuteness of the problem and to diminish the scale and danger of the state antisemitism in the USSR during the Stalin era.

HORIZONS OF SCIENCE

Aron Dolgopolsky, Israel Lugovskoy. *Relationship of languages and prehistory.*

The authors present in popular form the "nostratic" theory of languages, according to which most groups and families of the existing and "dead" languages descend from the common ancestor-language. They list numerous examples illustrating and confirming the hypothesis.

POLITICS/POLEMICS

"One should begin with the future..." Interview with the chairman of the organization "People's Voice" Ami Ayalon.

Ami Ayalon defines the main points of "Declaration of Principles", that he has compiled together with Sari Nuseiba. He also tells about the organization "People's voice" and its aims. Ami Ayalon urges the necessity of pushing both Israeli and Palestinian governments from below in order to reach as soon as possible the final agreement based on demographic separation.

"On Zionism and Israel today".

This section includes an article by a famous Israeli publicist Yakov Hisday (from his book "Times confused" published in Russian) and polemic responses to this book by Russian-language publicists Michael Probatov and Leonid Natkovich.

IN THE FOCUS

Nazir Majli. *Not only personal story.*

A famous Arab-Israeli journalist and public man recalls his childhood and upbringing on the background of stormy events of 1948–49, which disrupted his family, and draws at the same time the collective portrait of the Israeli Arab with his archetypal problems of identity and loyalty. Majli depicts his own psychological and intellectual evolution which brought him to comprehension of the sorrows of Jews and made him a convicted partisan of the Arab-Jewish solidarity in Israel.

ISRAELI PNORAMA

Daniel Gutwein. *Check-bill of an invisible revolution.*

The historian and sociologist D. Gutwein considers in his essay the social development of the last decades which led to domination of "privatisation model" in Israeli collective consciousness. The author criticizes the abovementioned model from the position of traditional Zionism with its collectivistic values and ideals of social justice. D. Gutwein presents his own concept for the role of post-Zionism in the process of "consciousness privatisation".

Dan Ben-David. *On fog and politics. The story of two countries.*

A famous Israeli economist discusses in this two articles the reasons that brought about a deep socio-economic crisis in Israeli society. In his opinion, in order to change the situation one should stimulate the participation of larger groups of population in productive labour, to invest massively into education, and first of all, to make the decision-making process much more responsible and transparent for broad public.

HUMANITARIA

Yury Gusev. *The sign of Aushwitz.*

Literary critic and translator Yu. Gusev analyses the work of the recent Noble prize winner, the Jewish-Hungarian writer Imre Kertesz. Gusev reveals the originality of Kertesz' method in depicting the reality of extermination camps. Kertesz, according to Gusev, demonstrates the paradox of this reality: the impossibility for a human being to survive the hell of Aushwitz and his factual ability to withstand in these extremal circumstances.

Yury Lotman. *On generous artist.*

An outstanding philologist and structuralist reveals in his essay the deep inner proximity between the grotesque creative method of Gogol and the work of a Jewish artist A. Kaplan, who made ceramic portraits-illustrations to Gogol's "Dead Souls".

Michael Yudson. *Zoo-nderella, or new-love-letters.*

The essay presents a humoristic and apologetic response to the book "Bez Prikras" ("Unvarnished") by Nina Voronel.

THE LITERARY SECTION

Valery Popov. *Muddy Glade*

The reminiscences-miniatures of a famous Petersburg prosewriter renew in our minds humoristic and grotesque traits of literary life in the Soviet Union during the "era of stagnation".

Larisa Rudstein. *Four stories.*

Short stories by L. Rudstein represent vivid pictures of ordinary life (in Israel and Russia) included into the stream of intensive self-reflexion and imagination of the hero-narrator.

THE IMAGES

Paintings by Alexander Adonin

מיקוד

נזיר מג'לי. סיפור לא אישי.

העיתונאי ואיש הציבור הערבי-ישראלי הידוע נזכר בילדותו והתבגרותו על רקע שינויים הסטוריים מרחיקי-לכת, במשפחה שהופרדה ע"י מאורעות 1948, ומצייר בו-זמנית דיוקן קולקטיבי של ערבי-ישראלי, על בעיות הזהות והנאמנות היסודיות שלו. מג'לי מתאר את האבולוציה הפסיכולוגית-אינטלקטואלית שלו שהביאה אותו להבנת סבלם הקשה של היהודים והפכה אותו ללוחם נלהב למען סולידריות ערבית-יהודית בישראל.

פנורמה ישראלית

דניאל גוטווין. שטר הפידעון המהפיכה הלא נראית לעין.

ההסטוריון והסוציולוג ד. גוטווין בוחן במסתו את ההתפתחויות החברתיות של העשורים האחרונים שהביאו להשתלטות "מודל הפרטה" על התודעה הקולקטיבית הישראלית. המחבר מותח ביקורת על המודל הנ"ל מנקודת המבט של הציונות הקלאסית על ערכי הקולקטיביזם והצרקה חברתי שלה. ד. גוטווין מציג את הערכתו לגבי תפקידה של הפוסט-ציונות בתהליך "הפרטת התודעה".

דן בן-דוד. על ערפל ומדיניות. סיפורן של שתי מדינות.

הכלכלן הישראלי הנודע מנתח בשני מאמריו את הסיבות שהביאו את החברה הישראלית למשבר חברתי-כלכלי עמוק. לדעתו, כדי לשנות את המצב, יש לעודד את השתתפותם של מגזרים רבים יותר באוכלוסייה בעבודה יצרנית, להשקיע יותר בחינוך, ובעיקר - להפוך את תהליך קבלת ההחלטות להרבה יותר אחראי ושקוף עבור הציבור.

רוח

יורי גוסב. כסימן אושביץ.

מבקר הספרות והמתרגם י. גוסב מנתח את יצירותיו של זוכה פרס הנובל, הסופר היהודי-הונגרי אימרה קרטש. גוסב חושף את מקוריותו של אופן תיאורו של קרטש את המציאות של מחנות ההשמדה. לפי י. גוסב, קרטש מציג את הפרדוקס של מציאות זו: חוסר יכולתו לכאורה של בן-אנוש לשרוד את התופת של אושביץ כנגד הצלחתו לעמוד בייסורים נוראים אלה.

יורי לוטמן. על אמן נדיב.

הבלשן והסטרוקטורליסט המפורסם חושף במסתו את הקרבה הפנימית העמוקה שבין שיטת היצירה הגרוטסקית של הסופר הרוסי נ. גוגול לדיוקנאות-איורים (העשויים קרמיקה) של האמן היהודי א. קפלן ל"נפשות המתות" של גוגול.

מיכאיל יודסון. סינדרלה, או מכתבי נאו-אהבה.

המסה מהווה מענה הומוריסטי ואפולוגטי לספר "בו פריקראס" ("בלא כחל ושרק") של נינה וורנל.

מדור הספרות

ואלרי פופוב. מערה יער עכור.

קטעי זכרון קצרצרים של הסופר הפטרבורגי הנודע מזכירים לנו מאפיינים הומוריסטיים-גרוטסקיים של חיי הספרות בברה"מ של תקופת ברז'ניב.

לריסה רודשטיין. ארבעה סיפורים.

סיפוריה הקצרים של ל. רודשטיין מציגים תמונת אקספרסיביות של חיי היומיום (בישראל וברוסיה) השזורות בורם תודעה ודימיון של הגיבור המספר.

דמויות

יצירותיו של אלכסנדר ארזנין.

תקצירים

ישראל ואירופה

גאסן גוסינוב. מדיניות החוץ של גרמניה ומעמדה של ישראל.
במאמר מנותחים סדרי העדיפויות החדשים של מדיניות החוץ הגרמניה בשנים האחרונות, במיוחד בקונטקסט של המלחמה האחרונה בעירק. בנוסף, המאמר עוסק בנסיגות לחיזוק תפקידה של גרמניה במסגרת האיחוד האירופאי וגם מגמות "יורואסיאתיות" של מדינאים ואידאולוגים גרמנים מסויימים.

יריד של רעיונות

אירינה קציר. בין שני עולמות.
במאמר מנותחים יחסי הגומלין של הפילוסופיה הנאו-קנטיאנית של גרמן כהן עם המסורת האירופאית המודרנית בסימן טרנסצנדנטיות רדיקאלית של האלוהות. שני תלמידיו המפורסמים של כהן, בוריס פסטרנק ופרנץ רוזנצוויג, הגם ששניהם השפעו רבות מאישיות מורם, פנו לדרכים רחניות שונות בתכלית.

נטליה דרגן. הפונקציה וגבולה.
המחברת מותחת ביקורת על הרעיון המוצג במאמרו של א. אטרמן "על טבע המוסר האנושי" שפורסם בגיליון הקודם של כתב העת. נ. דרגן רואה את המוסר כמשתייך לתחום של המקודש וכמחזק את הסדר העולמי המוחלט שהוכתב מלמעלה.

העבר האקטואלי

יבגני מובשוביץ'. סטלין והיהודים: מגמת האבולוציה הפוליטית.
המאמר מציג מענה ביקורתי לספרו של ג. קוסטירצ'נקו "מדיניותו הסודית של סטלין: השלטון והאנטישמיות". י. מובשוביץ' מכיר בעושרה העובדתית של העבודה הנידונה, אך מציין כי מחברה מנסה להמעיט בחומרת המצב, במימדי האנטישמיות השלטונית ומידת סכנתה בתקופת סטלין.

אופקי המדע

אהרון דולגופולסקי, ישראל לוגובסקוי. הקרבה המשפחתית של הלשונות וההיסטוריה הקדומה.
המחברים מנסחים בצורה ברורה לכל את תאוריית הלשונות ה"נוסטרטית", המייחסת את מוצא רוב משפחות וקבוצות השפות החיות והמתות ללשון מקורית אחת. המאמר כולל דוגמאות רבות להוכחת תזה לינגוויסטית אמיצה זו.

פוליטיקה / פולמוס

"יש להתחיל מהעתיד..." ראיון עם ראש ארגון "המפקד הלאומי" עמי איילון.
עמי איילון מספר על הנקודות הבסיסיות של "הצהרת העקרונות" להסדר קבע, שנוסחה על ידו ועל-ידי סרי נוסייבה, וכן על אופיו ומטרותיו של ארגון "המפקד הלאומי". איילון מדגיש את הצורך החיוני של לחץ ציבורי "מלמטה" על ממשלת ישראל והרש"פ למען פתרון מהיר ביותר של הסכסוך על בסיס הפרדה לפי העקרון הדמוגרפי.

על ציונות וישראל היום.
קובץ זה כולל מאמר של איש הציבור הישראלי יעקב חיסדאי, שנלקח מספרו "סמוטנויה ורמיה" - "זמן הערפל", שפורסם בשפה הרוסית ותגובות ביקורתיות עליה של שני עיתונאים כותבי רוסית - מיכאיל פרובטוב ולאונד נטקוביץ'.

לכל זמן ועת לכל חפץ תחת השמים:

ועת למות	עת ללדת	א
ועת לעקור נטוע :	עת לטעת	ב
ועת לרפוא	עת להרוג	ג
ועת לבנות :	עת לפרוץ	ד
ועת לשחוק	עת לבפות	ה
ועת רקוד :	עת ספור	ו
ועת פנום אבנים	עת להשליך אבנים	ז
ועת לרחק מתבק :	עת לחבוק	ח
ועת לאבד	עת לבקש	ט
ועת להשליך :	עת לשמור	י
ועת לתפור	עת לקרוע	יא
ועת לדבר :	עת לחשות	יב
ועת לשנא	עת לאהב	יג
ועת שלום :	עת מלהמה	יד
מה יתרון העשה באשר הוא עמל : ראיתי את הענין		
אשר נתן אלהים לבני האדם לענות בו : את הכל		
עשה יפה בעתו גם את העלם נתן בלבם מבלי אשר		
לא ימצא האדם את המעשה אשר עשה האלהים מראש		
ועד סוף :		

